

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования города Москвы
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

ЧЕТВЕРТАЯ

Всероссийская

научно-практическая конференция

**«Практическая этнопсихология:
актуальные проблемы и перспективы
развития»**

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МИГРАЦИИ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ К ПРАКТИЧЕСКИМ РЕШЕНИЯМ

25–26 октября 2013 г.

Сборник материалов

Москва 2013

**ББК 88.5
Н12**

На перекрестке миграции: от теоретических моделей к практическим решениям. Сборник материалов четвертой Всероссийской научно-практической конференция «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития»: 25–26 октября 2013 г. – М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. – 115 с.

ЧЕТВЕРТАЯ Всероссийская научно-практическая конференция

«Практическая этнопсихология:

актуальные проблемы и перспективы развития»

**Тема конференции: «На перекрестке миграции:
от теоретических моделей к практическим решениям»**

25–26 октября 2013 г., МГППУ

Программный комитет конференции: д. ист. н., проф. *А. А. Белик*; д. психол. н., проф. *Н. М. Лебедева*; д. психол. н., проф. *В. В. Рубцов*; д. психол. н., проф. *Г. У. Солдатова*; д. психол. н., проф. *Т. Г. Стефаненко*; д. ист. н., проф. *В. И. Харитонова*, д. психол. н., проф. *В. Ю. Хотинец*

Председатель оргкомитета: к. психол. н., доц. *О. Е. Хухлаев*

Секретарь оргкомитета: к. психол. н. *Н. В. Ткаченко*

Оргкомитет: к. культурологии *Е. А. Александрова* (Москва); д. психол. н., доц. *А. А. Бучек* (Петропавловск-Камчатский); к. психол. н. *В. Н. Галятина* (Ставрополь), д. психол. н., проф. *В. В. Гриценко* (Смоленск); д. социол. н., проф. *Р. И. Зинурова* (Казань); к. психол. н., доц. *В. В. Константинов* (Пенза); к. психол. н. *И. Я. Лейбман* (Москва); к. пед. н. *О. С. Павлова* (Москва); д. полит. н., к. психол. н., проф. *Н. К. Радина* (Нижний Новгород); к. психол. н. *О. В. Савицкая* (Каменец-Подольский); к. психол. н., доц. *Т. А. Соловьева* (Архангельск); к. психол. н., доц. *Г. С. Степанова* (Воронеж); к. психол. н., доц. *Т. Ц. Тудутова* (Улан-Удэ); к. психол. н., доц. *Э. Р. Хакимов* (Ижевск); к. психол. н., д. пед. н., доц. *О. В. Хухлаева* (Москва); к. психол. н. *М. Ю. Чибисова* (Москва); к. психол. н., доц. *В. Н. Шляпников* (Москва).

Направления работы:

1. Этнопсихология и школа [от толерантности до поликультурного образования]
2. Психологические технологии межкультурной коммуникации [от бизнеса до образования]
3. Этнопсихология и культура мира [от разрешения этносоциальных конфликтов до управления миграционными процессами]
4. Этнопсихология и здоровье [от медицины до психологической помощи]

Материалы печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-5-94051-135-3

© ГБОУ ВПО МГППУ, 2013.

Содержание

<i>Авагимян А.А.</i> Балинтовская группа как инструмент решения межэтнических и межрелигиозных проблем в работе медицинских и социальных работников и психотерапевтов	9
<i>Айварова Н.Г.</i> Многонациональный детский оздоровительный лагерь как условие формирования толерантности	10
<i>Баркова Ю.С.</i> Музыкальное Миротворчество в контексте поликультурного образования»	11
<i>Белькова М.Р.</i> Социально-психологический тренинг «Театр этнической моды».....	12
<i>Бокарева М.А.</i> Взаимосвязь гражданской идентичности и мотивов у российских студентов, желающих уехать обучаться за рубеж	14
<i>Бузилова В.А.</i> Проведение «Дня толерантности» как форма воспитания ППП (понимания, принятия, признания)	16
<i>Вартанова И.И., Ауан Т.</i> Система ценностей старшеклассников России и Турции	18
<i>Верченова Е.А.</i> Проблема применения социометрической методики в китайских студенческих группах	19
<i>Гир М.В.</i> Роль культурного интеллекта в современном образовании	20
<i>Горнаева С.В., Смотрова Т.Н.</i> Культурно-ценностная обусловленность переживания чувств вины и стыда представителями различных этнических групп	22
<i>Гурина О.Д.</i> Смысловые конструкты и ксенофобские установки у подростков с криминальным и нормативным поведением	23
<i>Зинурова Р.И.</i> Социальное самочувствие молодежи этнических групп в регионах Российской Федерации (на примере Республики Татарстан)	24

<i>Зикурова Р.И.</i> Отношение к мигрантам в республиках ПФО	26
<i>Ильюкевич И.П.</i> Архетипический анализ личности в системе тотемов древних индейцев.....	27
<i>Кауненко И.И.</i> Особенности этнических стереотипов молодёжи в трансформирующемся обществе (на примере Республики Молдова)	29
<i>Каунова Н.Г.</i> К проблеме интеграции цыган/ромов в социо-культурное пространство Молдовы	30
<i>Каяшева О.И.</i> Этнопсихологические аспекты в арт-терапии.....	32
<i>Клюкина А.Г.</i> Кросс-культурное сравнение образовательных ожиданий родителей на этапе подготовки детей к школьному обучению	33
<i>Козлова М.А.</i> «Свои» и «чужие»: стратегии и механизмы конструирования образов интруппы и аутгруппы в советских и постсоветских учебниках для начальной школы.....	35
<i>Константинов В. В.</i> Адаптационный процесс у мигрантов в Приволжском федеральном округе.....	36
<i>Кудрявцева Е.Л.</i> Диалог культур или «русский след» в мульт-экранизациях конца XXго столетия	37
<i>Кулебякина У.Н.</i> Лингводидактические особенности обучения русскому языку как неродному детей мигрантов дошкольного возраста.....	41
<i>Курбанова Л.У.</i> Этническая идентичность и проблема сохранения интеграционного ресурса в условиях миграции (на примере чеченцев – мигрантов).....	43
<i>Лейбман И.Я.</i> Специфика работы психолога с инокультурным клиентом в гештальт-подходе	45

Содержание

<i>Лихоманов А. Е.</i> Этномедицинские практики в экологических поселениях (на примере Волгоградского региона).....	47
<i>Мазилев В.А.</i> Методологические вопросы исследования культурного фрейминга близкородственных культур.....	48
<i>Макарчук А.В., Савушкин А. А.</i> Расскажи мне, и я забуду или интерактивный эксперимент в этнопсихологической практике	49
<i>Митина О.В., Петренко В.Ф.</i> Использование психосемантического подхода в этнопсихологии.....	50
<i>Митина О.В., Рустам-Заде Н.М.</i> Психосемантическое исследование личностных акцентуаций на русскоязычной выборке в Азербайджане.....	53
<i>Митина О.В., Бондаренко А. С.</i> Психосемантический анализ ценностных установок в полиэтнической среде (на материале Ташкента)	54
<i>Молчанова Е.А.</i> Этнический образ и его преобразование в связи с усложнением системы межэтнических отношений.....	56
<i>Назранова Л.Ж.</i> Некоторые результаты изучения специфики общения и межличностных отношений дошкольников в условиях полиэтнической среды дошкольных образовательных учреждений города Нальчика	57
<i>Накохова Р.Р.</i> Сформированность этнической идентичности как фактор формирования гражданской идентичности	59
<i>Непочатых Е.П.</i> Социальные представления студентов вуза о межэтнической компетентности / межэтнической некомпетентности	69
<i>Обухов А.С.</i> Визуальная антропология в контексте исследования традиционных культур народов России: проблема позиции исследователя, способа фиксации и формата репрезентации этнических культур	72
<i>Одинцова М.А.</i> Избегание как одна из типичных преодолевающих стратегий белорусов	74

<i>Орленко С.А.</i> Формирование установок толерантного поведения и профилактика экстремизма среди подростков и молодежи – учащихся средних и средних специальных учебных заведений инновационными средствами учреждений культуры.....	75
<i>Орлова М.О.</i> Методологические подходы к изучению латиноамериканских целительских практик с использованием растительных галлюциногенов	76
<i>Павлова О.С.</i> Зачем нужны этнографические данные в психологической практике?	78
<i>Преснякова С.А.</i> Негативные стереотипы и предрассудки в восприятии иммигрантов беларусами.....	79
<i>Румянцева П.В.</i> Формирование мультиэтнической идентичности в ситуации интенсивных межкультурных контактов: пример русскоговорящих иммигрантов в Финляндии	80
<i>Рябиченко Т.А.</i> Связь индивидуальных ценностей и стратегий аккультурации этнических меньшинств	81
<i>Савицкая О.В.</i> Этническая толерантность будущих воспитателей дошкольных учебных заведений	83
<i>Соловьева Т.А.</i> Художественная литература как фактор формирования этнической толерантности младших школьников	84
<i>Старова Т.А., Чибисова М.Ю.</i> Психологическая поддержка адаптации китайских студентов в России	85
<i>Степанова Г.С.</i> Динамика ожидаемых этностереотипов студенческой молодежи.....	87
<i>Сулейманян А.Г.</i> Народные игры как средство развития высших психических функций и межкультурной коммуникации	88

Содержание

<i>Тагирова Р.А.</i> Влияние этнической идентичности на этническую толерантность	89
<i>А.А.Терентьев, О.Г.Терентьева.</i> Этнопедагогика славян и татар как отражение древней синкретичности.....	91
<i>Ткаченко Н.В.</i> Опыт полевого изучения этнической идентичности педагогов хакасов	92
<i>Третьякова А.И.</i> Культурное измерение «Избегание неопределенности» Г.Хофстеде как способ работы с педагогами в меняющихся условиях образовательного процесса.....	94
<i>Троянская А.И.</i> Рефлексивная позиция личности в поиске культурного самоопределения.....	95
<i>Фомина Н.О.</i> Психолого-педагогическое сопровождение иноязычных первоклассников, испытывающих трудности в освоении русского языка в школе с русским (родным) языком	96
<i>Хабибулина В.М.</i> Модернизационный вызов российскому здравоохранению со стороны Концепции национальной безопасности в отношении трудовых мигрантов из Средней Азии.....	97
<i>Хайт М.А.</i> Специфика взаимосвязи уровня сложности социальной идентичности и отношения к неопределенности среди студенческой молодежи России и Италии	98
<i>Хакимов Э.Р.</i> Исследование старшеклассниками «Финно-угорских параллелей» как технология поликультурного образования	100
<i>Хотинец В.Ю.</i> Особенности виктимизации подростков в условиях дефицитарности инкультурации	102
<i>Чухрова М.Г.</i> Реалии и перспективы кросс-культурных исследований мигрантов в Западной Сибири	103

<i>Чухрова М.Г., Дмитриенко А.Н.</i> Алкогольные традиции алтайцев и бурят	104
<i>Чухрова М.Г., Зайцева М.В.</i> Адаптивные процессы у мигрантов-билингвов	105
<i>Чухрова М.Г., Ким Хен Су</i> Принципы корейской народной медицины	106
<i>Шленская Т.В.</i> Роль религиозной идентичности в процессе адаптации у мигрантов	107
<i>Шляпников В.Н.</i> Этнокультурный подход к воспитанию воли	108
Информация об авторах	110

Балинтовская группа как инструмент решения межэтнических и межрелигиозных проблем в работе медицинских и социальных работников и психотерапевтов

Авагимян А.А.

Цель работы – определение возможностей использования Балинтового метода для профилактики межэтнических проблем медицинского персонала. Для достижения этой цели были решены следующие задачи:

- ознакомление с историей Балинтового метода;
- рассмотрение основных его положений;
- рассмотрение современного развития Балинтового движения;
- рассмотрение этнического фактора в современной медицине.

В нашей многонациональной стране вопрос о роли этнического фактора в медицине стал обсуждаться недавно. В психологии эта область практически не затронута, в социологии медицины пока имеются исследования, посвященные конкретным проблемам роли этнического фактора в медицине: обучению иностранных студентов в медицинском вузе России (Т.К.Фомина), качеству жизни этнических мигрантов (М.Н.Шляпникова), этническим особенностям гендерных ролей в медицине (М.Д.Ковалева), этническим аспектам медицинской конфликтологии (М.Е.Волчанинский), изучения отношения к здоровью в различных этнических группах (С.В.Виноградова), клиническим исследованиям с участием представителей этнических меньшинств (Н.Н.Седова).

Очевидно, что имеются этнические отличия в культуре и способах потребления медицинских услуг, обусловленные социально-исторической дифференциацией этносов. М.Р.Джерештиева отмечает в своем исследовании, что 27,91 % врачей допускают влияние этничности, но только в поведенческих паттернах пациентов. Это объясняется тремя факторами: а) внушенной с детства установкой на поиски этнических отличий в поведении людей вообще; б) особенностями проживания в полиэтничном регионе; в) личным опытом общения с пациентами разных национальностей.

Балинтовская группа – метод групповой тренинговой исследовательской работы, получил название по имени создателя – Микаэла Балинта, проводившего в 1949 году в клинике Тэвисток в Лондоне дискуссионные групповые семинары с практикующими врачами и психиатрами и обобщивший их опыт в книге «Врач, его пациент и болезнь» (1957).

Цели работы Балинтовой группы:

- поощрять врачей ценить свои навыки межличностных отношений и учиться понимать их пределы;
- улучшить восприятие и понимание коммуникации пациента врачами;
- позволить врачам осознавать свои «слепые пятна» в общении с пациентами;
- психопрофилактика синдрома профессионального выгорания.

Центральный объект исследования в классической Балинтовской группе – отношения «врач-пациент». Анализ этих отношений дает возможность более полно понять пациента во всем многообразии его связей и взаимодействий с реальным миром.

Таким образом, именно Балинтовская группа может способствовать решению вопросов в межэтнической коммуникации между врачом и пациентом и быть проводником достижения толерантности медицинского персонала.

Многонациональный детский оздоровительный лагерь как условие формирования толерантности

Айварова Н.Г

Уникальной школой толерантности является финно-угорский лагерь в республике Марий Эл. В начале 90-х годов прошлого столетия на фоне массового общегосударственного роста национального самосознания Союз детских и подростковых организаций РМЭ «Эр вий» («Юная сила») заложил добрую традицию проведения ежегодных финно-угорских оздоровительных лагерей для подростков финно-угорских территорий и народов Поволжья. Программа лагеря ориентирована на комплексное формирование позитивной этнической, гражданской идентичности и межкультурной толерантности подростков.

Психологическая служба лагеря работает по трем направлениям:

Работа с отрядом вожатых: проводится тренинг-семинар до начала работы лагеря с целью знакомства с основными методологическими положениями проекта и повышения этнопсихологической компетенции вожатых, а также психологическое сопровождение их деятельности в течение смены.

Работа с руководителями делегаций (отрядом взрослых): знакомство с историей лагеря и методологическими основами проекта.

Работа с подростками: психологические тренинги по формированию позитивной личностной, этнической, гражданской идентичности и межкультурной толерантности.

В проекте большое внимание уделяется встречному изучению языков, этнопросвещению подростков: работают «Университет финноугроведения», где дети знакомятся с историей и культурой финно-угорских народов и мастерские народных промыслов, где энтузиасты – мастера-умельцы, на своем личном примере воспитывают в детях бережное отношение к традиционной народной культуре. Личному примеру педагогов в лагере отводится большое внимание, достойная модель позитивной этничности и межэтнической толерантности педагогического кол-

лектива – один из основных принципов организации образовательной программы лагеря.

За двадцать два года накоплен огромный опыт, снято множество фильмов о жизни лагеря. Лагерная смена 2004 года была полностью посвящена межэтнической толерантности и проходила под названием «Учимся жить в мире и согласии». По результатам работы этой смены была снята серия телепередач из 6 частей, где был представлен опыт финно-угорского лагеря по формированию бережного отношения к своей культуре и культурам других народов. В своей работе мы активно используем методологический и практический опыт, накопленный в рамках реализации проекта «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в Российском обществе» под руководством А.Г. Асмолова (1,2 и др.). Данный материал является бесценным для современной педагогической общественности, когда основные документы в сфере образования – Закон РФ «Об образовании», «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования рассматривают систему российского образования как наиболее действенный фактор культурной и политической интеграции современного российского многонационального общества.

Литература:

1. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д. Жить в мире с собой и другими: Тренинг толерантности для подростков. М.: Генезис, 2000. – 112 с.
2. Психодиагностика толерантности личности. Под редакцией Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008. – 172 с.

Музыкальное Миротворчество в контексте поликультурного образования»

Баркова Ю.С.

Автор рассматривает понятие «Миротворчество» как способность человека (субъекта деятельности) к со-переживанию (в ракурсе концепции психологии переживания Ф.Е. Василюка), к со-единению, со-творчеству, и со-зданию мира в гармонии и многообразии его проявлений. Приставка со- в перечисленных наименованиях означает деятельность, направленную на восстановление целостности человека в единстве и гармонии с ближним (человека с человеком), с природным космосом, с высшим принципом бытия (с точки зрения христианской антропологии – с Богом).

Музыкальное Миротворчество исходит из понимания «музыки» и «музыканта» в широком смысле, по Платону, который связывал происхождение

слова «музыка» с глаголом «*mösthai*», что в переводе с древне-греческого означает «ощупывать», «исследовать», а термин «мусический» использовал в значении «образованный», «гармоничный», проявляющий «прекраснейший лад в жизни, у которого слова созвучны с делами».

В качестве материала для психолого-педагогической работы по воспитанию способности к Миротворчеству служит традиционная музыка народов мира, содержащая в себе потенциал возможностей:

- «пережить» культуру того или иного народа на биологическом, психологическом, доязыковом уровне;
- осмыслить единство в многообразии миров различных культур через изучение этнических характеров, ценностей, исторических путей, проявляющихся в синкретизме музыки и слова в традиционной культуре;
- изучить принципы творчества в гармонии с природным космосом, лежащие в основе традиционной музыки разных народов;
- раскрыть в себе музыканта как человека творящего, стремящегося к реализации гармонии в жизни и к воплощению в своей деятельности своих самых высоких жизненных целей;
- использовать игру на традиционных этнических музыкальных инструментах (простых в освоении), в качестве одного из методов воспитания способности к Миротворчеству.

Результатами данной психолого-педагогической работы со школьниками и студентами могут быть:

- развитие субъектности;
- развитие межкультурной сензитивности;
- развитие способностей к слушанию, к слышанию, к «видению и вмещению в себя» миров других культур, развитие способности к сонатраиванию и совместному творению культурных миров;
- развитие самопознания и рефлексии.

Мастер-класс предполагает обзор основных теоретических положений Музыкального Миротворчества, их демонстрацию с живыми примерами игры на музыкальных инструментах народов мира, интерактивную работу с аудиторией в форме музыкальных игр, свободную дискуссию по теме.

Социально-психологический тренинг «Театр этнической моды»

Белькова М.Р

Этно - тысячелетняя память предков, зашифрованная в орнаменте, крое, материалах, из которых сделана одежда.

Народный костюм – это бесценное неотъемлемое достояние культуры народа, накопленное веками. Одежда, прошедшая в своём развитии

долгий путь, тесно связана с историей и эстетическими взглядами создателей [3, 8].

Традиции народного костюма складывались веками, бережно сохранялись и передавались из поколения в поколение, оставаясь неиссякаемым источником для творческого вдохновения [3, 20]. Колорит народного костюма, его декоративность, оригинальность и сейчас заставляют нас восхищаться. Торжественность, праздничность, умение тонко оперировать контрастными и тональными сочетаниями красок свидетельствует о присущем народу качестве видеть красоту в жизни и эстетически оформлять свой быт.

Таким образом, изучение и творческая трансформация народного искусства способствует как развитию, обновлению, обогащению современного костюма, так и эстетическому и нравственному воспитанию личности, формированию творческих способностей [3, 6], а также, на наш взгляд, способствует воспитанию этнической толерантности.

Основная цель тренинга: мотивирование подростков к эстетической деятельности посредством создания этнических костюмов и аксессуаров и воспитание этнической толерантности.

Задачи: – пропагандировать интерес и уважение к различным национальным культурам, создать условия для межнационального культурного обмена;

- культивировать среди подростков настроение толерантности к различным национальным культурам;
- объединить творческих представителей различных профессий, работающих в сфере моды, дизайна, рукоделичества и прикладного творчества для обучения подрастающего поколения.

Краткая характеристика тренинга: занятия проводятся в игровой и в диалоговой формах, с использованием демонстрационных материалов и мультимедийных средств обучения [1, 164]. Воспитанникам разъясняются отличительные особенности национальной одежды разных народов проживающих на территории региона; раскрывается понятие этнической моды; теоретические основы дизайна одежды, аксессуаров, кройки и шитья; и т.п.

По окончании тренинга опытные педагоги обучают воспитанников практическим навыкам конструирования, кройки и шитья и на протяжении 3-х месяцев подростки получают полезные знания, умения, навыки. В процессе обучения воспитанники занимаются самостоятельной творческой деятельностью, и в конце обучения проводится показ этнической моды.

Литература:

1. *Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г.* Тренинг этнической толерантности для школьников. – М., 2004
2. *Матяш Н.В., Павлова Т.А.* Методы активного социально-психологического обучения. 2-е издание. –М., 2010. – 96с.

На перекрестке миграции: от теоретических моделей к практическим решениям

3. *Пармон Ф.М.* Народный костюм: истоки дизайна. Монография. – М., 2005. – 200 с., 129 ил.
4. *Пряхина О.В.* Программа «Пластика движений». – В сб.: Программы для учреждений дополнительного образования детей. Вып. 2. – 2-е изд. – М.: ГОУ ЦРСДОД, 2003, с. 71–73.

Взаимосвязь гражданской идентичности и мотивов у российских студентов, желающих уехать обучаться за рубеж

Бокарева М.А.

В данном эмпирическом исследовании мы рассматриваем социально-психологические факторы студенческой миграции, такие как мотивы и гражданскую идентичность.

Мотивы были выделены на основе анализа вторичных данных по предыдущим международным исследованиям мотивов студенческой миграции по частоте их встречаемости в исследованиях. Были выделены экономические мотивы(1,5,8), политические (2,9,10) и социальные (10,11,16,17,3,4,7,12,14,15). Второй важной компонентой исследования была гражданская идентичность – компонента социальной идентичности, которая определяет поведение индивидов в межгрупповых отношениях (13) и реализует потребность индивида в принадлежности группе, которая дает ему ощущение уверенности в обществе. Так как гражданская идентичность имеет две характеристики: выраженность и позитивность, в исследовании были рассмотрены обе.

На основе анализа теоретического материала мы предполагаем, что существует взаимосвязь между показателями гражданской идентичности и мотивами у российских студентов, желающих уехать обучаться за рубеж.

Методика исследования

Среди студентов 17–28 лет из различных регионов России (N=149), обучающихся на различных специальностях, был проведен социально-психологический опрос. Из 149 студентов, принявших участие в опросе, для анализа мы выбрали студентов, которые хотели бы получить образование за рубежом (N=118). Результаты были обработаны с помощью математики – статистической обработки данных.

Результаты исследования

Сначала были измерены показатели гражданской идентичности по шкале от 1 до 5: выраженность позитивность гражданской идентичности (M=3,22) и позитивность гражданской идентичности (M=2,53).

Мы попросили студентов оценить, насколько их мотивируют выделенные мотивы обучаться за рубежом: неразработанность области в России (M=2,66), желание эмигрировать (M=3,35), привезти знания об-

ратно ($M=2,48$), приобрести культурный опыт ($M=4,69$), получить иностранный диплом ($M=3,87$)

Так же были рассчитаны взаимосвязи гражданской идентичности и мотивов (корреляция Спирмена), влияющих на желание уехать учиться за рубеж. Показатели гражданской идентичности (выраженность и позитивность) имеют взаимосвязь со следующими мотивами: желание эмигрировать и привезти знания обратно. При этом желание эмигрировать отрицательно связано с выраженностью гражданской идентичности ($r=-0,24$), а «привезти знания обратно» – положительно ($r=0,37$), но отрицательно – с позитивностью гражданской идентичности ($r=-0,31$).

Обсуждения и выводы

Исходя из результатов исследования, показатели гражданской идентичности и мотивы у российских студентов, желающих уехать учиться за рубеж, взаимосвязаны. У студентов, желающих получить образование за рубежом, наиболее сильно мотивируют причины: получить культурный опыт ($M=4,69$), получить зарубежный диплом ($M=3,87$) и эмигрировать ($M=3,35$).

Студенты действительно ощущают себя гражданами РФ, но не очень высоко ее оценивают. Возможно, желание учиться за рубежом вызвано так же низкой оценкой российского образования и низкой оценкой позитивности гражданской идентичности, то есть, чем ниже позитивность гражданской идентичности, тем сильнее мотив привезти знания обратно. Чем слабее выражена гражданская идентичность, тем сильнее мотив желаний эмигрировать посредством получения образования за рубежом, но чем сильнее выражена гражданская идентичность, тем сильнее выражен мотив привезти полученные знания обратно.

Литература:

1. *Bartel A. P.* (1979). "The Migration Decision: What Role Does Job Mobility Play?". *American Economic Review* 69, 777-786.
2. *Dreher A., Poutvaara P.* (2011). *Foreign Students and Migration to the United States* (pp. 1294–1307), *World Development* Vol. 39, No. 8.
3. Fan-sing Hung (2010). Intention of students in less developed cities in China to opt for undergraduate education abroad: Does this vary as their perceptions of the attractions of overseas study change? *International Journal of Educational Development* 30, 213–223.
4. *Frieze I., Hansen S.B., Boneva B.*, (2006). The migrant personality and college students' plans for geographic mobility. *Journal of Environmental Psychology* 26, 170–177.
5. *Hunt J. C. and Kau J. B.* (1985). "Migration and Wage Growth: A Human Capital Approach," *Southern Economic Journal*, 5 1, 697-710.
6. *Kelo, M., Teichler, U., and Waechter, B.* (eds.) (2006). *Eurodata – Student Mobility in European Higher Education*, pp 7–53. Bonn: Lemmens.
7. *Knight, J.* (2006). *Internationalization of Higher Education: New Directions, New Challenges*. 2005 IAU Global Survey Report. Paris: International Association of Universities.

На перекрестке миграции: от теоретических моделей к практическим решениям

8. *Krieg, R.* (1991). Human capital selectivity in interstate migration. *Growth and Change*, 22, 68–76.
9. *Lanzendorf U., Kehm B. M.* (2002). Student and Faculty Transnational Mobility in Higher Education. University of Kassel, Kassel, Germany.
10. *Lanzendorf, U.* (2006). Foreign students and study abroad students. Student mobility in European higher education. Bonn: Lemmens Verlags- & Mediengesellschaft.
11. *Maiworm, F. and Teichler, U.* (2002). The students' experience. In Teichler, U. (ed.) ERASMUS in the SOCRATES Programme – Findings of an Evaluation Study, (pp. 83–115). Bonn: Lemmens.
12. *Mazzarol, T., Soutar, G.N.* (2001). The Global Market for Higher Education: Sustainable Competitive Strategies for the New Millennium. Edward Elgar, Cheltenham.
13. *Tajfel H.* Social categorization, social identity and social comparison// Differentiation between social groups – London: Academic, 1978. – p. 61 – 76
14. *Van Der Meid, J.S.,* (2003). Asian Americans: factors influencing the decision to study abroad. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad* 9, 71–110.
15. *Waechter, B. and Maiworm, F.* (2006). Perceptions of European Higher Education in Third Countries. <http://ec.europa.eu/education/programmes/mundus/acareport.pdf>
16. *de Wit* (2002). H. Internationalization of Higher Education in the United States of America and Europe: A Historical, Comparative, and Conceptual Analysis. Westport, CT: Greenwood Press.
17. *Zweig, D., Chen, C., Rosen, S.* (2004). Globalization and transnational human capital: overseas and returnee scholars to China. *The China Quarterly* 179, 735–757.

Проведение «Дня толерантности» как форма воспитания ППП (понимания, принятия, признания)

Бузилова В.А.

Проживание в мире и согласии предполагает наличие у каждого таких человеческих качеств, как взаимопонимание, взаимоуважение, ответственность, доброжелательность, сдержанность, уступчивость, коммуникабельность, терпимость. Хотелось бы подчеркнуть важность формирования у человека с самого детства такого качества, как терпимость. К сожалению, дух нетерпимости, неприязни к другой культуре, образу жизни, верованиям, убеждениям, привычкам всегда существовал и продолжает существовать в наше время как в обществе в целом, так и в отдельных его институтах. Не является исключением и школа. Следует отметить, что предметом нетерпимости в школе может выступать как национальная, религиозная, этническая, социальная, половая принадлежность ребенка, так и особенности его внешнего вида, интересы, увлечения, привычки.

Проведение дня толерантности в школе – одна из активных форм воспитания толерантности у обучающихся. Ежегодно в школе создается инициативная группа по проведению дня толерантности, в которую входят: педагоги, психологи, обучающиеся и родители. Эта группа составляют предложения о проведении различных мероприятий приуроченных дню толерантности. За последние годы таких мероприятий было множество: акции «Прояви инициативу- сотвори добро», «Если добрый ты»и т.д., конкурсы рисунков, плакатов «Мозаика», фотоконкурсы «Мы разные , но мы вместе», дни национальных культур (национальная кухня, танцы, песни, прикладное творчество), различные ярмарки, создание презентаций, фильмов, мультфильмов, классные часы «Час мира», оформление стендов «Не оценивай людей, а цени их» и многие другие мероприятия. Например в школе прошла акция «Мой лучший друг». Которая преследовала следующие цели: формирование понимания, что каждый человек – уникальная личность; развитие умения видеть в человеке положительные качества, ценить индивидуальность. Ребятам предлагалось написать небольшую записку в школьную газету о своем лучшем друге. Некоторые работы ребят:

«Мой самый лучший друг умеет кататься на велосипеде. А еще мы ходим с ним рыбачить. Самое ценное это то, что мы КОМАНДА»

«Моя лучшая подруга веселая, умная, добрая. А еще она очень хороший друг: в трудной ситуации всегда поможет. Она очень хороший собеседник. Мне так нравится с ней разговаривать»

«Моя лучшая подруга, когда мне плохо, когда я плачу всегда может меня рассмешить, а когда ей плохо, я тоже ее поддерживаю. Иногда бывает так, что она хочет играть в одну игру, а я в другую. Но мы никогда не соримся, а приходим к единому мнению. У нас не всегда одинаковые вкусы, но все равно она моя лучшая подруга!»

Классные часы, проводимые в этот день, сопровождаются изготовлением журавликов (оригами) с пожеланиями, которые можно подарить по желанию.

Очень интересно смотреть мультимедийные презентации, создаваемые учащимися (файл прилагается), которые всегда яркие, творческие, информативные. Кроме того, создание какого либо продукта, позволяет педагогам оценить, на сколько у обучающихся сформировано понятие «толерантность».

Очень здорово проходят в школе, всеми любимые дни национальной кухни: когда можно научиться готовить, презентовать, а самое главное попробовать, то или иное блюдо.

На сегодняшний день постановка проблемы развития толерантности в условиях поликультурной России является актуальной тенденцией, имеющей социокультурную и политическую значимость. Только толерантная личность, способная конструктивно разрешать конфликты, готова жить и работать в непрерывно меняющемся современном мире,

способна смело разрабатывать собственные стратегии поведения, самостоятельно мыслить, осуществлять нравственный выбор и нести за него ответственность. Считаем, что проведение Дня толерантности в школе, маленькая, но необходимая, капля, на пути формирования понимающей, признающей и принимающей личности.

Система ценностей старшеклассников России и Турции

Вартанова И.И., Ауан Т.

Проблема исследования:

Процессы изменения социальной ситуации развития в современном быстро меняющемся мире взаимосвязаны с изменением ценностных ориентаций, формирующихся в старшем школьном возрасте. С учетом процессов глобализации можно предполагать увеличение близости и сходства ценностей, также векторов их изменения даже в изначально различных культурах.

Цель исследования:

Сравнительное изучение особенностей предпочтения общечеловеческих ценностей и ценностей учебной деятельности учащимися 9-11 классов (15-16 лет) в России и Турции.

Методика:

Испытуемые. 1) Россия (г. Москва) 173 отчета, из них 61 отчет дали мальчики (41 – 9 кл. и 20 – 11 кл.), а 112 отчетов дали девочки (62 – 9 кл. и 50 – 11 кл.).

2) Турция (гг. Мерсина – 33 %, Стамбул – 60 % и Анкара – 7 %) 149 отчетов, из них 73 отчета дали мальчики (58 – 9 кл. и 15 – 11 кл.), а 76 девочки (42 – 9 кл., 34 – 11 кл.).

Процедура. Осуществилось ранжирование 22 ценностей (10 ценностей школьной жизни и 12 общечеловеческих ценностей) путем их парного сопоставления с точки зрения значимости (параметр «ценность»), и (при повторном ранжировании) доступности в будущем (параметр «доступность»).

Результаты:

Для школьников Турции существенно выше статусные ценности («мой авторитет», «быть лучше других» и «преодоление препятствий»), чем ценности принятия и общения («наличие хороших и верных друзей», «интересный разговор», «признание в коллективе», «одобрение окружающих»), тогда как для школьников России наблюдается прямо противоположная закономерность. Эти отношения не зависят ни от пола, ни от класса обучения.

По собственно учебным ценностям знания и саморазвития («самосовершенствование в учебе», «глубокие и прочные знания» и «успешная

учеба») особых различий между школьниками Турции и России не обнаружено. Выявлены культурные и гендерные особенности для школьников России и Турции в значимости и доступности таких базовых ценностей, как здоровье, счастливая семейная жизнь и интересная работа.

Заключение:

Не смотря на процессы глобализации, в культуре старшеклассников России и Турции сохраняются существенные различия в соотношении аффилиативных и статусно-конкурентных ценностей, при сходстве в собственно учебных ценностях.

Проблема применения социометрической методики в китайских студенческих группах

Верченова Е.А.

Социометрия является одним из широко применяемых исследовательских методов в социальной психологии, используемых с целью изучения межличностных и межгрупповых отношений. Изучением внутригрупповых связей и эмоциональной структуры малых группах посредством метода социометрии занимаются как отечественные, так и зарубежные исследователи (Я.А. Коломинский, Е.С. Кузьмин, А.В. Петровский, К.К. Платонов, Дж. Л. Морено, Э.Мэйо, Т. Ньюком, и др.). За длительное время существования данной методики было внесено не одно изменение в структуру социометрии, технику ее проведения, а также были сделаны модификации процедуры обчета и интерпретации полученных данных. Несмотря на постоянное совершенствование этого метода, остается круг вопросов, которые недостаточно глубоко разработаны. Особую актуальность среди них имеют особенности применения социометрии в кросс-культурном аспекте.

В отечественной психологии накоплен разнообразный опыт применения социометрии для изучения студенческих групп, которые состоят из русских студентов (Кондратьев Ю. М., Расходчикова М. Н., Сачкова М.Е. и др.). Исследуя социально-психологические особенности развития студенческих групп, мы воспользовались данным опытом и использовали метод социометрии для изучения структуры групп, в которые входили китайские студенты. В исследовании приняли участие китайские студенты, обучающиеся на подготовительном факультете РУДН в возрасте 18-26 лет. Выборку исследования составил 21 человек из 4 учебных групп.

Процедура социометрии включала в себя 6 вопросов, затрагивая симпатии в сфере учебной деятельности и неформальном общении. Студентов просили отвечать на вопросы, вписывая фамилию и имя двух членов группы. Социометрическая процедура проводилась на китайском языке,

вопросы были переведены на китайский. Валидность исследовательского инструментария обеспечивалась методом обратного перевода.

При проведении социометрии в группах китайских студентов и обработке полученных результатов мы столкнулись с рядом особенностей.

В ходе проведения исследования было обнаружено, что 10 студентов оставили полностью незаполненным бланк ответов, остальные 11 человек заполнили его фрагментарно, сославшись на некорректность вопросов. Оценивая степень сплоченности и симпатии, многие респонденты отмечали, что не могут выбрать одного или двух человек по причине дружественных взаимоотношений в группе, подчеркивая, что они готовы выполнять совместную деятельность «все вместе». На вопросы, выявляющие антипатию, большинство испытуемых (71,4 %) отвечали «никто» или не отвечали вовсе.

Мы можем предположить, что полученные результаты обусловлены коллективистской культурой. Для китайцев важен принцип общинности, значимы групповые ценности, которые признаются большинством. Следовательно, выбрать одного – двух членов группы является нарушением принципа общности. Нежелание студентов отвечать на вопросы, измеряющих антипатию можно объяснить также с позиции коллективизма: уважение к членам своей группы, высокая степень зависимости индивида от группы, а также наличие страха, что ответы могут увидеть другие студенты, следовательно, потеря своего «лица» в группе.

Вопросы, затрагивающие учебную сферу, были пропущены студентами (61,9 %). Студенты мотивировали это тем, что они готовы обращаться за помощью только к преподавателю или делать все самостоятельно. Возможно, это связано с высокой дистанцией власти в китайской культуре: уважение к преподавателю, неоспоримость его авторитета и мудрости. Таки образом, в случае возникновения трудностей в учебной сфере студент либо ориентируется на себя, либо на преподавателя, помогающего справиться с появляющимися проблемами.

В своей статье мы рассмотрели некоторые аспекты в проведении социометрии. Таким образом, использование социометрической процедуры в кросс-культурных исследованиях может иметь ряд особенностей, требующие разработки аналогичного по целям инструментария или разработки существующих исследовательских процедур.

Роль культурного интеллекта в современном образовании

Гир М.В.

В последнее десятилетие психологи всего мира активно исследуют еще один вид интеллекта, который уже занял достойное место в одном ряду с

IQ (общий интеллект), EQ (эмоциональный интеллект) и SQ (социальный интеллект). Речь идет о CQ (Cultural Quotient) или культурном интеллекте. С одной стороны, идея культурного интеллекта разрабатывалась на основе теорий аккультурации, а с другой – опирается на теории социального и эмоционального интеллекта. Кроме того, оно тесно связано с такими понятиями как навыки кросс-культурного общения, межкультурная компетентность и др., но представляет собой качественно новый подход.

Модель CQ состоит из четырех компонентов (1), (2). Метакогнитивный CQ предполагает способность планировать, отслеживать, пересматривать особенности менталитета других людей и культурных норм в процессе межкультурного взаимодействия, а также осознавать необходимость подобных действий. Именно благодаря компоненту метапознания или знания о когнитивных объектах (3; 107) культурный интеллект, в отличие от социального и эмоционального, «работает» вне культурных границ и «над культурами» (6). Когнитивный CQ – это знание норм и принятых в культуре моделей поведения, понимание их самобытности. Мотивационный CQ – это способность и желание индивида обращать внимание на культурные особенности и направлять свою энергию на их изучение и на достижение положительного результата при межкультурном взаимодействии. Поведенческий CQ – способность демонстрировать адекватное культуре вербальное и невербальное поведение (5). Для выявления уровня CQ один из авторов концепции, Сун Анг, и его коллеги разработали и апробировали «Четырехфакторную шкалу измерения культурного интеллекта» (CQ Scale или CQS) (1).

Основной объем исследований CQ сосредоточен в области организационной психологии. Однако в последнее время у западных исследователей стали появляться работы о реализации идеи CQ не только в корпоративном, но и в школьном и вузовском образовании. Так, Майкл Гох, профессор Университета Миннесоты, опираясь на разработки Памелы Тьедт (Pamela Tiedt) и Ховарда Хендрикса (Howard Hendricks), считает чрезвычайно важным проводить обучение через призму CQ. Он пишет о том, что представители многих современных обществ все больше задумываются о том, насколько эти общества готовы к воспитанию полноценных участников глобального мира, и в связи с этим предлагает свое руководство по мультикультурному образованию (4). Развитие культурного интеллекта, по его мнению, должно происходить в рамках общеобразовательных дисциплин, таких, например, как *citizenship education* (гражданское образование). При этом на сегодня ощущается нехватка педагогов с необходимой квалификацией и отсутствие соответствующих образовательных стандартов и программ. Ответственное отношение к культурному разнообразию и его почитание должны быть не только идеями, понимаемыми на когнитивном уровне, но и важнейшими ценностями и целями системы образования в поликультурном мире (4).

Литература:

1. *Ang S., Dyne van L., Koh C.* Personality correlates of the four-factor model of cultural intelligence // *Group and Organization Management*. 2006. V. 31. N 1. P. 100–123.
2. *Earley P.C., Ang S.* Cultural intelligence: Individual interactions across cultures. N.Y.: Oxford University Press, 2003.
3. *Earley P.C., Peterson R.S.* The Elusive Cultural Chameleon: Cultural intelligence as a new approach to intercultural training for the Global Manager // *Academy of Management Learning and Education*. 2004. V. 3. N. 1. P. 100–115.
4. *Goh, M.* Teaching with Cultural Intelligence: Developing multiculturally educated and globally engaged citizens. *Asia Pacific Journal of Education*, 2012. 32(4), 395-415.
5. *Koh C., Joseph D., Ang S.* Cultural intelligence and collaborative work: intercultural competencies in global technology work teams // *IWIC'09*. February 20–21. 2009. Palo Alto, California, USA.
6. *Thomas D.C.* Domain and Development of Cultural Intelligence: The importance of Mindfulness // *Group & Organization Management*. Feb 2006. V. 31, N. 1. ABI/INFORM Global, P. 78.

**Культурно-ценностная обусловленность переживания
чувств вины и стыда представителями
различных этнических групп**

Горнаева С.В., Смотровая Т.Н.

Исследование особенностей переживания вины и стыда и их культурно-ценностной обусловленности приобретает особую актуальность в современном российском обществе, для которого характерны интенсивные межэтнические контакты представителей постсоветского пространства. Кроме того, склонность испытывать вину и стыд, на наш взгляд, может выступать регулятором социального поведения, показателем сформированности ценностно-нравственной системы личности, индикатором ее отношения к соблюдению социальных норм. Именно поэтому целью настоящей работы стало выявление этнокультурной специфики переживания чувств вины и стыда в различных ситуациях социального взаимодействия в зависимости от пола, возраста и культурно-ценностных ориентаций респондентов, принадлежащих к трем этническим группам.

В методический инструментарий исследования помимо специально разработанной для целей исследования анкеты были включены методика ценностей Ш. Шварца и методика культурных измерений Г.Ховстеде.

В результате изучения способности к переживанию вины и стыда был выявлен ряд этнокультурных особенностей. При совершении проступка, о котором никто не знает, чувство вины в большей степени «терзает» русских и армян по сравнению с азербайджанцами в общественной и профес-

сиональной сферах, и армян по сравнению с азербайджанцами в семейной сфере; чувство стыда в большей степени переживают азербайджанцы, по сравнению с русскими и армянами во всех сферах взаимодействия, а армяне по сравнению с русскими только в семейной сфере. В ситуации, когда о совершенном проступке стало известно окружающим, независимо от сферы взаимодействия, чувство вины в большей степени присуще армянам, нежели русским и азербайджанцам; чувство стыда – азербайджанцам больше, чем русским, а русским – больше, чем армянам.

В переживании вины и стыда выявлены закономерности, не связанные с этнокультурной принадлежностью респондентов:

- женщины по сравнению с мужчинами, и представители старшего поколения по сравнению с молодежью, в большей степени склонны испытывать вину и стыд, совершая проступки в различных сферах социального взаимодействия;
- в большей степени склонны к переживанию вины и стыда респонденты, ориентированные на культурные ценности *принадлежность, равенство*, и индивидуальные ценности *конформность, традиционность, доброта, безопасность*; в меньшей степени – респонденты, ориентированные на культурные ценности *аффективная автономия, мастерство* и индивидуальные ценности *стимулирование, гедонизм, достижения, власть*;
- обнаружены положительные корреляционные связи между склонностью к переживанию чувств вины и стыда и культурными измерениями Хофстеде *индекс индивидуализма, индекс маскулинности, индекс долгосрочной ориентации, монументализм-самоуничтожение*, и отрицательные связи с измерениями *индекс дистанции власти, индекс избегания неопределенности и потакание желаниям-самообладание*.

Смысловые конструкты и ксенофобские установки у подростков с криминальным и нормативным поведением

Гурина О.Д.

Проблема ксенофобии и насильственных действий, совершаемых по мотивам ненависти, не теряет своего значения в современной России. В основном преступления такого рода совершаются молодыми людьми в возрасте от 16 до 30 лет, склонных к проявлению ксенофобских установок. Значительную часть среди них составляют несовершеннолетние.

Гипотеза нашего исследования заключалась в том, что смысловые конструкты у подростков, совершивших криминальные насильственные действия по ксенофобским мотивам, и у их сверстников с нормативным поведением будут существенно различаться по структуре и содержанию. Цель исследования заключалась в выявлении указанных раз-

личий. В качестве метода была выбрана психосемантическая модификация цветового теста отношений (Эткинд А.М., 1988; Дозорцева Е.Г., 2004; Ошевский Д.С., 2006) с использованием кластерного анализа. Обработка данных проводилась с применением программы Statistica 6.0.

Обследованы две группы подростков мужского пола: несовершеннолетние, совершившие агрессивные противоправные действия по ксенофобским мотивам (N=12, средний возраст=16,2±1,4), и группа русских учеников общеобразовательной школы с условно нормативным поведением (N=25, средний возраст = 16±1,04).

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу. Обе группы подростков характеризуются позитивным самовосприятием. Резко различается отношение подростков исследуемых групп к отцу: положительная окраска отношения к нему в группе подростков с нормативным поведением контрастирует с отвержением отца у подростков-правонарушителей. Для подростков группы нормы характерны проблемы формирования идентичности, ее амбивалентность, неустойчивость. У подростков, совершивших ксенофобские преступления, идентичность имеет более отчетливый характер, в ее формировании большую роль играют национализм, идентификация с движением скинхедов. Правонарушители отвергают школу, одноклассников, учебу, что, возможно, является результатом их неуспешности и дезадаптации в этой сфере. В негативные смысловые структуры у подростков данной группы входят, как можно было предположить, представления о «нерусских» и «мигрантах». Более неожиданно то, что в этом с ними сходны и подростки нормативной группы. Вместе с тем последние, в отличие от правонарушителей, отвергают также национализм и движение скинхедов.

Таким образом, у подростков, совершивших криминальные действия ксенофобского характера, ксенофобия и идентификация с националистическими движениями служит компенсации (псевдокомпенсации) имеющихся у них проблем. Профилактическая работа должна проводиться и с подростками из нормативной группы, у которых также обнаруживается негативное отношение к мигрантам и представителям других национальностей, однако в качестве защитных факторов выступают хорошая социальная адаптация и отвержение активного национализма.

Социальное самочувствие молодежи этнических групп в регионах Российской Федерации (на примере Республики Татарстан)

Зинурова Р.И.

Социальное самочувствие этнических групп молодежи рассматривается нами в двух ракурсах – объективном и субъективном. Объектив-

ный уровень социального самочувствия основан на различных аспектах эмоционально-оценочного отношения индивидов к реально существующим возможностям социума. Субъективный уровень основан на оценках индивидом благополучия собственной жизни. Это позволяет производить измерения через выявление удовлетворенности или неудовлетворенности личными жизненными достижениями.

Проведенный методологический анализ позволил определить социальное самочувствие молодежи этнических групп как социальное явление, обусловленное спецификой конкретной социокультурной среды; совокупность оценок молодежью этнических групп благополучия в основных сферах жизнедеятельности, отражающая соотношение социальных (в том числе этнокультурных) потребностей и степени их удовлетворения, а также своего социального положения в сравнении с другими социальными и этническими группами (2).

Для выявления типического и оригинального в характеристиках социального самочувствия молодежи этнических групп и для сравнительного анализа условий реализации социальных и этнокультурных потребностей нами была проведена серия формализованных интервью на основе сконструированного авторского инструментария с использованием методики измерения интегрального индекса социального самочувствия (ИИСС), разработанной Е.И. Головахой, Н.В. Паниной и А.П. Горбачик.

При формировании выборочной совокупности исследования использовался многоступенчатый отбор с применением квотной выборки. Объем выборки составил 1000 респондентов (от 18 лет до 29 лет). Квотный принцип отбора соблюдался по полу, возрасту, образованию и национальности в соответствии со спецификой распределения этих социально-демографических признаков в населении Республики Татарстан.

В нашем исследовании был выдвинут единственный критерий отбора информантов по национальности – это применение информантом этнических категорий (русский, татарин) для обозначения собственной идентичности. Результаты проведенного исследования представлены в публикациях авторов (1,2).

Использование данного показателя позволило нам выявить наиболее неблагоприятные с точки зрения социального самочувствия сферы социальной жизнедеятельности. Для этого был рассчитан средний индекс достаточности по каждой сфере жизнедеятельности как для нашей выборки в целом, так и для отдельных ее частей, репрезентирующих этнические группы. Значения индекса представлены в публикациях авторов.

Разработка научно-практических рекомендаций по совершенствованию условий удовлетворения этнокультурных потребностей нашла отражение в разработанном нами проекте программы «Реализация стратегии государственной национальной политики в Республике Татарстан», предложенной на рассмотрение Кабинету Министров Республики Татарстан.

Литература

1. *Зинурова Р.И., Фатыхова Ф.Ф.* Индикаторы, репрезентующие содержание социального самочувствия // Вестник Казанского технологического университета. 2011.– №20 (1) – С.245-251.
2. *Зинурова Р.И., Фатыхова Ф.Ф.* Социальное самочувствие молодежи этнических групп: социологическая концептуализация // Вестник Казанского технологического университета. 2011.– №20 (1) – С.260-263.

Отношение к мигрантам в республиках ПФО

Зинурова Р.И.

В последнее время наблюдается тенденция усиления негативного отношения к мигрантам. Проведенный в августе 2013 года агентством «РИА Новости» опрос москвичей о проблемах столицы в этом смысле показателен – из двухсот предложенных городских проблем, обогнав такие волнующие жителей Москвы проблемы как состояние дорог и «пробки», лидирующее положение заняла проблема мигрантов. Остро чувствуется проблема мигрантов и в других регионах страны. Так, например, в начале июля этого года криминальное происшествие в Пугачеве обернулось массовыми беспорядками и требованиями местного населения выселить проживающих в этом городе уроженцев Чеченской Республики.

В данной заметке мы планируем остановиться на некоторых результатах социологического опроса молодежи в трех республиках Приволжского федерального округа (Республике Татарстан, Республике Башкортостан, Удмуртской Республике), полученных в рамках работы по нашему проекту «Социокультурные особенности молодежного экстремизма в мировом пространстве».

Полученные результаты свидетельствуют, что и в этих многонациональных республиках наблюдается настороженное отношение к мигрантам. Так, результаты исследования показывают, что лишь у 8,0 % представителей молодежи Татарстана положительное отношение к мигрантам. В Башкортостане положительно относятся к мигрантам 8,5 % опрошенных, в Удмуртии – 6,5 % опрошенных. Подавляющее число опрошенных считает, что приток мигрантов в регион следует ограничить. Этой точки зрения в Татарстане придерживаются 47,5 % опрошенных, в Башкортостане – 47,5 %, в Удмуртии – 44,5 %. Имеются и те, кто считает, что въезд в регион мигрантов нельзя пускать вообще. В Татарстане так считают 8,5 % опрошенных. Такого же мнения придерживаются 8,5 % опрошенных в Республике Башкортостан и 8,0 % опрошенных в Удмуртской Республике.

Также респонденты отмечают, что мигранты должны активно интегрироваться в общество. Так, подавляющее число респондентов считают, что мигранты могут следовать своим традициям, говорить на своем языке.

ке, но только в частной, бытовой сфере, а примерно четверть опрошенных в каждой республике считает, что мигранты должны в обязательном порядке следовать всем традициям и нравам местного населения. Лишь 11,5 % опрошенных в Татарстане склонны считать, что мигранты могут сохранять собственный образ жизни и язык. Такой же точки зрения придерживаются 11,5 % опрошенных в Башкортостане и 9,5 % в Удмуртии.

Показательно, что молодежь одобряет и некоторые ситуации связанные с негативным отношением к мигрантам. Так, например, готовы поддерживать распространение листовок против мигрантов из Средней Азии 13,5 % опрошенных в Татарстане, 14,0 % – в Башкортостане, 12,0 % в Удмуртии.

Такие результаты свидетельствуют о том, что в настоящее время необходимо проведение взвешенной миграционной политики и усиление системы мероприятий по воспитанию толерантности у молодого поколения.

Архетипический анализ личности в системе тотемов древних индейцев

Ильюкевич И.П.

Понятие «архетипа» ввел в психологию швейцарский психолог Карл Густав Юнг. Архетипы – это вневременные скрытые внутренне обусловленные схемы жизни и поведения, восприятия и реакций. Эти схемы существуют в коллективном бессознательном, – в той части бессознательного, которая не принадлежит отдельному индивидууму, но выходит за пределы личности и является общей для всех людей. Архетипы могут быть персонафицированы в различных образах людей, животных, растений и пр. Они отражают опыт всего человечества и поэтому кажутся смутно знакомыми, даже если мы слышим их впервые. Базовая структура архетипа «воплощается» в конкретных образах, каждый из которых обладает массой уникальных черт.

Изображения животных восходят к периоду архаичного человека, находя отражение в наскальных рисунках, где главенствовал мотив Животного. В племенах индейцев существовали обряды с использованием звериного наряда, который полностью скрывал человека. С течением времени этот наряд был заменен животными и масками. В движениях ритуальных танцев индейцев отражались основные качества животного (тотема). Тотемистические представления отражались на всем мировоззрении первобытного человека. Основной признак тотемизма заключается в том, что тотем считается родоначальником данной социальной группы и каждый индивид тотемного класса — кровным родственником, сородичем каждого члена группы его поклонников. Если тотемом, например, служит волк, то он считается действительным пра-

родителем данного рода и каждый волк — сородичем. В стадии культа, предшествовавшего тотемизму, все объекты и явления природы человеку представлялись антропоморфными существами в образе животных, и потому-то чаще всего тотемами являются животные. Юнг указывал на тесную связь, существующую у дикаря с его тотемным животным /или “лесной душой”/. Существуют особые обряды для установления этой взаимосвязи, в особенности это относится к обрядам посвящения. В современной практической или трансперсональной психологии работают с метафорическими тотемными картами или трансовыми состояниями (медитациями) для получения информации бессознательного. Животный лейтмотив в мифе и ритуале символизирует обычно примитивную и инстинктивную природу человека. В бессознательном человека существуют инстинктивные порывы, имеющие грозную силу и живущие по своим законам. Живость и конкретность этого образа дают человеку возможность установить взаимоотношения с ним как представителем неодолимой силы в собственной душе. Он и страшится его, и стремится снискать благосклонность с помощью жертвы и ритуальных действий, Безграничное изобилие животного символизма, во все времена характерное для религии и искусства, а в настоящее время и для психологии, не просто подчеркивает важность животного символа; оно показывает, насколько для человека необходимо сделать психическое содержание этого символа, т.е. инстинкт, неотъемлемой частью своего существования. Животное — это часть природы и подчиняется своим инстинктам. Эти инстинкты имеют аналог в человеческой жизни, ведь основанием человеческой природы также является инстинкт. Человек — единственное живое существо, способное контролировать свои инстинкты, но он также способен подавлять, искажать и ущемлять их, а животное, выражаясь метафорически, никогда не бывает более диким и опасным, чем когда его ранят. Подавленные инстинкты способны овладеть человеком врасплох; они способны даже уничтожить его. Итак, подавленные и ущемленные инстинкты — это постоянный источник опасности для человека. Условием целостного и полнокровного существования является внутреннее принятие личностью этой животной души. Человеку следует исцелить животное в себе и сделать его своим другом.

Архетипическая психология представляет собой психологию, сознательно прослеживаемую в искусстве, культуре и истории идей и возникающую по мере того, как соответствующие образы возникают из сферы воображения. Согласно традиционному определению архетипы представляют собой первичные формы, определяющие жизнь психического. Но их существование не ограничивается пределами психики, поскольку они также проявляются в психической, социальной и духовной областях. В одной из ранних работ по архетипической психологии Гольденберг анализирует ее основные направления, рассматривая

архетипическую психологию как производную «третьего поколения» юнгианской школы, в которой Юнг рассматривается как источник, а не как основоположник определенного учения. Основные универсальные структуры психического, формальные модели ее относительных форм, являются архетипическими паттернами. Эти паттерны можно наблюдать в искусстве, сновидениях и обычаях всех народов. Первичный, а потому и несводимый язык этих архетипических паттернов — это метафорический язык мифов. Поэтому последние можно рассматривать как базовые паттерны человеческого существования. Это особый мир воображаемых реальностей, для исследования которого требуются иные методы и способности восприятия, отличающиеся от духовного мира, лежащего за пределами этих реальностей или эмпирического мира обычного чувственного восприятия и наивных формулировок.

Особенности этнических стереотипов молодёжи в трансформирующемся обществе (на примере Республики Молдова)

Кауненко И.И.

В течение ряда лет мы исследуем этноидентификационные процессы у разных этнических групп Молдовы.

Целью нашего исследования является изучение этнической идентичности в трансформирующемся обществе. В данном сообщении мы остановимся на анализе этнических стереотипов, как одних из базовых компонентов этнической идентичности.

Выборка составила 200 человек; этнические группы – молдаване, русские, гагаузы, украинцы, болгары. Возрастной и статусный состав – студенты, 18-25 лет. Период исследования – 2013 г.

Методический инструментарий – для исследования *этнических стереотипов* была применена методика «Диагностический тест отношений» (ДТО) (1).

Полученные эмпирические данные мы сравнили с аналогичным исследованием, проведённым нами в 2006 г. Какие же изменения произошли в этническом самоопределении молодёжи?

Сравнительный анализ этнических стереотипов выявил с одной стороны – устойчивость направленности этнических стереотипов, а с другой – динамичность их изменения у некоторых этнических групп.

Так, у группы *украинцев* выявлены значительные изменения в направленности этнических стереотипов. В сравнении с выборкой 2006 г., у молодёжи украинцев стала значима этническая компонента на личностном уровне (сравнение образа «Я» и автостереотипа); близость с

группой русских на личностном уровне (образ «Я» и гетеростереотип русских) и на групповом (сравнение авто и гетеростереотипа). Полученные результаты по молодёжи украинцев позволяют сказать, что происходит усиление их идентификации с группой русских.

Направленность этнических стереотипов молодёжи *болгар* так же претерпела изменения. В сравнении с выборкой 2006г., у молодёжи болгар 2013 г. выявлена значимость этнической компоненты на личностной уровне, т.е. тенденция к гиперидентичности. Стабильным остаётся близость с русскими на групповом уровне.

У группы молодёжи *русских* выявлены различия образа «Я» с авто-стереотипом, тогда как в 2006г. этническая компонента была значима на личностном уровне. Можно предположить, что русская молодёжь, несмотря на усиление этнократических факторов, постепенно интегрируется в молдавское общество.

Никаких изменений в направленности этнических стереотипов не выявлено у титульного этноса – *молдаван*; у *гагаузов*. У обеих групп выявлена близость с группой русских на групповом уровне.

Итак, изучение этнических стереотипов молодёжи титульного этноса и этнических меньшинств Молдовы, выявило усиление идентификации у украинцев, болгар с группой русских; снижение этнической компоненты на личностном уровне у русских, что свидетельствует о формировании этнической идентичности по типу нормы; стабильность направленности этнических стереотипов выявлена у молодёжи гагаузов, и у титульного этноса – молдаван.

В целом, можно охарактеризовать этноидентификационные процессы в Молдове как «нестандартные», когда группы меньшинства довлеют к другой группе меньшинства (в нашем случае – русской), а не к группе большинства. Видимо, этноидентификационные процессы в государствах постсоветского пространства характеризуются, наряду с общими закономерностями, своей этнокультурной траекторией развития.

Литература.

1. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряжённости. М., 1998

К проблеме интеграции цыган/ромов в социо-культурное пространство Молдовы

Каунова Н.Г.

Проблема интеграции группы цыган в социо-культурное пространство, сегодня является одной из важных составляющих построения зрелого общества. Идентификация с обществом как со «своим» наделяет его положительными свойствами и формирует субъектность в отстаивании своих ин-

тересов. Однако, для реализации данной задачи, необходимы исследования для понимания особенностей этнокультурной идентичности цыган, как на групповом, так и на личностном уровне, на современном этапе.

Нами были проведены исследования образа цыган у разных этнических групп, а так же представления цыган о своей группе. Изучение этнических стереотипов подростков цыган выявило, что они характеризуются архаичностью. По описаниям подростков, наиболее важными качествами цыган являются – сердечность, душевность, умение найти подход, находчивость, артистичность. Так же значимыми маркерами их этнической группы являются – язык, традиции и обычаи, уважение к своему народу. У старшеклассников цыган выявлен позитивный автостереотип, что говорит о положительном образе собственной этнической группы. Не выявлены значимые различия между образом «Я – Цыгане». Последнее означает, что этническая переменная значима на личностном уровне и события окружающей жизни преломляются через этническую компоненту. Типичного представителя своей этнической группы цыгане видят как темпераментного, активного, аккуратного, общительного и осторожного.

Группа цыган имеет свою этнокультурную специфику, которая проявляется в корпоративности и «закрытости» группы, большой сохранностью традиций, жесткой иерархичностью структуры, законов и норм.

Так же, осложняющим фактором интеграции их в социо-культурное пространство является низкий уровень компетентности относительно ромов. Восприятие другими оказывает существенное влияние на самоидентификацию человека или группы. Наши исследования относительно образа ромов выявили социальную дистанцированность, тревожность, мифологичность относительно данной группы.

Вместе с тем, согласно исследованиям более 60 % ромов владеют тремя языками – румынским (75 %), русским (77 %) и своим цыганским (1). Это, безусловно, может стать значимым культурным ресурсом интеграции их в социо-культурное пространство Республики Молдова. Проблема образования, являясь одним из факторов интеграции в общество, довольно остро стоит среди цыган. Так каждый пятый цыган в Молдове не умеет писать и читать. Категория цыган, имеющих высшее образование, составляет только около 4 % (в сравнении с не-цыганами 38 %) (1).

На данном этапе мы набираем выборку молодежи цыган, имеющих или получающих высшее образование. Поскольку именно данная категория в дальнейшем может стать «образованной этнической элитой». Однако, в настоящее время, как показывает наше пилотажное эмпирическое исследование, получение высшего образования далеко не является достижением, а порой затрудняет поиск и выбор партнера для личной жизни, особенно для девушек. Поэтому здесь выявляется проблема, как получение образования, может стать моделью для подражания, при стойкой традиционной культуре группы цыган. А так же, как сохранить

границы своей этнической группы в модернизирующемся обществе. Поэтому, изучение группы ромов даёт возможность понять особенности их *социального способа* существования и путей реального включения их в структурную организацию общества.

Литература:

1. *Sorin Cace, Vasile Cantarji, Nicolae Sali, Marin Alla.* Romii în Republica Moldova. UNDP, Chişinău, 2007.

Этнопсихологические аспекты в арт-терапии

Каяшева О.И.

Арттерапия эффективно сочетается с различными направлениями работы, например, такими, как этнотерапия, фототерапия и др.(2;3). Этнотерапия считается относительно новым направлением, включающим в себя использование традиций и обычаев различных народов. В ней применяются драматизация, танец, рисуночные техники, поэзия, мифы, притчи различных народов мира.

В настоящее время известны древнеиранские притчи, используемые основателем германской школы позитивной психотерапии Н.Пезешкианом. Пезешкиан отметил, что, несмотря на серьезные различия в традициях и культуре различных народов, спектр психологических проблем остается сходным. В ряде работ юнгианских аналитиков можно встретить утверждение, что фольклор является универсальным архетипическим средством взаимодействия между различными культурами. Наиболее восприимчивы к фольклорному материалу дети и подростки. Этот момент представляется нам довольно важным, поскольку в некоторых случаях фольклорный материал может оказать негативное влияние на состояние личности, находящейся в кризисной ситуации (1;4;5;6;7).

Среди жанров японской литературы в практической работе мы используем стихотворения (хайка, танка, ренга (рэнку) и др.), дзуйхицу (жанр короткой прозы, в котором автор записывает все что ему «приходит в голову»), ниндзёбон (роман о чувствах, часто сочетающий в себе как прозу, так и стихотворные строки) и др. Клиенту предлагаются либо уже «готовые» произведения, либо предоставляется возможность самому включиться в творческий процесс (2).

Необходимо учитывать этнопсихологические особенности фольклорных и литературных произведений, которые могут способствовать улучшению психологического состояния человека, либо усугублять его. В целом, арттерапия и этнотерапия содержат в себе неисчерпаемые возможности для их использования в психологической практике.

Литература

1. *Алексейчик А.Е.* Библиотерапия / А.Е.Алексейчик // Руководство по психотерапии / Под ред. В.Е.Рожнова.- М.: Медицина, 1985.- С.304-319.
2. *Каяшева О.И.* Библиотерапия и сказкотерапия в психологической практике: Учебное пособие для вузов.- Самара: Бахрах-М., 2012.- 286с.
3. *Колошина Т.Ю., Трусъ А.А.* Арт-терапевтические техники в тренинге.- СПб.: Речь, 2010.- 189с.
4. Лекарство для души: применение библиотерапии в библиотеке: Метод. рекомендации / Сост. Н.В.Аверьянова.- Тамбов, 2004. – 24с.
5. *Пезешкиан Н.* Позитивная семейная психотерапия: семья как психотерапевт.- М.: Март, 1996.
6. *Пезешкиан Н.* Торговец и попугай: восточные истории и психотерапия.- М.: Ин-т позитивной психотерапии, 2007.
7. *Франц Фон М.-Л.* Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке. / Пер. с англ. Р.Березовской и К.Бутырина; Науч. ред. В.В.Зеленский. – СПб.: Б.С.К., 1998. – 360с.

Кросс-культурное сравнение образовательных ожиданий родителей на этапе подготовки детей к школьному обучению

Клюкина А.Г.

В современном мире тема межкультурной коммуникации с каждым годом становится более актуальной. Россия многие годы была поликультурной страной, однако в последнее время тревожность в связи с увеличением потока миграции неоднократно возросла. Наиболее восприимчивой к этим изменениям оказалась сфера образования. В своем исследовании на тему: «Кросс-культурное сравнение образовательных ожиданий родителей на этапе подготовки детей к школьному обучению» нас интересует мнение родителей различных культур по поводу обучения детей в школе: их ожидания, опасения, надежды. Понимание образовательных ожиданий родителей различных культур, возможно, станет тем основополагающим фактором, той точкой отсчета, с которой начнется процесс обучения, развития и адаптации детей-мигрантов.

Несмотря на то, что исследования феномена родительских ожиданий длятся уже более полувека, актуальность изучения остается востребованной. Основными затруднениями в исследовании по-прежнему являются: отсутствие однозначного толкования термина «ожидание», единого подхода в выборе методов анализа и способов интерпретации результатов. «Ожидания – это структура опыта, сжатого и объединенного в схемы или представления, которые, являясь искренними, руководят поведением». Формирование понятия «родительские ожидания» происходит под воздействием нескольких факторов: когнитивного, эмоци-

онального и поведенческого. Благодаря жизненному опыту и знаниям родители создают определенный сценарий ожиданий, который вследствие получения новых знаний, может измениться или под воздействием сопротивления укорениться. Существует определенная связь между родительскими ожиданиями и родительским поведением по отношению к детям. Определенный стиль воспитания и атмосфера, царящие в семье оказывают прямое воздействие на формирование понятия ожиданий. Реакции детей на ожидания родителей могут быть рассмотрены с позиции принятия и согласия или отвержения.

В зарубежных исследованиях, феномен родительских ожиданий рассматривался в контексте детско-родительских отношений. Большое количество исследований было посвящено этнологии детства, где косвенно затрагивался феномен родительских ожиданий. В ходе изучения этого вопроса было выявлено, что существуют огромные социально-исторические и межкультурные различия в природе и иерархии родительских ценностей, представлениях о том, что можно и чего нельзя ожидать от детей, и какие средства ведут к достижению желаемой цели. В проведенном нами исследовании было использовано полуструктурированное интервью, на вопросы которого должны были ответить 10 респондентов: 5 русских родителей и 5 татарских родителей. В Москве довольно много татар, однако возникла большая трудность привлечения татарских родителей к участию в данном исследовании. Выясняя причину отказа у самих родителей, одним из главных мотивов оказалось, что татары, которые долгое время проживают в г. Москва считают и называют себя русскими и не хотят отвечать на вопросы как представители татарской диаспоры. В ходе интервью были отмечены трудности с рассказами о своих детях среди незнакомых татарских родителях и готовность поделиться своими ожиданиями среди всех русских родителей. Интервьюеру потребовалось дополнительное время на установление контакта с незнакомыми татарскими родителями.

В результате исследования, было обнаружено, что в ожиданиях татарских и русских родителей наряду со сходствами присутствуют явные различия. Прежде всего, необходимо отметить, тот факт, что если русские родители ожидают, что их дети будут получать знания, то татарские родители ожидают от своих детей хороших оценок. Среди ожидаемых качеств, которые дети, по мнению родителей могут приобрести в процессе обучения, русские родители отмечают настойчивость, заинтересованность, сдержанность, ответственность, целеустремленность, усидчивость, самоконтроль, самодисциплину. Среди предполагаемых трудностей в предстоящем процессе школьного обучения русские родители отмечают личные качества детей, такие как конфликтность, рассеянность, недисциплинированность, утомляемость. Татарские родители больше акцентируют внимание на внешних факторах: агрессия

со стороны сверстников и старшеклассников, адаптация в классе. Обеспеченность родителей также имеет свои отличия: если русские родители говорят о трудностях в учебном процессе, то татарские родители о хороших оценках и адаптации в коллективе.

Однако наряду с отличиями необходимо указать на те сходства, которые были обнаружены нами в результате исследования. И русские и татарские родители говорят о том, что их дети должны научиться в школе общению в коллективе, дружбе, вниманию и уважению к старшим. Среди трудностей они единогласно выделяют социализацию, ту сферу, где, по их мнению, детям может даже потребоваться помощь психолога. Эти трудности и вызывают общую обеспоеченность.

Подводя итог вышесказанному необходимо отметить, что ожидания русских родителей связаны с самореализацией ребенка, а татарских родителей с учебными успехами.

«Свои» и «чужие»: стратегии и механизмы конструирования образов ингруппы и аутгруппы в советских и постсоветских учебниках для начальной школы

Козлова М.А.

В исследовании, эмпирическую базу которого составили учебники чтения и естествознания («Окружающий мир») для начальной школы, выпущенные в период с 1920 по 2008 годы, мы обращаемся к анализу характера репрезентации групп «Своих» и «Чужих» в советской и постсоветской учебной литературе.

Мы искали ответы на следующие вопросы:

1. По каким параметрам производится групповая категоризация: какие социальные объекты включаются в группы «Свои» и «Чужие»?
2. Какое отношение к «Чужим» предписывается учебной и методической литературой?

Проведенный анализ демонстрирует сохраняющуюся востребованность образа «чужака-врага», активность эксплуатации которого, хотя и снизилась по сравнению с советским периодом, тем не менее, достаточно высока, чтобы продолжать рассматривать этот феномен в качестве одного из основных инструментов внутригрупповой консолидации.

Наиболее распространенный способ конструирования образа врага предполагает сочетание двух планов: метафоричного, внеповседневного, отвлеченного – то есть эмпирически не верифицируемого, с одной стороны, и конкретного – с другой. Первый план, обыденным сознанием воспринимаемый не полностью, не совсем понятный, должен рождать, по всей видимости, смутное ощущение сопричастности великой и таин-

ственной миссии борьбы со злом как таковым, но, не имея чувственной поддержки и опоры на повседневный опыт, порождаемый метафорическими образами эмоциональный накал рано или поздно истощился бы. Актуализация повседневного эмпирического опыта подкармливает его.

В учебниках советского периода, как и во «взрослой» советской литературе, «враги» чрезвычайно разнообразны. Это и представители бывших привилегированных классов – белогвардейцы, офицеры, капиталисты, священники, и враги периода Великой Отечественной войны – фашисты, и шпионы, засланные в СССР с подрывными целями, и разнообразные этно-«национальные» враги Российской империи – захватчики. В постсоветской детской литературе из всех перечисленных остается только один тип – последний, который, впрочем, весьма активно эксплуатируется.

В учебниках разных периодов народу-этносу приписывается фиксированный и неизменный набор свойств: в современных учебниках, так же как и в советских, мы наблюдаем жесткую – объективно существующую – прикрепленность «этноса» к определенной территории, обычаям, способу мировосприятия. Объективация дифференцирующих признаков приводит к выстраиванию групп в определенную иерархию. Таким образом, представление этноса как объективной общности, естественным образом отличающейся от других, неизбежно приводит к росту ксенофобии, позволяет сформироваться дискриминационному курсу, и далее – дискриминационным практикам.

Адаптационный процесс у мигрантов в Приволжском федеральном округе

Константинов В. В.

Нами было проведено исследование на территории четырех регионов Приволжского федерального округа: Пензенской, Саратовской, Ульяновской областях и республике Мордовии. В качестве респондентов выступили инокультурные мигранты в количестве 1103 человек. Выборка явилась разнородной по полу, возрасту, срокам проживания, стране выхода (в основном бывшие советские республики).

Анализ и интерпретация полученных данных осуществлялась в рамках трех основных направлений. Первое – выявление субъективной оценки успешности / неуспешности социально-психологической адаптации к инокультурной среде. Второе – определение степени выраженности типобразующих признаков и их соотношение; третье – выяснение адаптивных возможностей каждого из выделенных типов, их эффективности.

В ходе исследования эмпирически подтверждены шесть типов социально-психологической адаптации: адаптивный, конформный, ин-

терактивный, депрессивный, ностальгический, отчужденный. Наиболее распространены среди мигрантов адаптивный, конформный и интерактивный типы, три остальных встречаются значительно реже. Сравнительный анализ типов социально-психологической адаптации позволил выявить ряд значимых отличий между ними: для адаптивных, конформных, интерактивных характерны такие стратегии аккультурации, как интеграция и ассимиляция; для депрессивных, ностальгических и отчужденных типов – сепарация и маргинализация.

Выявлены статистически значимые различия между мигрантами с различными типами адаптации по показателю принятие других. Так адаптивные, конформные, интерактивные мигранты готовы к установлению контактов и взаимодействию с коренным местным населением, в отличие от депрессивных, ностальгических и отчужденных типов.

Выявлено наличие отрицательных связей между показателями «адаптивности», «самопринятия», «принятие других», «эмоциональной комфортности», «стремления к доминированию» и стратегиями сепарации и маргинализации. Таким образом, чем выше представленные показатели у мигрантов, тем выраженнее преобладание стратегий интеграции и ассимиляции, а, следовательно, тем выше адаптационные возможности мигрантов. Низкие значения по представленным шкалам, свидетельствуют о выраженности стратегий сепарации и маргинализации, что свидетельствует о трудностях интеграционного процесса.

Тип адаптации мигрантов и степень выраженности психологических характеристик субъекта и их соотношение друг с другом обуславливают специфику адаптационного процесса мигрантов к новой социокультурной среде. Так предстатели адаптивного, конформного и интерактивного типов демонстрируют позитивные аккультурационные стратегии (сепарация, ассимиляция) что в значительной мере способствует позитивной тенденции процесса социально-психологической адаптации. Депрессивные, ностальгические и отчужденные мигранты склонны к маргинализации и сепарации, что негативно сказывается на процесс вхождения в новую социокультурную среду.

Диалог культур или «русский след» в мульт-экранизациях конца XXго столетия

Кудрявцева Е.Л.

В последнее время ученые активно занимаются созданием ассоциативных словарей носителей различных национальных картин мира. В рамках данного исследования нас будут интересовать, в первую очередь ассоциативный словарь носителей русского языка и культуры как род-

ных (<http://thesaurus.ru/dict/dict.php>) и английского (...), шведского (...) и немецкого (...) языков и культур.

Для соположения мы используем результаты опросов носителей русского языка (мигрантов 3ей и 4ой волн) в указанных странах. Возраст опрошенных – от 20 до 35 лет; социальный статус – студенты, сотрудники и среднее/низшее руководящее звено частных фирм и госучреждений; профессии различны; владение родным языком в письменной и устной форме на уровне С1-С2, (для русскоязычных мигрантов) свободное/ уровень В2-С1 владение языком страны проживания; круг общения – мигранты с той же и иными языковыми комбинациями, носители языка страны проживания как родного (с тем же социальным статусом). Предъявление носителям нерусского языка – на их родном языке (точный однословный перевод или наиболее близкое к данному однословное понятие).

В результате работы по созданию поликультурного и многоязычного (носители русского языка получили слова-сигналы на русском языке, билингвы – на русском языке с возможностью запроса комментариев на другом родном языке, английском, немецком и шведском соответственно, носители английского, шведского и немецкого как единственных родных – на данных языках) ассоциативного словаря и соположения результатов опроса был сделан ряд выводов в связи с национальной картиной мира и ее отражением и намеренным искажением в советской художественной мультипликации. Список слов (были предложены как ¼ часть среди «словесного мусора» – случайных слов, не относящихся к полю исследования):

Кроме того, были сделаны наблюдения:

По отношению к «своей» стране и культуре описания более простые, менее детализированные, чем по отношению к иной, «чужой» («В своем городе нет достопримечательностей»; «Лицом к лицу лица не увидеть. Большое видится на расстоянии»). При этом – субъективизация за счет подавления негативной информации о своей стране (немцы знают о фашизме, но не говорят о нем, подавление ассоциации); информация о других странах, чужих субъективируется повторением общеизвестных фактов (пресса, «взгляд туриста»). Поэтому для получения полной информации о стране проживания необходимо «глубокое интервью» -- в нашей ситуации беседа о просмотренном мультфильме по заранее составленным вопросам.

Второе и последующие поколения эмигрантов считают себя гражданами стран проживания (немец – я; русский – русский, язык...); при проведении опроса в рамках иного проекта выяснилось, что с понятием «русского человека» ассоциируются основной язык общения, определенные поведенческие характеристики и происхождение (родители – русские, поэтому и я немного русский); а «я» определяется, прежде всего, через гражданство (паспорт, страна проживания) и также основной язык общения (статусный язык).

Опрощение русского языка как другого родного, уменьшение объема небытовой лексики на русском языке, минимум сложных слов, ряд слов не соответствует возрасту говорящего (русскоязычная лексика более младшего возраста; лексический запас на другом, статусном языке – соответствует возрастным показателям для носителя данного языка как родного).

У русских более сильно выражен культурный компонент (причем, или имена писателей или имена литературных героев: Астрид Лингрен – не Карлсон, Шерлок Холмс – не Конан Дойль; прямые ассоциативные связи «завтрак» – «Завтрак на траве»). При этом есть скрытое цитирование: близнецы-братья (В.В. Маяковский «Владимир Ильич Ленин»; причем: «Партия и Ленин – близнецы-братья», хотя партия – однозначно женского рода), крестьянин/крестьяне – торжествует/торжествуют (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»), пес смердящий («Иван Васильевич меняет профессию»), горшочек каши (одноименная народная сказка). Интересно принадлежность нерусских исконно образов русской национальной картине мира (дети выросли на сказках, не различая народа-создателя): замок хрустальный. Есть среди цитат устаревшие компоненты картины мира (часто вывезенные и переданные представителями старшего поколения диаспоры своим потомкам): завтрак туриста (в ФРГ скорее актуально «Завтрак студента» – *Studentenfrühstück* из смеси сухофруктов и орехов), посуда бьётся (безобъектно-возвратные глаголы из учебников русского языка; наряду с кошка царапается, собака кусается; интересно отметить, что на кот и пёс эти глаголы названы не были; а при замене на кошку и собаку – назывались часто на 2ом месте).

В образе русского (ассоциативном) у поколения 80х-90х преобладает экономический и политический компонент; а не культурный. Вывод для направленности продвижения экспорта русского языка: язык экономики и бизнеса.

Европейцы подавляют (выявляется при расширенном диалоге-интервью) клише: англичанин не характеризуется как чопорный или худой (в отличие от данных русскими характеристик др. наций). Собственная нация вообще не характеризуется клише (хотя клише известны и часто международны).

Одно и то же слово-раздражитель для носителей языка как родного и как одного из родных и как иностранного имеет часто различное наполнение (ассоциации рождаются на этнокультурном и этносоциальном уровне, слова – их оболочка).

Людам в России свойственно в качестве первой ассоциации назвать желаемое, идеализируемое, ассоциации с Зей по порядку отражают действительность (как выяснилось при глубоком интервью с частью опрошенных).

Карлсон, Винни-Пух мало ассоциируются с породившей их культурой; после наводящих вопросов – «да, авторы из другой страны» (мультфильм в сознании зрителей, не живших в данных культурах, преобладает; в сознании

русскоязычных мигрантов в данных странах – эффект «неузнавания» этнокультурного компонента из-за его предельной руссификации)

По отношению к «присвоенной» (например, от рождения или в результате длительного проживания в стране), а не «усвоенной» (при изучении языка как иностранного) культуре количество клишированных представлений минимализируется, поскольку культура познается и дефинируется изнутри. Детализация образов, расширение спектра и углубление знаний, понимание истоков традиций, превращение их (для носителей языка с миграцией в истории семьи) в собственные правила, нормы, привычки – вот путь к разрушению клише о «чопорных англичанах», «расчетливых немцах»...

Создание же клише – работа, осуществляемая извне, временно находящимися в стране представителями иных наций, традиции и культура поведения коих отличается от свойственных данному народу. Клишированию подвергаются те аспекты, в первую очередь, бытовой сферы (как наиболее заметной и наименее защищенной от субъективизации инокультурным сознанием), которые: предельно расходятся с принятыми в культуре наблюдателя; наиболее частотны в культуре страны пребывания.

Нередко данные клише подхватываются СМИ и целенаправленно транслируются на массы. С какой целью? Наши предположения:

- подчеркивания различий между культурами – для воспитания собственного народа на лучших или худших образцах
- подчеркивание родства культур – для сближения народов, первый шаг к инициированию межкультурной коммуникации (в узком значении этого слова – как акта общения между представителями различных национальных картин мира для достижения общего результата)
- односторонней «адаптации» культур (элементов одной культуры к общему фону другой) для предъявления «глобального нового» через «элементарное привычное» (вспомним м/ф «Тайна третьей планеты», действие которого разворачивается на иных планетах в далеком будущем: при всех различиях земной современной и внеземной отдаленной во времени жизни герои имеют как минимум две привычные для нас части тела/ органы зрения и пр.; живут в домах/ гостиницах/музее, перемещаются по полу/лестницам/дорогам... В неведомое и подчастую пугающее грядущее зрителя вводят через знамые дверцы и коридоры).

Мы не случайно вспомнили об анимации. Ведь именно м/ф оказываются первыми СМИ в жизни подрастающего поколения, наиболее ярко запечатлевающимися в его сознании и, за неимением собственного жизненного опыта, как и сказки подпитывающие формирующиеся клеточки серого вещества мозга данными об окружающем мире, его правилах и законах. М/ф – это сжатая, образная, визуализированная, ситуативная (коммуникативная) детская энциклопедия бытия. Увиденное в возрасте от 3 до 8 лет наиболее ярко фиксируется в сознании на всё жизнь.

Какие м/ф из своего прошлого вспомнили наши русскоязычные пробанты в связи со странами их проживания в настоящее время (от 10 лет и более в эмиграции): Англия – «Алиса в стране чудес», Германия – «По следам бременских музыкантов»; Швеция – «Путешествие Нильса с дикими гусями». Тогда как воспоминания их российских сверстников, выросших также в СССР, остались не откорректированными сменой места жительства: Англия – «Винни Пух и Пятачок», Германия – «По следам бременских музыкантов»; Швеция – «Малыш и Карлсон». Отметим единственное совпадение и перейдем от вступления к основной части статьи.

Литература

- 1 Энциклопедия для детей. Том 7. Искусство. Ч. 3. Музыка. Э68 Театр. Кино / Глав. ред. В. А. Володин. — М.: Аванта+, 2000.
- 2 История русского цирка [http://www.pavelbers.com/Zirk %20Rossii.htm](http://www.pavelbers.com/Zirk%20Rossii.htm)

Лингводидактические особенности обучения русскому языку как неродному детей мигрантов дошкольного возраста

Кулебякина У.Н.

Основная задача педагога, работающего с детьми мигрантов, помочь им преодолеть трудности социальной адаптации, которые, как показывает анкетирование учащихся начальной школы, ожидают их уже на младшей школьной ступени обучения. Для снижения риска формирования культурного шока (который выражается в отказе ребенка посещать учебное заведение, снижение уровня мотивации к учебе, обособленное социальное поведение) важнейшим условием является знакомство с русским языком и культурой еще в дошкольном возрасте.

Период развития ребенка от трех до десяти лет является самым сензитивным периодом, т. е. создающим наиболее благоприятные условия для формирования определенных психологических свойств и типов поведения, поэтому важно начать заниматься обучением детей мигрантов непосредственно русскому языку именно в этом возрасте. Следовательно, изучение языка будет не самоцелью, а основным средством постижения мира.

При работе с данной категорией детей необходимо учитывать их возрастные особенности. Детям трудно выполнять одно задание на протяжении длительного времени, поэтому смена деятельности желательна через каждые 3–5 минут. Не менее важна и интеграция различных видов деятельности, таких как изобразительное искусство, труд, театр, занятие музыкой и игра, которая является ведущим видом деятельности у детей дошкольного возраста. Продолжительность занятия не должна превышать 35 минут, т. к. это может привести к переутомлению и, как следствие, к потере мотивации к занятиям русским языком.

Говоря о формировании фонетических, лексических, грамматических навыков, в рамках осуществления процесса обучения русскому как неродному, нужно отметить, что, особое внимание следует уделять лексике. Через призму овладения лексическим навыком, у детей происходит формирование фонетического и грамматического навыков.

Для эффективной организации учебного процесса необходимо рассмотреть особенности процесса формирования лексического навыка у детей дошкольного возраста. Сначала новое слово воспринимается в определенном контексте. Используя навык языковой догадки, другие слова, употребленные в этом же контексте, но семантика которых уже известна, ребенок делает предположение о значении этого слова. Затем это предположение подтверждается или опровергается (т. е. дается верное значение) педагогом. Так как речь идет о детях дошкольного возраста, то основным способом семантизации лексики является наглядность: предметная, изобразительная, моторная. После этого, выполняя разного рода упражнения, ребенок начинает самостоятельно имитативно использовать изучаемое слово в определенных фразах. Когда основное значение слова осознано учащимся, можно переходить к расширению контекста, при этом параллельно можно знакомить детей с русской культурой, например, на основе фольклора.

Таким образом, структура фрагмента урока по формированию лексического навыка выглядит следующим образом:

1. Речевая зарядка, материал которой связан с темой урока и уже знаком учащимся.
2. Знакомство с новыми лексическими единицами, с их значением. Количество лексических единиц лимитировано и их значения отображены согласно вышеизложенным принципам.
3. Автоматизация лексических единиц на основе упражнений/ игр.
4. Проверка понимания.
5. Расширение контекста (разучивание песен, стихов, пословиц/поговорок, скороговорок).

Дети мигрантов принимаются в учреждения дошкольного и среднего образования наравне с российскими гражданами. Однако очевидно, что при обучении в политекультурном классе детям, для которых русский не является родным, будет гораздо тяжелее освоить учебную программу в полном объеме. Именно поэтому знакомство с русским языком и культурой должно начаться задолго до поступления в первый класс. Родители-мигранты (особенно, если речь идет о временно пребывающих на территории РФ – трудящихся мигрантах) в силу своих культурно-языковых особенностей и уровня собственной социальной адаптации не могут сами подготовить своих детей к поступлению в школу. Это обстоятельство требует пристального внимания организаторов учебного процесса в дошкольных учебных заведениях на младшей школьной ступени обучения и родителей, которым следует совместно со специалистами своевременно решать указанную проблему.

Этническая идентичность и проблема сохранения интеграционного ресурса в условиях миграции (на примере чеченцев – мигрантов)

Курбанова Л. У.

Проблема социальной адаптации личности в условиях сложных глобализационных процессов, в рамках которых приходится сосуществовать людям разных социальных, этнических и конфессиональных установок, становится крайне актуальной сегодня.

В 2011 г. автором под эгидой кафедры социологии Кубанского государственного университета было проведено исследование, обращенное к изучению характера восприятия чеченскими мигрантами условий своей жизнедеятельности в местах нового вселения.

Общая *цель* исследования ориентирована на выявление этнической самоидентификации в сознании, поведенческих реакциях и социальных действиях мигрантов-чеченцев и сохранения интеграционного ресурса в условиях миграции.

Гипотезы исследования. На содержание и характер процессов социальной идентификации, определяющее воздействие оказывает комплекс социально-исторических, этнокультурных, ментальных, конфессиональных и др. детерминант модели самоидентичности личности чеченцев.

В своеобразном, особом положении в связи с трансформацией личностной идентичности оказываются чеченцы-мигранты. Традиционная культура подвергается эрозии, в большей или меньшей степени утрачивает свое императивное значение, размывает стержневые основы идентификационных стратегий этноса, вынуждает селективно относиться к тому, что совершенно необходимо для самоидентичности в Чечне, и тем самым очень существенно трансформируется традиционная идентичность.

Характеристика выборки исследования. Респондентами в проведенном опросе стали представители чеченского этноса, мигрировавшие из Чечни и проживающие на постоянной или временной основе в городах и сельских поселениях указанных регионов РФ (Астраханская область, Краснодарский и Ставропольский края), а также в Бельгии.

При определении в целом своей самоидентичности респонденты из южно-российских регионов и Бельгии делают акцент на 3–4 основных признаках, составляющих, по всей видимости, ядро идентификационно-самоопределения чеченца. Один из чаще всего артикулируемых в ответах респондентов признаков самоидентичности у чеченцев-мигрантов – национальная принадлежность («мы – люди своей национальности»).

Следующим по значимости признаком самоидентичности чеченцев-мигрантов по данным опроса является конфессиональная принадлежность («мы – люди своей веры»).

Один из ключевых моментов, имеющих политико-идеологический смысл, – это место и степень значимости в структуре самоидентичности гражданских чувств, находящих свое выражение в общероссийской идентичности. Результаты опроса чеченцев-мигрантов свидетельствуют, что российская гражданская принадлежность при конструировании общей самоидентичности личности чеченца не входит в ценностное ядро идентификационных предпочтений, а располагается на ее периферии. Данные исследования однозначно указывают на ярко выраженный этноцентричный характер самоидентичности чеченцев-мигрантов.

Миграция неизбежно сопровождается трансформацией самоидентичности, что обусловлено изменениями в сфере потребностей и интересов, включая потребность в принадлежности, идентичности. С. Бочнер одним из первых попытался выделить и описать последствия миграции как для групповой, так и для индивидуальной идентичности¹.

Акультурация означает феномен, появляющийся тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствиями которого являются изменения элементов оригинальной культуры одной или обеих групп.

С точки зрения Дж. Берри, для определения индивидуальных ориентаций на аккультурацию необходимо выяснить позицию индивида в двух основных вопросах. Первый касается отношения к собственной культуре, о ее ценности для индивида и необходимости сохранения и развития его этнокультурной идентичности. Второй направлен на определение отношения индивида к группе контакта: насколько взаимодействие с членами этой группы ценно и желательно для индивида, насколько охотно он будет идти на поддержание межкультурных отношений.

Социальная адаптация мигрантов является не только социально-групповым феноменом. Она происходит на индивидуальном уровне. Тревогу по поводу утраты культурной самобытности как основания своей этнической самоидентичности испытывают практически все респонденты. Данные проведенного исследования дают возможность понять характер отношения респондентов к настоящему состоянию и перспективе сохранения своей этнокультуры в иноэтничном окружении. Чеченцами-мигрантами по-разному воспринимается и переживается острота опасений, связанных с поддержанием своей этнокультурной самоидентичности, по-разному выстраиваются действия, нацеленные на смягчение неизбежности влияния процессов аккультурации на отдельных людей и их группы, прежде всего, семейные.

Идентичность, таким образом, помогает взаимодействующим найти точки соприкосновения, общности и единства, установить их общую отнесенность к единому полю ценностей и норм, сходных оценок в понимании вещей и переживаний.

¹ *Bochner S. The social psychology of cross-cultural relation // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction / Oxford, Pergamon, 1982.*

Специфика работы психолога с инокультурным клиентом в гештальт-подходе

Лейбман И.Я.

Адаптации в новых культурных условиях требует от человека значительных усилий, и достичь положительного результата не всегда удается без внешней поддержки, в том числе и специальной. Часто среди поддерживающих специалистов оказываются психологи.

Психолог помогает клиенту осознать, как он воспринимает окружающее, устанавливает контакт с другими людьми, как и почему совершает выбор, какими внутренними и внешними ресурсами располагает для реализации намеченного, построения отношений.

Психолог, практикующий в гештальт-подходе, опирается на непосредственный контакт с клиентом, ориентируется на то, что происходит здесь и сейчас. Специалист в каждый момент отношений диагностирует каким образом клиент останавливает свои интенции, какие виды прерывания контакта при этом наблюдаются: конфлюэнция (слияние), интроекция, проекция, ретрофлексия, дефлексия, эгоизм (в некоторых источниках, в зависимости от школы, отдельно выносят профлексию и девальвацию).

Анализируя каждую ситуацию, психолог учитывает, что в одних случаях прерывание контакта – остановка действия, в других – творческое приспособление к заданным условиям.

Однако, время показало, что выстраивать стратегию работы, опираясь только на способы прерывания контакта, не достаточно, оказывается важным не только в каких условиях прерывался контакт, но и тем, каков тип личности клиента, его возможности. Не случайно последние десятилетия гештальт-терапевты стали активно использовать психоаналитическую диагностику. Например, Х.Сименс посвятил работе с нарцисстическими клиентами целую главу.

Вместе с тем, поведение человека, способы установления контакта, построения межличностных отношений зависит не только от личностных особенностей, но и от культуры, в которой воспитывался человек, какие нормы он усвоил, что, по сути, является его интроектами. Это невозможно игнорировать в работе с инокультурным клиентом. Способы держаться, высказываться, фокус внимания в истории, дистанция – все это не может не привлечь внимание психолога.

Работая с таким клиентом, терапевту приходится быть особенно внимательным к контексту рассказа, внимательно исследовать поле клиента.

В русском языке контекстность речи достаточно высока. Игнорирование этого факта может привести к искажению смысла высказывания, непониманию. Поэтому психологу приходится тщательно выяснять что клиент видел, слышал, как понял, что побудило его отреагировать определенным образом, вызвало те или иные чувства.

Следующая тема, обуславливающая специфику работы психолога с инокультурным клиентом, – интроекты. Правила помогают ввести нормативность в жизнь человека, построить безопасные отношения. Но когда их слишком много, пропадает свобода действия, выбора решений. Часто психолог поддерживает клиента в поиске разумного баланса в том, какие правила поведения он будет выполнять, каких норм поведения придерживаться, а от чего откажется или пересмотрит свое отношение. В случае, когда клиент и терапевт находятся в одной культуре, часть интроектов воспринимается, как должное, обоими. Например, в семейной терапии такие правила описаны как «контракт по умолчанию». В работе с представителем другой культуры непривычные правила привлекают к себе внимание, вызывают эмоциональную реакцию специалиста. С одной стороны, психолог получает прекрасный диагностический материал, видит как клиент выстраивает общение и как может восприниматься окружающими, с другой – ситуация требует особой деликатности в работе, т.к. психолог не всегда знает, какое место в иерархии ценностей клиента занимает данный интроект.

Третий вопрос, требующий внимания, связан с трудностями, которые испытывает клиент, вынужденный находиться одновременно в двух культурах: дома – в своей привычной и на работе, учебе, на улице – в новой, к которой требуется адаптироваться. В.Оклендер описывает чувства подростка эмигранта, когда с одной стороны, не зная до конца правила, она оказывается дезадаптированной в группе сверстников, т.к. привычный способ действия не подходит в новой ситуации, а с другой – чувствует себя виноватой перед семьей, которая поддерживала ее, когда она действовала по-старому. Психолог помогает клиенту интегрировать оба опыта и выработать свой путь.

Литература

1. Булюбаиш И.Д. Я тебя слышу. Феномены языка и речи в практике гештальт-терапевта. – Барнаул, 2008
2. Оклендер В. Скрытые сокровища. Путеводитель по внутреннему миру ребенка. – М. Когито-Центр, 2012
3. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М. URSS, 2009
4. Робин Ж-М. Гештальттерапия. – М. «Мир гештальта», 1998
5. Сименс Х. Практическое руководство для Гештальттерапевтов. – С-Пб. Издательство Пирожкова, 2008
6. Ph. Lichtenberg Culture Change: Conversations Concerning Political and Religious Difference// Studies in Gestalt Therapy. Psychotherapy and Social Change, Volume 2, Number1, 2008, p.45-69

Этномедицинские практики в экологических поселениях (на примере Волгоградского региона)

Лихоманов А. Е.

Феномен экологических поселений привлекает в настоящее время специалистов разных областей: социологов, философов, психологов, религиоведов. В данном исследовании делается попытка рассмотреть и проанализировать специфические представления о способах лечения и сохранения здоровья в экологических поселениях Волгоградского региона.

Для того что бы понять идеологические предпосылки этномедицинских практик внутри подобных общин, необходимо разобраться с мировоззренческими установками духовной и социальной жизни поселенцев.

Характерным для идеологии экопоселений является холистический (целостный) подход к жизни и индивиду. Наиболее ярко этот подход проявляется в отношении здоровья человека. Необычайно популярным в среде экологических поселений стало использование различных этномедицинских практик. Практическая этномедицина – сложная система составляющая использование растений, духовность и естественную окружающую среду, и была источником исцеления для людей в течение тысячелетий.

Благодаря анализу источников (тематические сайты, сообщества в соцсетях, посещение тематических семинаров), а также опросам самих поселенцев и сочувствующих им (т.е. они ведут весьма схожий образ жизни, проживая при этом в городских условиях) был выяснен «перечень» способов и знаний, которыми пользуются (желают пользоваться?) для лечения и сохранения здоровья, изучаемые сообщества.

Движение экопоселений в современной России – явление пока еще малоизученное. В основном, пока еще, экологические поселения остаются объектом внимания социологов и религиоведов. В масштабах страны экопоселения остаются маргинальным явлением. Вместе с тем, в идеологии последователей данного феномена обнаруживается проявление элементов новой духовности. В этом смысле существует общемировая и общероссийская тенденция к популяризации идей новой духовности и росту их сторонников. Практика этномедицинских знаний, целительство на основе идей новой духовности, экзотические ранее, становится обычной нормой для последователей альтернативного образа жизни. Исследования принципов сосуществования в обществе систем биомедицинских знаний – альтернативной и научной, позволит улучшить понимание как исследователей, так и последователей этих знаний на пути к их возможной взаимной интеграции.

Методологические вопросы исследования культурного фрейминга близкородственных культур

Мазилев В.А.

Исследований культурного фрейминга в отечественной психологии еще не проводилось. В мировой психологии данные исследования еще только начинаются и имеют в основном постановочный характер. Исследования культурного фрейминга могут быть успешно соотнесены с теми подходами, которые традиционно реализуются в отечественной социальной психологии. Предлагается социокультурно-интердетерминистский диалогический подход к анализу кросс-культурной психологической феноменологии в ракурсе предоставления ресурсов углубления ее понимания (1), (3). Обозначается проблема культурного фрейминга в межкультурных различиях и определяются перспективы и направления его изучения. Определяются перспективы исследования возможностей и направлений углубления взаимопонимания в условиях культурного многообразия. Обозначенное проблемное поле обусловило основную цель данного исследования – разработать концептуальные теоретико-методологические основания исследования проблематики культурного фрейминга. Особенности проблемного поля послужили основанием для разработки методологического подхода, обозначенного как социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива углубления понимания личности (2). Данный методологический подход хорошо сочетается с технологиями коммуникативной методологии, позволяющими соотносить между собой различные подходы и осуществлять интеграцию психологического знания. В теоретическом аспекте исходная идея разворачивается в признании принципиальной возможности и необходимости существования различных, в том числе и альтернативных, систем парадигмальных координат, исследовательских методологий, теоретических моделей как ресурса поступательного движения в развитии и углублении понимания сути и психологических особенностей изучаемой феноменологии. Показано, что исследование близкородственных этнических групп создает ряд сложностей методологического свойства, связанных, прежде всего с тем, что выявляемые различия могут быть неявными и трудноопределимыми. Тем не менее, предлагаемые решения позволяют приблизиться к трудноэксплицируемой феноменологии той или иной культуры. Тщательный поиск различий между культурами, имеющими много общего (в языковом, этническом, историческом и социальном плане) позволяет выявлять те практики, которые носят сущностный характер для самоопределения данных сообществ. При этом методологии, опирающиеся на разные формы нарративного и дискурсного анализа (конверсационный анализ, интеракционная социолингвистика, дискурсный анализ),

позволяют осуществить качественно-количественное исследование, минимизируя вклад определенных социальных, культурных предубеждений. Проведенный анализ позволил прийти к пониманию культурного фрейма как набора интерпретативных практик, используемых определенным сообществом для организации взаимодействия между его членами, позволяющего членам сообщества определять себя в терминах национальной/культурной идентичности, принадлежности к определенной культурной группе, а также организовывать взаимодействие с членами ин- и аут-группы. Содержание культурного фрейма актуализируется через набор ключевых высказываний, слов и формулировок, отражающих особенности использования языка для категоризации социальных объектов, для самокатегоризации и интерпретации.

Литература

1. *Мазилев В.А., Янчук В.А.* О методологических проблемах исследования культурного фрейминга // Человеческий фактор: Социальный психолог, выпуск 1(23), 2012, с.23-30.
2. *Мазилев В.А., Янчук В.А.* Методологические проблемы исследования культурного фрейминга близкородственных этносов // Человеческий фактор: Социальный психолог, выпуск 1(25), 2013, с.27-36.
3. *Янчук В.А.* Прогресс в понимании психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Прогресс в психологии: Критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Марцинковской, А.В. Юревича. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009, с. 262-285.

Расскажи мне, и я забуду или интерактивный эксперимент в этнопсихологической практике

Макарчук А.В., Савушкин А. А.

Как часто в своей педагогической и психологической практике мы сталкиваемся с тем, что наши самые пламенные речи и рассуждения о культуре межнациональных отношений, о принятии различий бесследно исчезают из памяти наших учеников и клиентов вскоре после занятия или экзамена? А ведь такие правильные вещи говорили, такие красивые слова нашли... Обидно, да и только.

Интерактивная педагогика, зарекомендовавшая себя как наиболее эффективная и востребованная форма обучения, дает нам ресурсы для практического решения этой проблемы. Золотое правило интерактивного образования, сформулированные еще Конфуцием, гласит: «Расскажи мне и я забуду. Покажи мне и я пойму. Позволь мне сделать самому, и я научусь». Добавим сюда базовый принцип психологического тренинга «Дай мне прожить это, и я поверю» – и получим прямую параллель

со структурой этнокультурной компетентности, а именно с ее когнитивным («пойму»), эмоционально-ценностным («поверю») и поведенческим («научусь») аспектами.

Таким образом, мы видим, что этнокультурная компетентность не может быть сформирована путем прямого информирования в формате лекционного обучения. Лишь знание, не преподнесенное нам на блюде (в прекрасном учебнике, лекции, презентации), но выведенное нами самими на основании собственного, пусть симулированного, но от этого не менее реального опыта, остается с нами на всю жизнь, встраиваясь в самую ткань нашего мировоззрения.

Что же такое интерактивный эксперимент? Это разновидность педагогической или тренинговой практики, когда сложные феномены социальной действительности начинают действовать непосредственно здесь и сейчас, когда мы сами становимся субъектами и одновременно наблюдателями тех социально-психологических закономерностей, которые детерминируют наше поведение.

В ходе работы в парадигме интерактивного эксперимента непосредственный опыт участников предваряет и является базой для последующих выводов и теоретических выкладок, что обеспечивает активность и субъектность образовательного процесса.

В рамках этнопсихологической практики интерактивный эксперимент позволяет пронаблюдать, прожить и проанализировать такие сложные феномены, как этноцентризм, стереотипизация, группление мышления и пр.

Использование психосемантического подхода в этнопсихологии.

Митина О.В., Петренко В.Ф.

В психосемантике операциональной моделью, описывающей категориальную структуру сознания, личностные смыслы относительно некоторой содержательной области, выступают субъективные семантические пространства (3, 4), представляющие собой обобщения исходного языка описания, присущего как единичному субъекту, так и коллективному (целой группе людей).

В ходе психосемантического эксперимента испытуемый оценивает, шкалирует, классифицирует, выносит суждения о сходстве (различии) анализируемых объектов, дает ассоциации и т.п.

Формально любой сбор данных по психосемантической схеме можно свести к шкалированию каждым из K испытуемых множества из I объектов по J шкалам. Таким образом данные накапливаются в трехмерный

массив данных: испытуемые – шкалы – объекты. Испытуемым соответствуют двумерные срезы, в которых каждый объект реализуется как J -мерный вектор. Значения координат этого вектора и есть оценки объекта по J шкалам, которые дал соответствующий респондент. При проведении лонгитюдных исследований время является четвертым измерением: каждый испытуемый шкалирует каждый объект по каждой шкале в каждый момент времени: испытуемые – шкалы – объекты – моменты времени. В результате данные имеют количественную структуру, хорошо структурированы и позволяют вычислять вторичные параметры, характеризующие состояние сознания индивидуальных и коллективных субъектов. (1)

Очевидно, что для того чтобы работать с такими большими объемами данных необходимы математические методы и процедуры, позволяющие сжимать данные, уменьшать количество описывающих переменных, сохраняя при этом существенную информацию, наглядно представлять их и оперировать.

По сравнению с традиционными опросниками психосемантические методы являются более надежными в аспекте защиты от сознательных и неосознанных искажений обусловленных социальной желательностью, наиболее адекватны в ситуации, когда речь идет о выявлении глубинных содержательных ментальных репрезентаций у большой группы людей.

К типичным задачам в области этнопсихологии реализуемым методами психосемантики относятся (5, 6, 7):

1. Определение имплицитного отношения к этносам.

Для решения этой задачи в качестве дескрипторов (суждений) используются как правило шкалы семантического дифференциала Осгуда. Респонденты, оценивают различные экзистенциальные понятия и интересующие этносы. Наряду с первичными баллами, которые тот или иной респондент выставил понятиям по каждой шкале, определяются имплицитные близости между оцениваемыми понятиями, которые в дальнейшем в значительной степени повышает достоверность интерпретаций результатов с точки зрения определения отношения к участвующим в оценке этносам. Добавление к оцениваемым понятиям «я сам» и «мой идеал», позволяет определить также уровень этнической идентичности, авто- и гетеро- этнические стереотипы.

2. Семантическое пространство этносов.

Для реконструкции осознанных представлений, можно использовать специфицированные шкалы, в терминах которых исследователи описывают нации, народности, страны. Список объектов становится более однородным (например, только национальности или только страны). Но и результаты получаются более содержательными: возможно не только определять эмоциональное отношение (нередко трудно вербализуемое), но и выделить категории, в терминах которых можно описать представления о разных этносах в той или иной выборке и посмотреть предпочтения и отвержения по каждой из выделенных категорий.

Все эти показатели можно статистически описывать и анализировать методами многомерной статистики. Определять выборочные показатели по исследуемой этнической группе, отдельным подвыборкам, сопоставлять между собой и результатами выполнения других методик.

3. Если стоит задача выявления картинным миром представителей того или иного этноса (этнического менталитета), то целесообразно использовать соответствующие психосемантические методики выявления менталитета (в том числе отношения к ценностям, стереотипы обыденного сознания), затем строить эмпирическую типологию полученных ответов, т.е. выявлять классы схожих между собой заполненных психосемантических матриц, а затем сопоставлять, насколько это сходство обусловлено принадлежностью к одному этносу, т.е. насколько мнения респондентов одной этнической группы согласованы между собой. Если согласованность присутствует можно построить усредненную матрицу ответов и выявлять стоящую за ней картину мира коллективного субъекта (этнической группы).

4. Наконец еще одна возможность, которую открывают психосемантические методы – адаптация диагностических методик (2). В этом случае в качестве дескрипторов используются пункты анализируемого опросника, а в качестве объектов ролевые позиции в том числе представляющие авто- и гетеро- этнические стереотипы.

Литература.

1. *Митина О.В.* Математические методы в психосемантике. //Когнитивные исследования. М., 2006
2. *Митина О.В., Горбунова А.И.* Использование психосемантического метода множественной идентификации для валидации психодиагностических методик (на примере методики макиавеллизма). //Психология сознания: современное состояние и перспективы: Материалы II Всероссийской научной конференции. 29 сентября – 1 октября 2011 Г., Самара: ПГСГА, 2011. с. 381-384.
3. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. 2-ое издание, доп. – М.: Эксмо, 2013.
4. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-ое издание, доп. – СПб.: Питер, 2005.
5. *Петренко В.Ф., Митина О.В. и др.* Образ России глазами россиян и иностранцев. М.: Моск. Гуманит. Ун-т., 2009
6. *Петренко В.Ф., Митина О.В. и др.* Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М.: Смысл. 2000.
7. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ общественного сознания. – М.: МГУ, 1997

Психосемантическое исследование личностных акцентуаций на русскоязычной выборке в Азербайджане

Митина О.В., Рустам-Заде Н.М.

Личностная акцентуация, понимаемая как чрезмерно усиленная черта личности, часто приводит к избирательной уязвимости в определенных пределах к различного рода психогенным воздействиям и как следствие к проблемам связанным с трудностями поддержания нормального образа жизни, а потому заслуживает самого пристального внимания (1, 4).

Задачей данного исследования было определить, в какой степени в азербайджанской культуре воспроизводятся системы поведенческих норм, связанных с различными проявлениями личностных характеристик. Где та грань, когда усиление этих характеристик начинает восприниматься как акцентуация.

Для решения этой задачи мы использовали психосемантический метод множественной идентификации (3). Ранее была показана эффективность использования такого способа адаптации психодиагностических методик (2). Респондентам предлагается оценить не только в какой степени они согласны с утверждением того или иного пункта адаптируемой методики, могут совершить описываемый в нем поступок, но и то, насколько такое поведение или мнение свойственно ключевым персонажам обыденного сознания индивида, имеющим различную коннотацию. Список оцениваемых персонажей (ролевых позиций) обуславливается содержанием шкал методики, таким образом, чтобы они соответствовали предполагаемым контрастным группам. Кроме того, как правило включаются «мой и (или) общественный идеал и (или) антиидеал», «типичный представитель моего и (или) противоположного пола». Давая оценки не себе, а вымышленным персонажам, испытуемый, с одной стороны, проецирует свое отношение и истинное мнение, с другой, более откровенен. В результате мы можем смоделировать позиции представителей контрастных групп, а также косвенным образом установить социальную желательность, востребованность, актуальность, приемлемость данной характеристики в обыденном сознании, в соответствии с тем, в какой степени она приписывается положительным и отрицательным образам, себе лично и «типичному человеку с улицы».

В список ролей данного исследования для каждой из 10 шкал, выделенных Леонгардом и диагностируемых опросником Шмишека (4, 6), были включены личностные типы, соответствующие низким контрастным группам (т.е. характеризующимся поведением антонимичным), а также персонажи известных литературных произведений Азербайджана, попадающие в высокие контрастные группы.

При анализе данных необходимо обратить внимание на следующие показатели:

1. Оценку, которую получил «идеал».
2. Усредненный показатель, соответствующий нижней контрастной группе.
3. Усредненный показатель, соответствующей верхней контрастной группе.

Границы перехода от нормативного поведения к акцентуированному по ряду шкал существенно отличаются от российских. В случае азербайджанской выборки по ряду показателей значения у типичного человека значительно превышают серединную позицию. Особый интерес представляет шкала демонстративность, которая очевидно является нормативной и одобряемой в азербайджанской культуре. (5)

Литература

1. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев, 1989. // <http://azps.ru/hrest/22/5593801.html>
2. *Митина О.В., Горбунова А.И.* Использование психосемантического метода множественной идентификации для валидации психодиагностических методик (на примере методики макиавеллизма). // Психология сознания: современное состояние и перспективы: Материалы II Всероссийской научной конференции. 29 сентября – 1 октября 2011 Г., Самара: ПГСГА, 2011. с. 381–384.
3. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-ое издание, доп. – СПб.: Питер, 2005.
4. *Русалов В.М., Манолова О.Н.* Опросник черт характера взрослого человека (ОЧХ – В). – М., 2003.
5. *Рустамзаде Н.* Адаптация опросника Шмишека на азербайджанско-русскоязычной выборке. Дипломная работа. Баку. 2013.
6. *Schmischek H.* Fragebogen zur Ermittlung akzentuierter Personalitäten, 1970, S. 378–381

Психосемантический анализ ценностных установок в полиэтнической среде (на материале Ташкента)

Митина О.В., Бондаренко А. С.

Многочисленные исследования современного менталитета и политического сознания свидетельствуют о представленности в сознании людей конфессиональных установок и религиозной проблематики (1 – 4). Можно говорить о том, что соответствующие представления в обществе достаточно хорошо отрефлексированы, а, значит, допускают объективное исследование с использованием опросных методов: отличаются определенной устойчивостью, ответы респондентов на вопросы об этих представлениях носят неслучайный характер. Каждой религии присуща определенная система ценностей, таким образом опро-

сник, включающий утверждения ценностного характера, взятые из различных религиозных канонических текстов может быть использован для диагностики ценностных установок.

С точки зрения кросс-культурных исследований, Ташкент представляет собой удачный полигон. 4 этнические группы представлены в сбалансированном процентном отношении и сосуществуют длительное время: узбеки, русские, татары, корейцы. В городе в достаточной степени распространены мусульманство, христианство и буддизм.

Метод исследования. Использовалась психосемантическая методика множественной идентификации В.Ф. Петренко (1). В опросник вошло 69 утверждений, заимствованных из священных книг 4 религий – ислама, христианства, буддизма, иудаизма; цитаты различных философов и писателей, а также ключевые утверждения из «морального кодекса строителя коммунизма».

Испытуемым предлагалось оценить данные утверждения по семибальной шкале, касающиеся различных ролевых позиций – *Я сам, Идеал, Презираемый мною человек, Отец, Мать, Сверстник, Человек нашего общества через 30 лет, Татарин, Узбек, Русский, Кореец*.

В качестве респондентов в исследовании выступили 151 человек (99 женщин и 52 мужчины) в возрасте от 14 до 69 лет, представляющие указанные 4 этнические группы.

Полученные первичные данные дают возможность получать и интерпретировать различные производные показатели. Так при категоризации первичных данных были выделены следующие факторы:

1. Религиозность ↔ Атеизм;
2. Привязанность к религиозным стереотипам ↔ Религиозная автономия.
3. уважение ценностей норм принятых в обществе. ↔ Моральный релятивизм
4. Социальный альтруизм ↔ Макиавеллизм;

Анализ распределения ролевых позиций в пространстве первых двух факторов позволят говорить о том, что все респонденты достаточно единодушно полагают идеальным для себя наличие внутренней веры и свободу от религиозных стереотипов. В этом отношении самооценка во всех группах респондентов близка к идеалу. Но для женщин религиозная автономия в той или иной степени является более важной, нежели для мужчин.

В отношении третьего фактора общим является то, что для женщин всех национальностей моральные ценности, провозглашаемые обществом являются важными и следование им оценивается значимо положительно. Среди респондентов-мужчин разброс мнений по этому фактору значительный.

По четвертому фактору нет никакого единодушия, и среди респондентов мы можем встретить поддержку ценностей, лежащих на обоих противоположных полюсах.

Литература

1. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. 2-ое издание, доп. – М.: Эксмо, 2013.
2. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ общественного сознания. М.: МГУ, 1997
3. *Петренко В.Ф., Митина О.В. и др.* Образ России глазами россиян и иностранцев. М.: Моск. Гуманит. Ун-т., 2009
4. *Петренко В.Ф., Митина О.В. и др.* Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М.: Смысл. 2000.

Этнический образ и его преобразование в связи с усложнением системы межэтнических отношений¹

Молчанова Е.А.

Во всем мире остро стоят проблемы оптимальности способов существования и жизнедеятельности в поликультурном пространстве. Еще более сложной предстает проблема защиты человека от экспансии власти и идеологии. В этой связи правомерен вопрос: “Может ли в условиях современной культуры человек сам построить образ того мира, в котором он живет, или этот образ “обозначен” для него общественным мнением, государственной идеологией, социальными институтами, средствами массовой коммуникации?” (1; 36).

Каждое социальное сообщество обладает специфической *картиной мира* – способом мировидения, позволяющим осознавать мир, проявлять свою активность и осуществлять действия для достижения поставленных целей. Поскольку *картина мира* имеет свои внутренние вариации, не привносящие изменения в культуру, сосуществующую веками, то можно предположить, что их основание следует искать во внутрикультурных социальных взаимодействиях.

В исследовании ставятся следующие вопросы. Каковы возможности воздействия и влияния в опосредовании поведения субъектов межкультурного взаимодействия в пространстве поликультурного мира? Можно ли изменять различные “картинки” мира и его образа, какие психологические механизмы и факторы задействованы в этой трансформации?

Благодаря культуре человек получает такой образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и согласованы. *Этническая картина мира* как целостные представления о способе жизнедеятельности с этнокультурным миром служит базой для объяснения людьми своих действий и намерений. При интенсивном межкультурном взаимодействии происходит преобразование этнической картины мира. Этнос

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 12-16-18001a(p)).

корректирует картину мира так, чтобы она обладала наибольшими адаптивными свойствами и давала возможность социальным индивидам наиболее успешно выстраивать взаимоотношения с миром (2, 3, 4, 5).

Центральное место среди этносоциальных представлений занимают образы собственной и других этнических групп. Этнические образы являются в форме этнических установочных образований (стереотипов, предрассудков), ценностей и ценностных ориентаций (6; 64–102) и по своей структуре представляют три взаимосвязанных компонента: когнитивного, поведенческого (конативного) и аффективного (6; 69–74, 7, 8, 10).

Проведено эмпирическое исследование преобразования этнического образа по мере включенности субъектов в межкультурное взаимодействие (увеличения когнитивной сложности), возникновения трудностей и препятствий в межкультурном взаимодействии (усложнения сценариев поведенческих затруднений), усиления эмоциональной напряженности в межкультурном взаимодействии, усложнения связей взаимодействующих субъектов (усиления синергии системы межэтнических отношений).

Литература:

1. Андреева Г.М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. №3. С. 33–43.
2. Лурье С.В. Изучение этнической картины мира как междисциплинарная проблема // Общественные науки и современность, 2000. №5.
3. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. М.: Академия, 2012.
4. Обухов А.С. Проблемы бытия личности. Исторически обусловленные модификации образа мира // Развитие личности. 2003. № 4. С. 51–68.
5. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.
6. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009.
8. Хотинев В.Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.
9. Taifel H. Social Identity and Intergroup Relations. Publisher: Cambridge University Press, 2010.

Некоторые результаты изучения специфики общения и межличностных отношений дошкольников в условиях полиэтнической среды дошкольных образовательных учреждений города Нальчика

Назранова Л.Ж.

Полиэтнический состав современных дошкольных учреждений вызывает определенные проблемы для всех участников образовательного про-

цесса. Большое значение и актуальность приобретает изучение ребенка в системе его межличностных отношений со сверстниками в поликультурной группе детского сада. С целью изучения специфики общения и межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста в условиях полиэтнической образовательной среды ДООУ нами было проведено пилотажное исследование в г.Нальчике, в котором приняли участие 36 детей в возрасте 5-8 лет, посещающих подготовительную группу НШДС №18 (13 девочек и 23 мальчика). Сравнение по признаку национальность проводилось при помощи непараметрического критерия Краскела-Воллиса.

В исследовании для выявления предпочтений по этническому признаку в общении детей использовались социометрические методики. Социометрия Дж. Морено показала, что выбор по фотографии не зависит от национальности, статистически значимых различий не обнаружено.

Методика «Три Вопросы» следовала за социометрическим экспериментом и позволяла выявить причины положительного и отрицательного выбора детьми партнёра по общению. Результат проведённой методики показал, что выбор партнера по общению не зависит от национальности, статистически значимых различий не обнаружено. Интересно, что 20 % кабардинских и 22,2 % балкарских дошкольников отвечали, что никого не хотят поздравлять с днем рождения и ни с кем не хотят сидеть одни за столом. Аналогичным оказался результат методики «Два дома»: выбор домика не зависит от этнической принадлежности.

Результаты методики «Сломанный карандаш» показали, что коэффициент толерантности зависит от этнической принадлежности дошкольников, обнаружены статистически значимые различия ($p=0,044$). Дети-кабардинцы дали больше ответов с дружелюбным содержанием, русские и балкарские дошкольники имели практически одинаковое количество ответов с агрессивным содержанием.

Методика одномоментных срезов Т. Репиной показала, что количество контактов во время игр с детьми одной или разной этнической принадлежности зависит от этнической группы, к которой принадлежит ребенок. Дети русской и балкарской этнической группы предпочитали играть с детьми своей национальности.

Методика изучения коммуникативных умений детей и влияние их взаимоотношений на эффективность совместной деятельности (интерпретация методики Я.Л. Коломинского) проводилась в несколько этапов и предполагала распределение детей с положительными, нейтральными и отрицательными взаимоотношениями по парам (дети должны были одинаково разукрасить два силуэта рукавички, туфель и носочков). Пары составлялись с учётом взаимоотношений детей по итогам социометрии, а также с учётом национального признака: дети одной этнической группы и разных. Характер выполнения испытуемыми данного задания позволил выяснить, умеют ли они договариваться между собой,

приходить к общему решению и т. д. Результат проведенной методики показал, что на эффективность совместной деятельности не влияет этнический фактор: к одной или разной национальности относятся дети в парах, статистически значимых различий не обнаружено.

Таким образом, пилотажное исследование показало, что статистически значимые предпочтения в общении детей своей этнической группы выявлены нами в двух из шести проведенных методик. Продолжение исследования в дошкольных группах Нальчика и Москвы позволит уточнить и дополнить полученные результаты.

Сформированность этнической идентичности как фактор формирования гражданской идентичности

Накохова Р.Р.

Важнейшим институтом общественного воспроизводства и государственной безопасности, ведущим фактором сохранения и развития национальных культур и языков, действенным инструментом культурной и политической интеграции российского общества является система образования.

Обеспечить гражданский мир и социальную стабильность, создать благоприятный режим социализации новых поколений особенно важно на современном этапе российской модернизации, которая происходит в условиях нарастающей изменчивости современного мира.

Эффективность социальных и гражданских институтов, целостность территории, социальная мотивированность населения, успех экономических реформ, а в конечном счете – будущее нашего государства в значительной степени определяется необратимостью и темпами становления российской политической нации. Поэтому модернизация российского образования, опираясь на общие тенденции мирового развития, с необходимостью должна отражать интересы российского общества и государства, связанные с формированием российской гражданской идентичности.

Обеспечить удовлетворение такого запроса может целостная инновационная система поликультурного образования, учитывающая государственные интересы, национальные и этнокультурные особенности населения, условия межкультурного диалога и задачи проектирования межэтнической и межконфессиональной гармонии.

Развитие системы поликультурного образования является неотъемлемой частью общей стратегии культурного развития, которая исходит из необходимости сохранить социокультурную ситуацию плюрализма и многообразия, защитить самобытность каждого этнического сообщества, создавая тем самым гуманитарный фундамент для гражданских, надэтнических принципов общественного устройства.

Важнейшие социальные предпосылки поликультурного образования в России – становление демократии и гражданского общества; интеграция в мировое культурное и образовательное пространство; усиление борьбы с проявлениями шовинизма, расизма, этнического эгоизма. (Концепция развития поликультурного образования РФ)

Как отмечается в исследованиях, становление гражданского общества сопровождается и становлением гражданской нации как на «моно», так и на «поли» этничной основе. Ее конституирующая с Новым временем субъектность требует обобщения и систематизации ее субъектных интересов и целей, их воплощение в национальной идеологии. Вместе с тем, национальная идеология должна включать в себя также характеристику места человека как индивида-субъекта в общественной системе, его роль в отечественном историческом процессе. Историческое сознание как одна из составляющих национальной идеологии содержит в себе чувство общей судьбы, чувство гражданственности и патриотизма, консолидирующее и мобилизующее индивидов-граждан и общество в целом во имя движения к новым целям.

Именно в этой новой психологии взаимоотношений общества и личности – в отношении личности к обществу как к позитивной социокультурной среде. В своей свободной самореализации, в идентификации личности с таким обществом, возникает спектр гражданских чувств и, в том числе, историческое сознание как чувство сопричастности к историческому прошлому своего народа и своей страны, складывающееся у современного человека в общем контексте его новой системы ценностей.

Психологически очень точно выразил А. Пушкин взаимосвязь: *любовь к родному пепелищу – и самостоянье человека, залог величия его.*

Здесь речь идет не о коллективном патриотизме человека массы. Здесь историческая память, резонанс героического наследия предков это патриотизм самостоятельной личности, питаемый чувством достоинства, долга и чести. «Самостоянье» человека – высший уровень достигнутой личностью «самости» – ее самостоятельной индивидуальной, личной гражданской ответственности (что действительно есть «залог» ее гражданского величия). И наследие предков это – напоминание об ответственности настоящего перед прошлым.

Современная модель образования предполагает бережное и уважительное отношение к разным культурам, их сосуществование и взаимопроникновение, направленность на сохранение и развитие всего многообразия культурных ценностей и является культуросообразной по своей сути [Ю.Ю. Бочарова, 2001; Г.В. Палаткина, 2002; В.В. Семикин, 2002; К. Трасберг, 2004; J.A. Banks, 1988; J.R. Bourget, 1995; P.C. Gorski, 2006; др.].

Целью поликультурного образования является максимально полное развитие потенциала всех учащихся, где процесс воспитания и обучения осуществляется в духе признания и уважения собственного этноса, наци-

ональности и культуры, преодоления стереотипов и однозначности мышления, акцентирования и уважения иных точек зрения, обычаев и ценностей. Образовательная среда, отвечающая основным принципам мультикультурности, поликультурности характеризуется наличием условий для культурной самоидентификации, диалогичности, толерантности, открытости проникновения других культур, равными условиями существования для всех культур и т.д. [М.А. Лукацкий, 2002; М.Е. Остренкова, 2002]

Глобализация современного мира, интеграция языков и культур, проблемы межнациональных отношений в поликультурном обществе и происходящий в последние годы процесс возрождения этносов и рост этнического самосознания определяют социальный заказ современному образованию.

Первичным и основным элементом национального самосознания является, осознание этнической принадлежности, этнические взгляды, этнические представления, привычки, нормы поведения как составные элементы обыденного сознания, которые образуют национальное самосознание в узком смысле слова. Самосознание нации включает следующие аспекты: сознание этнической общности и отношение к другим этносам; приверженность к национальным ценностям.

Переменные этнического самосознания (исконная культура, этноценностные ориентации и др.) в большей или меньшей степени входят в структуру самосознания каждой личности. В процессе развития структурные звенья самосознания личности наполняются содержанием, обусловленным историческим развитием общественных отношений, ценностных ориентации, сложившихся условий межэтнических отношений. На этническое самосознание людей, ориентированных на ценности традиционной культуры, безусловно, не могут не воздействовать новые ценности современной цивилизации. Это воздействие по-разному сказывается на системе ценностей личности и, в частности, и на формирование гражданской и этнической идентичности. В некоторых случаях этническое самосознание и этническая идентичность не столько трансформируются, сколько разрушаются, что ведет к стиранию этнического своеобразия личности и полной потере связи с традиционной культурой.

Применительно к развитию системы ценностей ассимиляция предполагает принятие ценностей среды, а аккомодация – преобразование норм и ценностей среды в соответствии с собственной системой ценностных ориентаций. Согласно теории Пиаже, успешная адаптация и продуктивное развитие психики возможно при уравниваемости процессов ассимиляции и аккомодации. Соответственно, в развитии системы ценностей также должны быть уравновешены процесс усвоения новых культурных ценностей и их преобразование на основе традиционных ценностей этнической культуры в индивидуально-личностные ценности.

При изменении социальной ситуации, связанной с резким переходом от одной социальной системы к другой происходит также изменение си-

стемы ценностных ориентаций, которое может привести как к продуктивному развитию, так и к распаду системы ценностей. Сохранение единства личности и группы (этноса) возможно в случае уравнивания процессов ассимиляции и аккомодации – усвоения новых ценностей при сохранении ценностей, входящих в системообразующий компонент.

Успешная адаптация достигается в том случае, когда аккомодация новых требований социально-экономических условий, социальной среды уравнивается их ассимиляцией, приспособлением к сложившимся социальным нормам, к культуре и ценностям.

Личность с «разрушенной» этнической идентичностью и этническим самосознанием имеет менее согласованную систему ценностей, таким образом, теряется единства личности и группы (этноса), процесс адаптации в новой социокультурной среде нарушается и можем предположить, что именно у личности с «разрушенной» этнической идентичностью и этническим самосознанием не может быть сформирована и гражданская идентичность. Молодежь с рассогласованной системой ценностей с «разрушенной» этнической идентичностью, несформированной гражданской идентичностью попадает под влияние личностей с деформированными ценностями, и является объектом информационно-пропагандистского воздействия субъектов террористической деятельности, делинквентного поведения.

По данным эмпирического исследования можно проследить изменения системы ценностных ориентаций в ситуации кризисного изменения социальной среды. Мы предположили при изменении социокультурной и социально-экономической среды, порождающих сдвиг ценностных ориентаций, устойчиво сохраняются базовые ценности и это обусловлено высоким уровнем эмпатии, этнической идентичности и социальной адаптированности, формированием гражданской позиции и идентичности. Преобладание механизмов аккомодации, проявляется в распаде системы ценностей, ведет к снижению адаптации и потере этнической и гражданской идентичности [6].

В соответствии с целями и задачами исследования мы разбили выборку на две группы по уровню этнической идентичности и социальной адаптированности. Система ценностей испытуемых (2010г) с высоким уровнем этнической идентичности ЭИ и социальной адаптации (в рис. 1, 2) В группу с высоким уровнем этнической идентичности вошли 100 человек из сельской местности.

Первый фактор составили ценности «Социальное положение» (28 % дисперсии). Он включает в себя ценности общественного признания, принятия групповых норм и ценностей, наличия друзей, ценность активной деятельной жизни Второй фактор «Семейные ценности» (21 % дисперсии) включает в себя ценности счастливой семейной жизни, любви, уважения, традиции, ответственности. В этот фактор переместилась

ценность уверенности в себе, которая стала связываться, прежде всего, с поддержкой родственников и близких. В условиях смены социальной системы и еще не сложившейся устойчивой и разделяемой всеми системы ценностей семья и родственники становятся особенно важными. При всех изменениях социального строя этнические ценности сохранялись именно в семье, которая передавала традиции и нормы тогда, когда общество не поддерживало этническую ментальность.

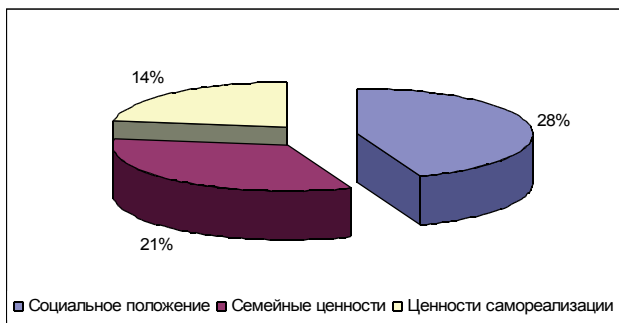

Рис. 1. Диаграмма результатов факторизации терминальных ценностей у лиц с высоким уровнем ЭИ (выборка 2010 г.)

Значимость третьего фактора «Ценности самореализации» (14 % дисперсии), которая, наряду с ценностями самостоятельности, свободы и творчества, включает в себя ценности мудрости и интересной работы. К сожалению, еще не всем удастся совместить интересную работу с общественным признанием и материальным благополучием. Но свобода и самостоятельность связываются именно с жизненной мудростью, заставляющей выбирать не материальные, а духовные ценности.

Во второй диаграмме по исследованию инструментальных ценностей в рис.2

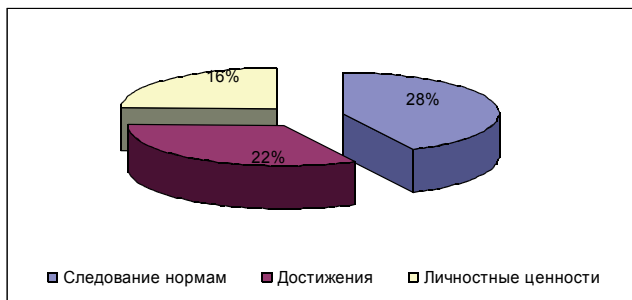

Рис.2. Диаграмма результатов факторизации инструментальных ценностей у лиц с высоким уровнем ЭИ (выборка 2010 г.)

Первый фактор «Достижения» (28 %) составили ценности высоких требований к жизни, трудолюбия, образования, жизнерадостности и широких взглядов. По сравнению с выборкой 1989 г., в этот фактор вошли ценности твердой воли, что, вероятно, отражает повысившуюся значимость личностной активности и волевых качеств в достижении высоких результатов. Повышение значимости фактора «достижения» отражает особенности социальной ситуации, ставящей на первое место индивидуальные успехи и требующей от всех проявлять силу воли в достижении высоких результатов. Если при социализме высокий уровень притязаний, стремление к «хорошей жизни» не поощрялись, то теперь эта ценность активно, возможно даже слишком, пропагандируется СМИ.

Второй фактор (22 % дисперсии) — следование нормам общественной жизни, что позволяет говорить о преимуществах системы ценностей, сохранившей значимость следования социальным запретам и предписаниям. По-прежнему отмечается значимость вежливости и аккуратности, чуткости и ответственности. В этот фактор переместилась ценность трудолюбия. Это согласуется с характеристиками семантического пространства межличностного восприятия в области межэтнических отношений, в котором трудолюбие входит, как показывают наши результаты, в разряд религиозных ценностей. Возможно, в сегодняшней ситуации трудолюбие связывается не столько с достижениями, сколько с ориентацией на традиционные ценности и следование традиционным нормам.

Третий фактор «Сила Я» (16 %) отражает возросшую значимость ценностей самостоятельности и независимости. В этот фактор переместилась и ценность честности.

При расщеплении выборки по гендерному признаку в семантическом пространстве мужчин этот фактор получил большую нагрузку (22 %), а в семантическом пространстве женщин оказался не значимым. Однако, в выборке женщин выделился специфический «фемининный» фактор, составивший 13 % дисперсии, включающий ценности чуткости, честности и терпения. Произошедшие перемены связаны с возрождением интереса к традиционным семейным ценностям и повышением значимости различий в поведении мужчин и женщин. Женщины, характеризующиеся высоким уровнем этнической идентичности и успешно адаптированные в социальной среде, демонстрируют приверженность к традиционному семейному укладу, предписывающему женщине мягкость и чуткость, а мужчине смелость и мужество.

Система ценностей испытуемых (2010) с низким уровнем этнической идентичности ЭИ и социальной адаптации (3,4).

В эту группу вошли 102 человека городских жителей. Следует отметить, что результаты имеют менее выраженную структуру, чем в предыдущей группе. Это означает, что испытуемые с низким уровнем этнической иден-

тичности и социальной адаптированности имеют менее согласованную систему ценностей, у них не сформирована и гражданская идентичность.

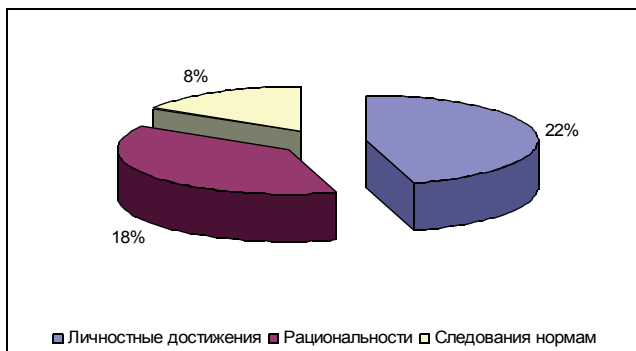

Рис. 3. Диаграмма результатов факторизации инструментальных ценностей у лиц с низким уровнем ЭИ (выборка 2010 г.)

Первый фактор «Личностные достижения» (22 %) составили ценности высоких запросов, жизнерадостности, рациональности, независимости и широких взглядов. Фактор отражает определенную «агрессивную» позицию, согласно которой высокий уровень притязаний обеспечивается проявлением смелости и твердой воли, а не трудолюбием и образованием. Этот фактор индивидуализма и личных достижений.

Второй фактор (18 % дисперсии) сложно интерпретировать однозначно. Он получил условное название «Рациональность» по наиболее значимой шкале; включает в себя ценности рациональности, образования, непримиримость к недостаткам в себе и других, самоконтроля и ответственности. По содержанию он отражает ценности рационального самосовершенствования, ориентации на свои силы и борьбу с тем, что не нравится в себе и других.

Третий фактор «Следование традиционным нормам» (8 %) по содержанию близок соответствующему фактору в предыдущих группах, но имеет гораздо меньшую значимость. В него входят такие ценности как исполнительность, аккуратность, воспитанность и трудолюбие, принятие групповых норм. Состав фактора и расположение шкал по фактору позволяет говорить скорее о пассивной позиции в отношении соблюдения социальных норм. Так, наибольший вес имеет ценность исполнительности, следования предустановленным указаниям. В целом этот фактор противоположен первому фактору семантического пространства. Для испытуемых воспитанность и аккуратность слабо совместимы с высокими запросами, смелостью и жизнерадостностью. Расщепление выборки по гендерному признаку не выявило значимых различий.

Произошли изменения и в системе терминальных ценностей. На первое место по значимости вышли ценности самореализации, состава

вившие первый фактор (21 % дисперсии). В него вошли ценности материального благополучия, здоровья, самостоятельности, независимости в суждениях и поступках, свободы. Материальное благополучие и здоровье не связываются, как в ранее рассмотренных случаях, ни с семьей, ни с общественным признанием.

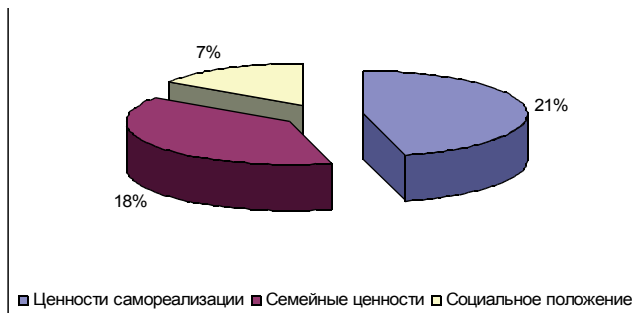

Рис. 4. Диаграмма результатов факторизации терминальных ценностей у лиц с низким уровнем ЭИ (выборка 2010 г.)

Второй фактор составили «Семейные ценности» (18 % дисперсии). Он включает в себя ценности счастливой семейной жизни, любви, удовольствия. Семейная жизнь стоит несколько особняком и не связывается ни с какими другими ценностями — с ответственностью, материальным благополучием, уверенностью в себе и пр.

Снизилась значимость третьего фактора «Социальное положение» (7 % дисперсии), куда вошли ценности общественного признания, наличия друзей, интересной работы и активной жизни. Это можно считать свидетельством снижения связи со своим социальным окружением и потери традиционной для народов Северного – Кавказа опоры на мнения и оценки своего народа.

Необходимо проследить дальнейшую динамику ценностных ориентаций испытуемых, имеющих сегодня низкий уровень социальной адаптированности для того, чтобы делать вывод либо об окончательном распаде традиционных этнических ценностей и формировании новых, либо о возможном восстановлении их системы.

По данным теоретических и эмпирических исследований мы можем предположить, что у этнофоров с низким уровнем социальной адаптированности и этнической идентичности не может быть сформирована и гражданская идентичность, патриотизм, не может быть гражданской ответственности и позиции и зачастую они являются потенциальными объектами для информационно-пропагандистского воздействия субъектов террористической деятельности в связи с тем что у них не сформирована позитивная система ценностных ориентаций.

Целью современного образования становится формирование, развитие и подготовка к жизни в обществе личности, способной к диалогу, понимающей и принимающей не только свои, но и чужие культурные ценности.

Поликультурная система образования – важнейший социальный институт, ведущий фактор формирования гражданской идентичности и сохранения и развития национальных культур и языков, действенный инструмент культурной и политической интеграции российского общества.

Гуманизация образования означает, по утверждению Е.Н. Шиянова создание такой образовательной социальной системы, которая отвечает гуманистическим ценностям и идеалам [9, 43].

Обеспечить гражданский мир и социальную стабильность, создать благоприятный режим социализации новых поколений особенно важно на современном этапе российской модернизации, которая происходит в условиях нарастающей изменчивости современного мира.

Наряду с положениями о единстве культурного и образовательного пространства России Закон РФ «Об образовании» постулирует принципы защиты и развития школой национальных культур и региональных культурных традиций. Национально-культурные интересы народов Российской Федерации в сфере образования предполагают восстановление этнокультурных и этносоциальных функций школы. В то же время система образования, вырастающая из культурно-исторических традиций народов России, обращенная к их насущным потребностям и устремлениям в будущее, должна развиваться в многомерном пространстве этнической, национально-территориальной, общероссийской и мировой культуры [5].

Совокупность индивидуальных свойств, являющихся внутренними факторами развития человека, и особенности социокультурной среды, выступающие в качестве внешних факторов, определяют формирование гражданской и этнической идентичности детей в школьном возрасте в процессе взаимодействия, реализующегося той или иной деятельностью.

Внешней предпосылкой формирования идентичности этнофора школьного возраста являются условия жизнедеятельности, социальная среда. [7]

Как справедливо отмечает В. П. Иванов, «лишь в границах деятельности определенного субъекта любые реальности – действительные и воображаемые – выстраиваются в смысловой ряд, в иерархию ценностей, в актуальный жизненный мир, запечатлевающий неповторимость судьбы этого субъекта» [3, 42].

На формирование гражданской и этнической идентичности оказывает влияние осознание собственной принадлежности к тем или иным социокультурным группам – этносу, классу, конфессии. Этническая идентичность это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценка, значимость членства в ней, разделяемые этнические чувства.

Включенность ребенка в этнопедагогическую и этнопсихологическую среду влияет на его развитие, позволяет ему адекватно воспри-

нимать себя как представителя определенного этноса, формировать позитивное отношение к своей этнической общности, желание принадлежать к ней, воспитывает гордость за достижения своего народа и своей страны. В течение десятилетий большинством ученых признавалось определение этнической реальности, предложенное Ю. В. Бромлеем, полагавшим, что этническая общность создается традиционно-бытовыми компонентами культуры, включающими обычаи, обряды, народное искусство, устное народное творчество, язык [2, 132].

По мнению Е.Н.Шиянова в структуре социально – педагогического пространства на любом из его уровней можно выделить такие элементы, как языковая культура, формы и способы мышления, обеспечивающие познание окружающего мира и себя в нем; система ценностей общества, подлежащих интериоризации, подрастающим поколением; виды и способы деятельности обеспечивающие жизнедеятельность и развитие личности; допустимые и желаемые нормы человеческих взаимоотношений и принятые в обществе социально ролевые диспозиции; эффективные модели передачи и усвоения социального опыта [9, 310]

Система образования – важнейший институт общественного воспроизводства и государственной безопасности, ведущий фактор сохранения и развития национальных культур и языков, действенный инструмент культурной и политической интеграции российского общества, которая формирует, должна формировать *Самостоянье человека – как высший уровень достигнутой личностью «самости» – ее самостоятельной индивидуальной, личной гражданской ответственности (что действительно есть «залог» ее гражданского величия).*

Литература:

1. *Асмолова, А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.
2. *Бромлей, Ю.В.* Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. – М.: Наука, 1988. – 358 с.
3. *Иванов, В.П.* Динамика ценностных ориентации личности (в сфере профессиональной деятельности педагога): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1994. – 26 с.
4. *Кукушкин, В.С., Столяренко, Л.Д.* Этнопедагогика и этнопсихология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 448 с.
5. Концепция развития поликультурного образования в Российской Федерации. Проект.М.- 2010
6. *Накохова, Р. Р.* Психология ценностных ориентаций этнофоров и этносов Северного –Кавказа». М. : Линкор, 2008.
7. *Накохова, Р. Р.* Младший школьник: возможности личностного развития. Карачаевск, 2001.-135с
8. *Ромаева, Н.Б., Ромаев, А.П.* Генезис феномена и категории «СВОБОДА» в гуманистической педагогике России //Антропологический контекст. Ставрополь, 2008.
9. *Шиянов, Е.Н.* Педагогика: общая теория образования. Ставрополь, 2007.

Социальные представления студентов вуза о межэтнической компетентности / межэтнической некомпетентности

Непочатых Е.П.

К настоящему времени накоплен серьезный теоретический и эмпирический материал по изучению ряда этнопсихологических проблем. С начала 2000-х годов достаточно востребованы в отечественной науке и практике исследования компетентности, в том числе межкультурной (межэтнической). Изучение социальных представлений о межэтнической компетентности / межэтнической некомпетентности предоставляет возможность для более глубокого понимания механизмов, регулирующих поведение индивида в условиях межэтнического взаимодействия.

В своем эмпирическом исследовании мы опирались на теорию социальных представлений С. Московичи (4), а также выводы исследований социальных представлений объектов социальной реальности (А.И. Донцов, Т.П. Емельянова; И.Б. Бовина, Т.Г. Стефаненко, О.А. Тихомандрицкая, Н.Г. Малышева, Е.О. Голынчик и др.). Особый интерес представляли кросскультурные исследования социальных представлений (О.Е. Хухлаев, Е.А. Балашова; А.С. Паттисон, А.В. Шустова и др.), а также выводы исследований межэтнической (межкультурной) компетентности (Е.Н. Резников, Т.Г. Стефаненко, О.Е. Хухлаев, М.Ю. Чибисова, М.В. Корнилова и др.).

Главная цель исследования заключалась в выявлении, описании и анализе структуры социальных представлений о межэтнической компетентности / межэтнической некомпетентности студентов.

Предполагалось проверить в исследовании следующие гипотезы:

- социальные представления о межэтнической компетентности имеют морально-нравственную основу и отражают действия индивида в ситуации межгруппового / межэтнического взаимодействия.
- социальные представления о межэтнической некомпетентности связаны с явлениями социальной жизни, которые несут угрозу стабильности и целостности группы, межличностным отношениям и представляют опасность для индивида в целом.

Объектом исследования выступали студенты 2-5 курсов Курского института социального образования (филиал) РГСУ. Общий объем выборки – 96 человек. Предметом исследования явились социальные представления о межэтнической компетентности / межэтнической некомпетентности.

В качестве основного метода выявления представлений о межэтнической компетентности / межэтнической некомпетентности применялся метод свободных ассоциаций (2). Респондентам предлагалось сформулировать по 10 ассоциаций на слова «межэтническая компетентность» и «межэтническая некомпетентность». Для анализа структуры социальных представлений применялся прототипический анализ П. Вержеса (1). Прототипический анализ позволил выявить структуру социальных

представлений о межэтнической компетентности / межэтнической некомпетентности: зону ядра и периферическую систему.

Зона ядра представления о межэтнической компетентности образована элементами: «уважение» (42; 3,06); «помощь» (24; 4,45); «поддержка» (16; 4,13); «народ» (14; 3,62); «люди» (14; 4,62). Первая периферическая система (потенциальная зона изменений) образована элементами: «интерес» (10; 2,5); «толерантность» (12; 3,33); «терпимость» (11; 4,25); «осведомленность» (12; 4,43); «понимание» (30; 4,95); «доброта» (15; 5,0); «знание» (20; 5,23). Вторая периферическая система (или собственно периферическая система) включает следующие элементы: «воспитание» (11; 4,75); «любовь» (12; 5,2); «дружба» (10; 5,33). Элементы зоны ядра и периферической системы представления о межэтнической компетентности составляют 27,91 % (264) от всех высказанных ассоциаций (946).

Анализ зоны ядра представления о межэтнической компетентности показал, что ассоциации респондентов отражают действия индивида («уважение», «помощь», «поддержка»), имеющих ценностную основу, в ситуации межгруппового / межэтнического взаимодействия («люди»; «народ»). Данный факт позволяет конкретизировать положение о морально-нравственной природе отношений между людьми: контакты между людьми, представителями разных народов, основываются на уважении, помощи и поддержке. Если учесть весь массив данных, то в нем содержатся 25 ассоциаций, отражающих характеристику этих отношений: «взаимость», «взаимовыручка», «взаимодействие», «взаимоотношение», «взаимопомощь», «взаимопонимание», «взаимосвязь».

Элементы зоны ядра конкретизируются в периферической части за счет следующих элементов: указание на индивидуальнопсихологические характеристики личности («толерантность / терпимость», «доброта», «любовь», «дружба», «интерес»); источник формирования межэтнической компетентности («опыт», «воспитание»), а также его результаты («знания», «осведомленность»).

Следует выделить особо позицию меньшинства в представлениях о межэтнической компетентности (низкочастотные и низкоранговые понятия). Ассоциации в данной группе содержат наличие мотивации («интерес») к познанию о других культурах («осведомленность») и развитию толерантности / терпимости как личностной характеристики. По сути, такие представления в определении межэтнической (межкультурной) компетентности отражаются в ряде отечественных научных работ (Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, О.В. Лунева, Н.М. Лебедева и др.). Однако, по результатам нашего исследования, распространенности в представлениях респондентов о межэтнической компетентности они пока не получили.

Зона ядра представления о межэтнической некомпетентности образована элементами: «грубость» (23; 4,22); «неуважение» (22; 3,57); «агрессия» (21; 4,90); «хамство» (18; 4,3); «война» (14; 4,57); «спо-

ры» (13; 4,3); «непонимание» (13; 5,60). Первая периферическая система (потенциальная зона изменений) образована элементами – «незнание» (12; 3,83); «злость» (12; 3,67); «расизм» (12; 4,08); «нетерпимость» (12; 4,3); «вражда» (10; 4,5); «ненависть» (17; 5,68). Вторая периферическая система (или собственно периферическая система) включает следующие элементы: «смерть» (12; 5,86); «страх» (11; 6,0); «разногласия» (11; 6,2). Элементы зоны ядра и периферической системы представления о межэтнической некомпетентности составляют 28,84 % (233) от всех высказанных ассоциаций (808).

Детальный анализ зоны ядра показал, что представления студентов о межэтнической некомпетентности формируются вокруг категорий, отражающих последствия ее проявления на социальном («война»), межличностном («споры»; «непонимание»; «неуважение»; «агрессия»;) и индивидуальном («грубость»; «хамство») уровнях. Данный «набор» категорий, на наш взгляд, может указывать лишь на формирование представлений о межэтнической некомпетентности в данной выборке. Об этом свидетельствуют, широкая вариативность и несогласованность представлений у студентов. Кроме того, эти ассоциации могут быть применимы и для других социально-психологических феноменов (например, «конфликт»). В данном случае можно констатировать отнесение респондентами межэтнической некомпетентности к явлениям социальной жизни, которые несут угрозу стабильности и целостности группы, межличностным отношениям и представляют опасность для индивида в целом.

Следует отметить, что периферическая система представления в целом включает эмоциональный компонент («страх»), а также отражает последствия проявления межэтнической некомпетентности для групп и индивидов («разногласия», «вражда», «ненависть», «смерть»).

Этнокультурную составляющую («расизм») отражают ассоциации представлений о межэтнической некомпетентности, разделяемых меньшинством выборки студентов (низкочастотные и низкоранговые понятия), а также включают в себя возможные причины межэтнической некомпетентности («незнание») и указывают на наличие индивидуально-психологических характеристик личности («злость», «нетерпимость»).

Таким образом, по результатам исследования можно заключить, что социальные представления о межэтнической компетентности имеют морально-нравственную основу и отражают действия индивида в ситуации межгруппового / межэтнического взаимодействия. В представлениях респондентов межэтническая некомпетентность относится к явлениям социальной жизни, которые несут угрозу стабильности и целостности группы, межличностным отношениям и представляют опасность для индивида в целом. В связи с полученными выводами дальнейшими направлениями исследований будет изучение механизмов формирования и развития межэтнической компетентности.

Литература:

1. *Бовина И.Б.* Обыденные представления молодежи о России в современном мире [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 2. – Педагогика. Психология. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/2/Bovina~Stefanenko~Tikhomandritskaya~Malysheva~Golynchik/>. – дата обращения: 18.11.2012.
2. *Городецкая Л.А.* Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Сборник научных трудов. Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Выпуск 1; под общ. ред. И.Н. Розиной. – Ростов н/Д: ИУ-БиП, 2002. – С. 28-37.
3. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 400 с.
4. *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд / С. Московичи // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 2. – С. 3-14.

Визуальная антропология в контексте исследования традиционных культур народов России: проблема позиции исследователя, способа фиксации и формата репрезентации этнических культур

Обухов А.С.

В настоящее время существует два подхода к пониманию визуальной антропологии как особого направления деятельности: 1 – как отдельная научная область со своим предметом и методами исследования визуальных репрезентаций человека и социума в пространстве культур и исторического времени; 2 – как сфера приложения визуальных средств в области социальной и культурной антропологии.

Нами визуальная антропология понимается как направление социокультурной антропологии, призванное визуальными средствами познавать другую культуру, другого человека, человека в контексте культуры. Содержательно визуальная антропология может воплощаться в различных форматах, в зависимости от позиции исследователя, от способа фиксации, от формата репрезентации при изучении человека в контексте культуры и социума. В этом контексте ключевыми вопросами для визуальной антропологии становятся: Кто смотрит? На кого смотрит? С какой целью смотрит? Как фиксирует? Где и когда фиксирует? Как репрезентирует? Кому презентует? С какой целью презентует?

Позиция исследователя может иметь свою специфику в системе различных дихотомий, среди которых можно отметить следующие, отличные по смысловым задачам: «извне – изнутри»; «понять – рассказать»;

«оглядеться – сфокусироваться»; «пережить – показать»; «свое – чужое»; «созвучие – диссонанс» и др.

По формату выделяются два способа фиксации: статика (фотография) и динамика (видео). Каждый из них имеет специфику реализации («созвучная камера», «скрытая камера», «провокационная камера», «сценирующая камера», «диалогичная камера» и др.). Ключевым отличием (как фото-, так и видеофиксации) в исследовательском плане будет фокус внимания: на элемент, сюжет, фрагмент реальности, ситуативный момент или на контекст, пространство, историзм.

В нашей практике учебно-исследовательских экспедиций со старшеклассниками и студентами в различные регионы России и другие страны визуальная антропология выступает определенным синтезом инструмента исследования и способа построения образования. Экспедиционный опыт исследовательской специализации «Социокультурная психология и антропология» лица №1553 «Лицей на Донской» и кафедры психологии образования МПГУ достаточно обширен: Алтай (алтайцы), Архангельская область (русские), Бурятия (буряты, эвенки, сойоты), Башкирия (башкиры), Вологодская область (вепсы), Хакасия (хакасы) и др. регионы России, а также Армения, Израиль, Мексика.

Образовательный потенциал визуальной антропологии нами реализуется через следующие принципы построения экспедиционной практики: постановка ученика на позицию автора визуального текста; авторство как способ диалогического познания другого человека, другой культуры, человека в контексте культуры; аутентичность визуальной фиксации; презентабельность визуального образа; визуальная фиксация и репрезентация как способ осмысления другой культуры.

Изначально, начиная с 1995 года, доминировала практика фотофиксации человека в контексте культуры и элементов обиходных, игровых и обрядовых традиций этнических культур. В последние годы (начиная с 2007 года) в нашей группе начали развиваться средства видеофиксации с последующим монтажом фильмов. Сложилась практика создания фильмов четырех типов: репрезентация разных аспектов культуры («**мозаика**»); репрезентация культуры через определенны аспект («**голограмма**»); презентация культуры («**рассказ**»); презентация переживания культуры («**эссе**»).

При разворачивании данных практик для нас принципиально: 1 – удержание позиции исследователя, пытающегося понять и передать человека в контексте аутентичной культуры; 2 – деятельная составляющая познания учащимся человека в контексте другой культуры (через создание авторского визуального текста в форме фильма).

Избегание как одна из типичных преодолевающих стратегий белорусов

Одинцова М.А.

Исследование проводилось в течение трех лет с 2009 по 2012 год в два этапа. Общий объем выборки составил 410 человек, из них 205 россиян и 205 белорусов.

На первом этапе было выявлено, что белорусы чаще россиян в стрессовых ситуациях прибегают к неадаптивным поведенческим стратегиям: копинг, ориентированный на эмоции ($p=0,039$) и копинг-избегание ($p=0,000$). Белорусы в меньшей степени готовы к преодолению трудностей, они не верят в собственную активность, не видят в ней смысла и более пассивно, чем россияне, воспринимают происходящее. Белорусы используют стратегию «игровой роли жертвы» ($p=0,002$) в результате чего происходит активизация рентных установок, которые выражаются в утилитарном подходе к своему бедственному положению; в ощущении себя пострадавшими, беспомощными; в фокусировании психической активности на страданиях; в локализации контроля на внешний мир. Второй исследовательский этап лишь подтверждает данные, полученные на первом этапе. Оба этапа показали, что белорусы чаще россиян в стрессовых ситуациях используют избегающую стратегию преодоления.

Дальнейший, более детальный анализ полученных нами данных позволил выявить, что белорусские мужчины прибегают к стратегии избегания значительно чаще российских ($p=0,001$). Белорусские мужчины стараются избежать контакта с угрозами окружающей действительности, изолироваться, отдалиться от стрессовых ситуаций. В женских выборках различий в использовании стратегии избегания не выявлено.

Стойкое использование стратегии избегания белорусами, особенно мужчинами, возможно, детерминировано недостаточностью развития некоторых личностных ресурсов (готовность к риску, готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей, интернальная локализация контроля, жизнестойкие убеждения). Второй этап проведенного исследования показал, что белорусы в отличие от россиян набрали более низкие показатели по готовности к риску ($p=0,027$); готовности к деятельности, связанной с преодолением трудностей ($p=0,031$); по общему уровню субъективного контроля ($p=0,023$).

Проведенный корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена позволил выявить связи шкалы игровой роли жертвы и копинг-избегания ($r_s=0,34$). Выявлена взаимосвязь между шкалой игровой роли жертвы и копингом, ориентированным на эмоции ($r_s=0,36$); между шкалой социальной роли жертвы и копингом, ориентированным на эмоции ($r_s=0,39$). Чем выше виктимность личности, тем более ярко выражены неконструктивные преодолевающие стратегии поведения (копинги, ориентированные на эмоции, и избегание).

Выводы:

1. Белорусы в отличие от россиян чаще используют стратегию избегания, которая позволяет им уменьшить эмоциональное напряжение, связанное со стрессом.
2. Использование стратегии избегания белорусами детерминировано недостаточностью развития некоторых личностных ресурсов (неготовность к риску, неготовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей, экстернальная локализация контроля).
3. Избегающую стресспреодолевающую стратегию чаще используют лица с выраженной игровой ролью жертвы, которая позволяет использовать внешние ресурсы для решения внутренних проблем и хорошо адаптироваться к любым условиям среды.

Формирование установок толерантного поведения и профилактика экстремизма среди подростков и молодежи – учащихся средних и средних специальных учебных заведений инновационными средствами учреждений культуры

Орленко С.А.

Увеличение миграционных потоков в России, наблюдаемое в последнее время, ведет к существенному изменению этнического состава многих городов и регионов страны. Общение в условиях этнического разнообразия становится повседневной реальностью во всех сферах жизни людей, в том числе и в образовании. Редкая российская школа сегодня является мононациональной. Это сопровождается межэтнической напряженностью, ростом ксенофобии среди школьников и молодежи.

Возможности профилактики ксенофобии и экстремизма, имеющиеся в образовательных учреждениях, действительно большие: кадровый корпус, непрерывный учебный процесс, родительская «общественность» и сами субъекты воздействия – дети. Однако эффективное решение данной проблемы требует комплексного подхода, предполагающего объединение усилий образовательных, социальных, правовых и культурных учреждений.

Переход на Федеральные образовательные стандарты предусматривает формирование межпредметных компетенций, широкое использование образовательных и воспитательных ресурсов учреждений культуры.

Еврейский музей и центр толерантности разрабатывает и реализует интерактивные образовательные программы по профилактике экстремизма и ксенофобии, формированию установок толерантного поведения и гражданской идентичности.

Принципы Программ:

- Интеграция в образовательную программу. При этом уроки в Центре толерантности дополняют, а не заменяют изучение учебного материала в классе.
- Программы сфокусированы на эмоциональном вовлечении школьников, создании для них реального опыта, способствующего формированию толерантного мировоззрения.
- Занятия проходят в полуторачасовом тренинговом формате, задействуя широкие инновационные технические и методические ресурсы Центра толерантности.
- Программы построены с учетом социально-психологических возрастных особенностей учащихся, имеют поступательный характер, когда одна тема является логическим продолжением другой.

В Центре толерантности разработаны и успешно реализуются Программы «Урок в Центре толерантности» и «Формирование гражданской идентичности школьников».

Целью Программы «Урок в Центре толерантности» является содействие формированию установок толерантности среди учащихся, снижению социальной напряженности в образовательных учреждениях.

Целью Программы «Формирование гражданской идентичности школьников» является содействие формированию чувства сопричастности и гордости за свою страну, патриотизма и активной гражданской позиции среди школьников.

Программы адресованы учащимся 4-11 классов.

Центр толерантности Еврейского музея ориентирован на создание единого профессионального поля для педагогов, интересующихся вопросами толерантности. Этой цели способствуют мероприятия, на которых специалисты Центра знакомят педагогов с технологиями развития культуры социального взаимодействия в образовательной среде, а педагоги могут делиться собственным позитивным опытом в этой области.

Методологические подходы к изучению латиноамериканских целительских практик с использованием растительных галлюциногенов

Орлова М.О.

Антропологические исследования использования растительных галлюциногенов (РГ) в народной медицине Латинской Америки и в практиках интегративной медицины являются источником развития такого актуального направления, как транскультурная психотерапия, рассматривающего заимствование и возможности культурной адаптации психоте-

рапевтических методов из других культур и связанные с их применением трудности.

Изучение терапевтического потенциала РГ дает богатый материал для междисциплинарного исследования (2, 3). Медицинская антропология движется в направлении более активного участия в междисциплинарных исследованиях. В частности, это касается изучения традиционных практик индукции ИСС.

Изучение применения РГ в лечении является примером более широкого спектра исследований, касающихся медицинских практик, в той или иной мере включающих обращение к сакральному в процессе лечения, в частности, и современного человека, воспитанного в культуре, где биомедицина занимает лидирующие позиции.

Источником данных по теме являются не только традиционный для антропологии метод включенного наблюдения и интервью, но и непосредственное участие исследователя в изучаемых практиках, диалог с носителями традиции, «приобщение» к традиции (1).

Медицинская антропология изучает медицинские системы в их реальном функционировании, во всей сложности взаимодействия и взаимной трансформации традиционной, народной медицины и биомедицины. Трансформация практик использования РГ в результате межкультурного взаимодействия, активизировавшаяся в последнее время, прослеживается задолго до глобализации (3).

Использование этномедицинских практик вне традиционного контекста остро ставит вопрос взаимопонимания пациента и целителя, а также обоснования эффективности методов целительства, историческим фундаментом которых является иная картина мира, нежели у пациента. Имеющиеся данные свидетельствуют, что риски потребления РГ во многом связаны с отсутствием адекватной культурной регуляции их потребления (2, 3).

В пользу оправданности транскультурного использования РГ в терапевтических целях свидетельствуют данные об их успешном применении в терапии химических зависимостей, тревожно-депрессивных расстройств, последствий психологических травм. (3, 4).

Литература

1. Харитонова В.И. Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект / ЭО, 2010, № 3. С. 7-21
2. Dobkin de Rios M. The Psychedelic Journey of Marlene Dobkin de Rios: 45 Years with Shamans, Ayahuasqueros, and Ethnobotanists. Park Street Press. 2009
3. Labate, Beatriz Caiuby and Jungaberle, Henrik (Eds, 2011): The Internationalization of Ayahuasca. Zürich: LIT-Verlag
4. Mabit J. Blending Traditions: Using Indigenous Medicinal Knowledge to Treat Drug Addiction// MAPS, Bulletin of the Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies, vol XII, n^a 2, pp. 25-32, USA, summer 2002

Зачем нужны этнографические данные в психологической практике?

Павлова О.С.

Этнография – часть исторической науки, изучающая этносы, их происхождение, состав, расселение, культурно-бытовые особенности, а также их материальную и духовную культуру.

Этнографические сведения дают психологу представление о том, какова специфика культуры этноса. Через призму культуры психолог узнает, как человек воспринимает, категоризирует, осмысливает и оценивает окружающий мир. Полевые этнографические исследования позволяют осуществить *emic* подход, необходимый для глубоко постижения этнической культуры и правильной интерпретации полученных в результате этнопсихологических исследований данных.

Важнейшими элементами культуры являются социальные нормы, ценности и их иерархия, правила поведения, нормы вербальной и невербальной коммуникации и другие. Этнос, этническая общность является творцом своей культуры, выражая ее специфику в ценностях, религиозных представлениях, символах, мифах, легендах, которые играют смыслообразующее значение для жизни каждого человека, принадлежащего к данной этнической группе. Поэтому процесс знакомства с другими этносами должен строиться на постижении этих смыслообразующих элементов, являющихся ядром каждой культуры.

Кроме того, одной из важнейших функций культуры является ее регулятивная функция. Благодаря ей культура определяет поведение людей, то поведение, которое А.Г. Асмолов назвал «социотипическим поведением личности». «Социотипическое поведение личности, выражающее типовые программы данной культуры, нейтрализует тенденцию к индивидуализации поведения, рост его вариативности; вместе с тем усвоенные личностью социальные образцы и стереотипы, характеризующие ее как члена той или иной общности, освобождают личность от принятия индивидуальных решений в типовых, стандартных для данной общности ситуациях» (1; 310).

Таким образом, «культура – это совокупность неосознаваемых положений, стандартных процедур и способов поведения, которые были усвоены в такой степени, что люди не рассуждают о них» (2; 38). Проявляется культура в человеческом поведении, деятельности, ритуалах, традициях (3; 16). Выбирая ту или иную линию поведения, человек, являясь представителем определенного этноса, носителем определенной культуры, опирается на ценности и нормы этой культуры. Зависят от мировоззрения человека и способы реакции на различные жизненные ситуации, которые формируются в определенной этнокультурной среде.

Для правильной оценки и интерпретации поступков и поведенческих актов представителя этноса необходимо четкое понимание того,

что тот или иной поступок значит в культуре. Опора на этнографические данные в психологической практике будет способствовать большей эффективности работы специалиста.

Литература:

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.
2. *Лебедева Н.М.* Этническая и кросс-культурная психология. М., 2011.
3. *Хухлаева О.В., Чибисова М.Ю.* Работа психолога в многонациональной школе. М., 2011.

Негативные стереотипы и предрассудки в восприятии иммигрантов беларусами

Преснякова С.А.

Проблема иммиграции является актуальной во всем мире, это обусловлено возрастанием миграционных потоков из стран с низким уровнем развития в индустриальные страны. Это изменяет социально – политическую, социально-экономическую жизнь. Часть этих изменений негативно воспринимаются представителями различных социальных групп. Основными причинами иммиграции являются приезд на работу, получение образования.

Возникновение этических стереотипов обусловлено итогом ошибок социальной каузальной атрибуции, что приводит к формированию этнических предубеждений, негативных предрассудков, этноцентризму.

Этнический предрассудок – это заведомо ложное осуждение людей исключительно на основании их этнической принадлежности. Он состоит из негативной оценки их личности, поведения, норм и ценностей.

Нами было проведено исследование по выявлению негативных стереотипов и предрассудков в отношении восприятия иммигрантов, проживающих на территории Республики Беларусь.

В исследовании приняли участие 100 юношей и девушек в возрасте от 18 до 23 лет, студентов факультета психологии.

Методы исследования: опросник для выявления открытых и скрытых предрассудков, метод фокус-группы.

В результате нашего исследования нами были выявлены как открытые, так и скрытые предрассудки в отношении белорусов к иммигрантам.

Анализируя мнение юношей и девушек в отношении восприятия иммигрантов в РБ, выявились следующие особенности: большинство отмечает, что их отношение отличается от отношения к гражданам РБ – 64 %, оно проявляется в разделении на «своих» и «чужих». Эти различия базируются на внешних отличиях, на расовой принадлежности, особенностях поведения, особенностях менталитета.

На перекрестке миграции: от теоретических моделей к практическим решениям

Основными сферами жизнедеятельности, на которые распространяются негативные стереотипы и предубеждения являются: семейные, деловые, дружеские отношения.

Т.о., 37 % отнесутся негативно, если рабочие места будут занимать представители других этнических групп, 52 % респондентов – нейтрально и только 11 % позитивно.

В сфере дружеских отношений 78 % обращает внимание на этническую принадлежность при знакомстве. Это обусловлено лингвистическим барьером, вероисповеданием, культурными различиями; 22 % не обращает внимания на этническую принадлежность.

На основе анализа результатов работы по данной проблеме с фокус-группой нами были сделаны следующие выводы: негативное отношение к иммигрантам, ярче выражено у жителей сельской местности, чем у жителей столицы. Это обусловлено тем, что они реже взаимодействуют с представителями других ЭГ, а также менее знакомы с их культурными особенностями и менталитетом. Такое отношение может проявляться в виде дискриминации, негативных реакций на поведение представителей других ЭГ.

Проведенное нами исследование свидетельствует, что проблема негативных стереотипов и предрассудков в восприятии иммигрантов, является актуальной для РБ. В связи с этим, на современном этапе в РБ возрастает роль формирования позитивного отношения к иммигрантам, готовности к эффективному взаимодействию с ними.

Формирование мультиэтнической идентичности в ситуации интенсивных межкультурных контактов: пример русскоговорящих иммигрантов в Финляндии

Румянцева П.В.

Современные социальные процессы привносят определенные изменения в формирование этнической идентичности, приводят к определенным трансформациям этого феномена психической организации человека, появлению новых форм и видов этнической идентичности. Одним из таких новых видов этнической идентичности является мультиэтническая идентичность (в литературе также можно встретить такие термины, как биэтническая или бирасовая идентичность, транскультурная идентичность, мультикультурная или мультирасовая идентичность, гибридная идентичность).

На наш взгляд, мультиэтническая идентичность является достаточно распространенным вариантом этнической идентичности, возникающим тогда, когда человек (либо по причине своего происхождения, либо в силу жизненных обстоятельств) оказывается в ситуации постоянных и интенсивных межэтнических и межкультурных контактов.

В рамках данного исследования мы изучали структуру и особенности формирования этнической идентичности русскоговорящих иммигрантов в Финляндии в контексте аккультурационного процесса.

Выборку исследования составили 30 респондентов в возрасте от 19 до 63 лет (средний возраст – 35 лет), переехавших на постоянное место жительства в Финляндию с территории бывшего СССР. К моменту проведения исследования участники опроса проживали в Финляндии в течение периода с 3 до 19 лет (средний показатель составил 10 лет). Среди респондентов было 15 мужчин и 15 женщин. Основным методом исследования было избрано глубинное полуструктурированное интервью.

Интервью состояло из нескольких содержательных частей, охватывающих такие сферы, как обстоятельства эмиграции, опыт аккультурации, историю формирования этнической идентичности, ее нынешнее состояние, поведенческий компонент этнической идентичности, общие сведения о респондентах и т.д..

Результаты обработки результатов исследования показали, что у большинства респондентов этническая идентичность имеет сложную структуру: они осознают и эмоционально переживают свою принадлежность не к одному, а, как минимум, к двум этническим и культурным группам (русской и финской).

Мы также можем сделать вывод о динамической характере мультиэтнической идентичности мигрантов, ее нестатичности во времени: в разные моменты жизни и в разных жизненных ситуациях ощущение принадлежности к одной из этнических групп актуализируется в большей степени, чем к другой.

Таким образом, результаты исследования позволяют выделить как личностные, так и ситуационные факторы актуализации различных компонентов мультиэтнической идентичности русскоговорящих иммигрантов в Финляндии.

Связь индивидуальных ценностей и стратегий аккультурации этнических меньшинств¹

Рябиченко Т.А.

Растущие миграционные потоки стали неотъемлемой характеристикой современного мира, поэтому исследования аккультурации, имеющие продолжительную историю, не теряют своей актуальности.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Социокультурные факторы взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения в регионах России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

К числу наиболее влиятельных теорий аккультурации относят теорию Дж. Берри (2). Большое количество современных исследований аккультурации направлено на выявление взаимосвязи выделенных Берри стратегий аккультурации и ее результатов – психологической и социокультурной адаптации, и на выявление влияния факторов социокультурного контекста на стратегии аккультурации и адаптации (1, 3, 4). Однако вопрос о психологических причинах выбора той или иной стратегии аккультурации, относится к недостаточно изученным (6). Объяснительным принципом здесь может стать теория ценностей.

В нашем исследовании была использована обновленная теория ценностей Ш. Шварца, в соответствии с которой существует 19 универсальных для всего человечества ценностей, которые можно объединить в 4 мегаблока, два из которых выражают интересы личности, другие два – интересы групп (5).

Целью исследования стало выявление связи индивидуальных ценностей (как на уровне мегаблоков, так и на уровне отдельных ценностей) и стратегий аккультурации.

Основная гипотеза исследования: индивидуальные ценности представителей этнических меньшинств связаны со стратегиями их аккультурации, и эта связь имеет культурную специфику.

Выборку составили представители двух групп этнических меньшинств Литвы – русские (N=158) и поляки (N=115) в возрасте от 15 до 21 года (Me=17). Их социализация происходила уже в годы независимости Литвы, когда и русские, и поляки попали в категорию этнических меньшинств, что делает оправданным межгрупповое сравнение.

Использовался метод социально-психологического опроса. Обработка результатов проводилась с помощью статистических пакетов SPSS 17.0 и AMOS 19.0. Для проверки согласованности вопросов шкал использовался конфирматорный факторный анализ. При помощи моделирования структурными уравнениями были построены и протестированы в двух группах модели связи индивидуальных ценностей и стратегий аккультурации.

Полученные результаты подтвердили основную гипотезу исследования: индивидуальные ценности этнических меньшинств связаны со стратегиями их аккультурации. Были выявлены как универсальные, так и культурно-специфические связи индивидуальных ценностей и стратегий аккультурации в группах этнических меньшинств: русских и поляков в Литве. Найденные различия могут быть объяснены различиями социального и политического контекста существования двух исследуемых групп в Литве.

Литература:

1. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / Под ред. Н.М.Лебедевой и А.Н.Татарко. – М.:РУДН, 2009. 420 с.
2. Berry J. Psychology of acculturation // In J. Berman (Ed.). Cross-cultural perspectives: Nebraska Symposium on motivation. Lincoln, NE: University of Nebraska Press. 1990, vol.37, P. 201-234.

3. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., & Vedder P. Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // *Applied Psychology: an International Review*, 2006, 55 (3). P. 303–332.
4. Jasinskaja-Lahti, I., Horenczyk, G. & Kinunen, T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011. 37, 1423-1440.
5. Schwartz, S. H.; Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., Ramos, A., Verkasalo, M., Lönnqvist, J.-E., Demirutku, K., Dirilen-Gumus, O., Konty, M. Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 103(4), Oct 2012, P. 663-688.
6. Tartakovsky E. Factors affecting immigrants' acculturation intentions: A theoretical model and its assessment among adolescent immigrants from Russia and Ukraine in Israel // *International Journal of Intercultural Relations*, 36. 2012. P. 83– 99.

Этническая толерантность будущих воспитателей дошкольных учебных заведений

Савицкая О.В.

Актуальность исследования особенностей этнической толерантности, факторов, определяющих ее развитие, взаимосвязи толерантности с различными личностными и социально-психологическими феноменами, а также поиск возможных путей ее развития у представителей различных возрастных групп продиктована как сложностью и многообразием межэтнических контактов, так и необходимостью формирования навыков межкультурного взаимопонимания и взаимодействия (Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедева, А. Н. Татарко и др.).

Целью нашего исследования является определение взаимосвязи уровня развития этнической толерантности и типа этнической идентичности будущих воспитателей дошкольных учебных заведений.

Выборка состояла из 38 студентов 1 и 4 курса специальности «Дошкольное образование». В исследовании использовались экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г.У.Солдатовой, О.А.Кравцовой, О.Е.Хухлаева, Л.А.Шайгеровой и методика диагностики типов этнической идентичности Г.У.Солдатовой, С.В.Рыжовой.

В результате проведенного исследования нами получены такие результаты. У 97,4 % опрошенных студентов выявлен средний уровень толерантности, у остальных 2,6 % – высокий. Следует отметить, что среднее значение индекса толерантности незначительно выше у студентов 4 курса (83 против 87). Средний уровень этнической толерантности выявлен у 81,6 % респондентов, а у 18,4 % – низкий уровень. Причем среди студентов первого курса низкий уровень этнической толерантности

выявлен у 27,8 % респондентов. Было установлено, что показатели, отражающие уровень этнической, личностной и социальной толерантности у респондентов-первокурсников оказались несколько ниже, чем у студентов-выпускников.

Позитивная этническая идентичность преобладает у 57,9 % респондентов; у 5,3 % наблюдается этнофанатизм, а у 31,5 % испытуемых позитивная этническая идентичность и этнофанатизм доминируют одновременно; у 5,3 % опрошенных доминирует этноиндифферентность; остальные три типа этнической идентичности выявлены не были. Следует отметить, что доминирование типа этнической идентичности этнофанатизм связано с низким уровнем этнической толерантности.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сделать следующие выводы:

- 1 Основой этнической толерантности является позитивная этническая идентичность.
- 2 У будущих воспитателей дошкольных учебных заведений выявлено средний уровень этнической толерантности и доминирует позитивная этническая идентичность. Доминирование этнофанатизм связано с низким уровнем этнической толерантности.
- 3 Процесс профессиональной подготовки будущих воспитателей дошкольных учебных заведений недостаточно ориентирован на формирование этнической толерантности. Необходима разработка программы развития основных компонентов этнической толерантности, что будет предметом последующих исследований.

Художественная литература как фактор формирования этнической толерантности младших школьников

Соловьева Т.А.

Толерантное сознание считается необходимым условием существования и развития современного общества. Разработка теоретических и эмпирических моделей этнической толерантности, а также поиск способов её формирования является актуальной проблемой психологии. Одним из таких способов является знакомство с литературой. Чтение художественных произведений воздействует не только на сознание, но, в первую очередь, на чувства и поступки человека, а также побуждает к переживанию, размышлению, пониманию прочитанного, вызывает эмоциональный отклик. Оно расширяет кругозор, повышает осведомлённость о культуре своего и других народов, а главное – формирует отношение к ним. Нами было проведено исследование возможностей использования художественной литературы как средства формирования этнической толерантности младших школь-

ников. Была разработана и апробирована программа по формированию этнической толерантности младших школьников с использованием художественных произведений. Программа включает в себя занятия, каждое из которых посвящено тому или иному аспекту этнической толерантности (ориентировке в различиях, в том числе национальных, выработке позитивного отношения к ним; осознанию собственной национальной принадлежности; признанию равенства и важности всех людей в мире, чувств представителя другой этнической группы; необходимости уважительного отношения к Другому и способности представить себя на его месте; интолерантности как основе конфликтов). Каждое занятие строилось вокруг чтения художественных произведений, связанных с темой занятия: «Остров в море» А. Тор, «Одного поля ягоды» П. Стальфельт, «Один и семеро» Дж. Родари, «Соловей и жук» В. Сухомлинского и «Все мыши любят сыр» Д. Урбана. Кроме того, на занятиях обсуждались пословицы («В озере каждая капля нужна», «В каков народ попадёшь, ту шапку и наденешь»). Для побуждения к переживанию и пониманию прочитанного использовались активные методы (создание «живых картин», «словесное рисование», драматизация, интроспективный анализ, речевые импровизации и др.) Также ряд заданий по анализу прочитанного отрывка учащиеся выполняли в рабочих тетрадях, специально созданных для курса.

Результаты проведённого исследования позволяют сказать, что данная программа способствует формированию этнической толерантности младших школьников. По итогам диагностики, проведённой с помощью опросника «Индекс толерантности», у учащихся повысился как общий уровень толерантности ($p=0,000$ по критерию t -Стьюдента), так и уровень этнической толерантности ($p=0,000$ по критерию t -Стьюдента). Опросник измерения общих социальных установок выявил снижение уровня предубеждённости ($p=0,03$ по критерию T -Вилкоксона), социальная дистанция по отношению к обобщённому образу человека иной этнической группы также снизилась ($p=0,01$ по критерию T -Вилкоксона). Исследование показало, что использование художественной литературы в процессе формирования этнической толерантности действительно способствует повышению её уровня.

Психологическая поддержка адаптации китайских студентов в России

Старова Т.А., Чибисова М.Ю.

С каждым годом приток студентов из Китая в Россию неуклонно растёт. При этом китайская культура имеет ряд своих особенностей, которые необходимо учитывать в обучении. Целью нашего исследования

было разработать рекомендации для преподавателей по психологической поддержке адаптации студентов из Китая в России. Для этого мы изучали трудности, с которыми сталкиваются преподаватели, работающие с китайскими студентами. А также трудности, с которыми сталкиваются сами студенты из Китая. Мы применяли метод полуструктурированного интервью. По итогам интервью удалось выявить культурные особенности китайских студентов, вызывающие трудности у педагогов: никак не выражают непонимание материала (не переспрашивают), могут кивать головами, что все понятно, а по результатам проверки оказывается, что это не так, склонны общаться внутри своей группы, трудность в инициации контактов, им сложно писать творческие работы, низкая мотивация к обучению, им сложно сказать «нет», сложность в самоорганизации, низкий уровень знаний о принимающей культуре.

На основе полученных эмпирических данных, а также изучив этнопсихологические особенности китайцев, мы разработали ряд рекомендаций, с нашей точки зрения, позволяющих повысить эффективность обучения китайских студентов в России.

- В Китае ценится точное исполнение правил, не предполагающее никакого творчества и новаторства в поведении, поэтому творческие задания (например, сочинения) следует заменить на более конкретные
- Для китайцев важна схематичность, четкость и понятность инструкции, определенность, поэтому им следует давать алгоритм действий; для написания творческих работ предлагать конкретную форму (шаблон), структуру выполнения задания, опорные вопросы
- Китайская культура – коллективистическая, для китайцев ценны групповые достижения, поэтому следует использовать групповую форму работы, задания в минигруппах
- В обучении использовать упражнения, где нужно вставить пропущенное слово, предложить несколько слов на выбор
- Для китайцев важно ориентироваться на практику, поэтому следует давать задания по пройденному материалу (по экскурсии, например)
- Перед любыми заданиями творческого плана знакомить учащихся с контекстом
- Учитель в Китае — фигура высокостатусная, учителя уважают, всё, что говорит учитель всегда верно и не подлежит сомнению, поэтому, на важные места, на то, что необходимо выучить, следует обращать внимание учащихся, они все сделают
- У китайцев сильно развито этническое самосознание, поэтому следует давать задания на материале культурного наследия Китая
- Китайцы не склонны первыми вступать в контакт с русскими, поэтому следует организовывать китайско-русские встречи
- Китайцы ценят сдержанность в проявлении чувств, поэтому преподавателю следует быть спокойным и доброжелательным при взаимодействии с учащимися

Динамика ожидаемых этностереотипов студенческой молодежи

Степанова Г.С.

(Исследование проведено при поддержке РГНФ и правительства Воронежской области, проект № 12-16-36002а/р)

Современные исследования этностереотипов сводятся, как правило, к исследованиям автостереотипов и гетеростереотипов.

Самостоятельное значение приобретает исследование ожидаемых этностереотипов, или представлений человека о том, как видят этническую общность, к которой он принадлежит, представители других национальностей. Ожидаемые этностереотипы играют важную роль в межкультурной коммуникации, так как определяют готовность к определенному характеру отношений. Кроме того, на наш взгляд, ожидаемые этностереотипы содержат вытесняемые из сознания самохарактеристики, признание которых значительно снижает самоуважение.

Предмет нашего исследования – динамика стереотипов в период социальных трансформаций в обществе (были проанализированы данные 2012г. и 1998г.). В исследовании приняли участие студенты Воронежского педагогического университета по 130 человек в каждой группе, отнесшие себя по самоопределению к русской национальности. Для исследования применялся метод свободного самоописания. Испытуемым предлагалось перечислить 5-6 характеристик, которые приписывают, по их мнению, русским иностранцы. Результаты были подвергнуты частотному анализу.

Анализ ответов студентов показал динамику содержания ожидаемых этностереотипов. В 1998 году студенты считали, что иностранцы видят русских гостеприимными (частота ответов – 1,6), дружелюбными (1,8), отзывчивыми (2,1), выносливыми и эмоциональными (2,3), безответственными и ленивыми (2,4), патриотичными (3,0), сильными (3,9), обладающими чувством юмора(4,3), а также оптимистичными и беспечными (5,0).

В 2012 году иностранцы видели русских, по мнению студентов, в первую очередь веселыми и легкомысленными (частота ответов 1,56), бескультурными и невоспитанными(1,69), затем агрессивными и неуравновешенными (1,9), склонными к алкоголизации (2,04), при этом – открытыми (3,0), гостеприимными (3,8), красивыми и храбрыми (5,0), и бесшабашными (5,5).

Усиление критичности ожидаемых стереотипов обусловлено, на наш взгляд, сложностью социокультурной ситуации в обществе. Стремительные изменения в России закономерно отразились на уровне группового самовосприятия: «Кто Мы?», «Какие Мы?», «Как нас воспринимают?». Абсолютная уверенность в своем позитивном образе ушла в прошлое. Ожидаемые этностереотипы неизбежно, на наш взгляд, должны отразиться на толерантных установках. Приписывание собственных

этнокультурных установок представителям других национальностей, определяет, на наш взгляд, стратегию межнациональных отношений, провоцирует недоверие и защитные, опережающие действия.

Перечисленные особенности ожидаемых этностереотипов ставят проблему снижения их негативности. Известно, что этностереотип является устойчивой структурой, обладает защитной функцией и мало подвержен изменениям. Алгоритм воздействия на ожидаемый этностереотип можно представить в виде нескольких этапов, реализуемых в рамках практических занятий по социальной психологии: рефлексивного, подкрепляющего и интегративного. Рефлексивный этап заключался в анализе студентами источника ожидаемых стереотипов. В нашем случае, банальный вопрос студентам: «Каковы источники Ваших ожидаемых этностереотипов?» вызвал у большинства студентов затруднение и открытие того, что это их собственные предположения. Подкрепляющим эффектом рефлексивной работы явилось знакомство с реальным представлением иностранцев о русских. Так, студенты узнали, что иностранцы (35 испытуемых, представителей различных национальностей, изучающих русский язык в вузах г. Воронежа) видят русских в значительно более позитивном ключе по сравнению с их ожиданиями. Интегративный этап заключался в анализе студентами образа России и русских в западных источниках с опорой на позитивную информацию, что позволило перейти от уровня ожидаемого стереотипного знания к уровню объективного знания.

Народные игры как средство развития высших психических функций и межкультурной коммуникации

Сулейманян А.Г.

Проблема. Социальная ситуация развития современного ребенка совершенно изменилось: исчезла дворовая жизнь, и дети уже не учатся играть в народные игры, как ранее у старших сверстников; многие замечательные игры незаслуженно забыты. Наша цель – помочь психологам образования открыть дверь каждому ребенку в замечательный и полезный мир народных игр.

Особенности и классификация народных игр. Народные детские игры, т.е. в которые играют дети в течение тысячелетий – одно из самых важных средств умственного, нравственного, физического и эстетического воспитания детей всех возрастов. Для ориентирования в богатом и разнообразном мире народных игр мы предлагаем вам воспользоваться классификацией французского ученого Р.Кайуа. Ее полезность с позиций педагогической психологии в том, что в основу классификации положены цели и потребности играющих, которыми можно управлять как на уровне малых

группы, так и целых обществ. Он разделил их на четыре основные категории: «состязание» (бег, борьба, футбол и т.п.), «случайность» («считалка», «лотерея» и т.п.), «подражание» (карнавалы, театры, ряженые и т.п.), «головокружение» (Карусель, качели, забирание на высоту и т.п.).

Практическая апробация, сферы применения и инновационный потенциал народных игр. На протяжении последних лет под нашим руководством были выполнены дипломные работы, целью которых было развитие у дошкольников и младших школьников. на основе специально подобранных народных игр: произвольного внимания, воображения, тонкой моторики, коммуникативных навыков и сплочения полиэтнических детских коллективов. Последний аспект исключительно важен, т.к. посредством народных игр дети естественно знакомятся с культурой народов России, поскольку каждая народная игра отражает самобытную «картину мира» создавшего ее народа.

Для подростков значение народных детских игр неопределимо: одна из серьезных проблем нашего времени – нравственное уродство. Правильно подобранные народные игры способствуют воспитанию высоких моральных качеств: чувства товарищества и уважения к противнику (особенно в коллективных спортивных играх), дисциплинированности, смелости (в играх, где ловкость соединена с отвагой), решительности, готовности не бояться препятствий и умения преодолевать их.

Еще одно важное психолого-педагогическое значение народных игр – противодействие неблагоприятных тенденций последнего времени в подростковой и юношеской средах: бегство в виртуальную реальность и связанные с этим «одиночество в сетевой толпе» и рост девиантного поведения. Народная игра, в отличие от компьютерных и виртуальных, имеет активный, *творческий* характер: «В каждой хорошей игре есть прежде всего рабочее усилие и усилие мысли», как говорил выдающийся детский психолог А.С.Макаренко. В целом, народная игра готовит юношей и девушек к решению жизненных задач.

В перспективе предполагается создание каталога лучших народных игр для всех возрастов для внедрения их в психолого-педагогическую практику от детских садов до вузов.

Влияние этнической идентичности на этническую толерантность

Тагирова Р.А.

Одним из главных структурных элементов толерантного сознания и фактором, управляющим стратегией преодоления конфликтных или проблемных ситуаций в чеченском обществе, является **этническая**

идентичность чеченцев, социально-этническое окружение, в котором чеченцы воспитывались и живут.

Этническая идентичность чеченцев определяется их национальной принадлежностью, приверженностью к своим традициям и обычаям и неукоснительным следованием им. Этническая идентичность чеченцев сочетается с позитивным восприятием других групп, уважительным к ним отношением, но с активной установкой на поддержание своей культуры, и на разделение по этническому и религиозному признакам. Стратегия «сохранение своей культуры и уважительное отношение к другой» формирует возможные способы действия людей в отношении этнических, языковых, культурных, религиозных различий, отражает желание мирного сосуществования и достижения полюса полного уважения и почтения.

Этническая толерантность – интолерантность чеченцев определяется как национально-психологическими факторами, так и социально- нравственными чертами личности. Такие личностные характеристики как ответственность, долг, обязанность, совесть лежат в основе нравственного поведения личности и способствуют взвешенному и осознанному межличностному отношению, сохранению этнической идентичности, способствуют обретению личностного смысла индивидами, межличностной толерантности, сохранению и выживанию этнической культуры, ибо основа такого выживания – терпимость. В основе этнической толерантности лежит позитивная этническая идентичность. Этническая толерантность вырастает из толерантности внутри своей этнической группы и поэтому является устойчивым образованием в сознании и поведении человека. Формирование толерантного отношения к «чужому» невозможно без существования традиций уважительных отношений между «своими»: младшими и старшими, мужчиной и женщиной, родственниками и соседями, тайпами и фамилиями, без особых способов установления дружеских отношений, предотвращения конфликтов или примирения противников. Отношение к «своим» проявляется на разных уровнях: на уровне семьи, родни, соседей, тайпа, фамилии, села, народа. Особенно близкими являются родственные связи, вне родственных отношений жизнь, по мнению чеченцев невозможна. Соседские отношения зачастую приравниваются к родственным, мнение соседей стараются учитывать всегда, конфликты и ссоры с ними осуждаются, считается, что сосед ближе родственника, потому, что он первым приходит на помощь и в радости и в горе. Религиозная мораль требует не причинять никаких неудобств соседу, относиться к нему честно и справедливо, если он живет в стесненных условиях, то сосед должен, в первую очередь, ему оказать материальную помощь, и только потом другим нуждающимся. Сосед считается настолько близким человеком, что браки с ними почти не заключают. О важности и необходи-

мости дружеских, родственных отношений с соседями свидетельствует следующая поговорка: «прежде чем купить дом, выбери себе соседа».

Принцип доброжелательного, миролюбивого отношения к окружающим признавался необходимым на всех уровнях: от семьи до общины. Семью без согласия, взаимных уступок не может существовать, во всяком случае, существовать благополучно. В чеченской сказке «Возвращение благодати» говорится о том, что благодать, рассердившись на хозяина, покинула его дом. Когда хозяин пошел искать ее и нашел в горной пещере, благодать сказала: «за то, что ты потрудились и пришел ко мне, я дам тебе что-нибудь одно: хочешь – проси золото или большое хозяйство, хочешь – проси здоровья или что-нибудь другое, но не проси меня вернуться к тебе». По совету жены он попросил у благодати для своей семьи согласия, и благодать сказала: «перехитрили вы меня. Даю вам согласия. А там где согласие, должна быть и я. Поэтому мы возвращаемся к вам. Благодать не бывает, там, где нет согласия».

Примером истинной толерантности, уважительного отношения к чужим традициям является отношение к иноверцам. Согласно нормам «нохчалла»- своеобразного кодекса чести чеченцев – требовалось проявлять уважение к любому человеку, причем уважения тем больше, чем более далек этот человек по родству, вере или происхождению. В народе говорят: обида, которую ты нанес мусульманину, может быть прощена в Судный день. Не прощается обида, причиненная человеку иной веры, ибо такой встречи не будет никогда». Таким образом, к человеку иной веры, и национальности относились с особым уважением и осторожностью, оказывая ему различные знаки внимания и доверия.

Этническая толерантность, являясь основой этнической идентичности, дает возможность пользоваться веками складывающимися ориентирами и образцами поведения, позволяет, таким образом, чувствовать себя более комфортно в меняющемся мире через укорененность в этнической культуре. Этническая толерантность выступает в качестве групповой стратегии поддержания позитивной идентичности, когда актуальная этнокультурная ситуация воспринимается как неблагоприятная. Этнокультурная интолерантность выступает в качестве механизма психологической защиты, в одном случае – защиты позитивного образа самого себя, а в другом – своей группы.

Этнопедагогика славян и татар как отражение древней синкретичности

Терентьев А.А., Терентьева О.Г.

Особое место в древности занимали ритуалы, культовые действия и праздники, формирующие целые обрядовые комплексы. Бесспорно, для

каждой этнокультуры формировались свои обряды и обычаи, но их стереотипы претендуют на всеобщность. В многочисленных работах ученых-философов (Д.М. Угриновича, И.В. Суханова, И.И. Фурсина, Н.М. Заковича и др.), историков и этнографов (А.И. Мазаева, Ю.В. Бромляя, М.М. Громыко, К.В. Чистова, НА Миненко и др.) показано, что следование системе определенных норм, обычаев, обрядов и праздников в социально-культурной и духовной жизни человека – явление универсальное и постоянное, присущее всем народам и во все времена. Рассмотрены некоторые обряды славян и татар, посвященные силам природы, выделены элементы синкретичности. Каждый этап празднества от подготовки к собственно событию был наполнен особым воспитательным содержанием. Дети наблюдали состояние радости взрослых и обучались позитивному отношению к действительности. В такие периоды царил дух единения с природой, окружающими людьми, и ребенок учился терпимости, воспринимал азы общежития. Нельзя сказать, что древняя культура была менторской, отнюдь, воспитывающие механизмы были скрыты в обрядовых действиях, в поэтике народных песен, музыке, играх, и нужно было обладать развитым мышлением, чтобы понимать существующий порядок жизни. Особые воздействующие воспитательные существуют и в песенном фольклоре. Помимо дуалистичного противостояния «свой–чужой», закладывались также основы таких понятий, как взаимовыручка, дружба, общий интерес, честь, мужество. Методы синкретичной культуры особенно ценны сегодня в многонациональных школьных коллективах, в которых невозможно проводить какую-либо одну этническую идеологию.

Опыт полевого изучения этнической идентичности педагогов хакасов

Ткаченко Н.В.

В июле 2013 года, в ходе экспедиции в республику Хакасия нами было проведено исследование, посвященное изучению этнической идентичности педагогов-хакасов.

Актуальность настоящего исследования продиктована рядом причин. С одной стороны, недостаточно исследована проблема этнической идентичности хакасов с точки зрения этнопсихологических подходов и методов исследования (исследования последних лет, посвященные исследованию этнического самосознания хакасов проводятся с точки зрения социологических, философских и исторических наук (Анжиганова Л.В., Бурнаков В.А., Буганаев В.Я. и др.)). С другой стороны, изучение этнической идентичности малочисленных народов необходимо для разработки и реализации образовательных и социальных практик направленных на сохранение и развитие этнических культур малочисленных народов.

Проблемные области настоящего исследования характеризуются рядом противоречий. С одной стороны, жители республики Хакасия имеют высокую потребность в обретении собственной уникальной идентичности, с другой стороны, существует потребность интеграции в общество большинства – в данном случае, русскоязычного населения республики. Необходимо отметить противоречие и более глубинного уровня, связанного с историей взаимоотношений хакасов и русских в советское время. С одной стороны, накопленная обида, которая выливается в негативные стереотипы и установки по отношению к русскому населению со стороны хакасов. А, с другой стороны, существует высокая потребность в поиске оснований для совместного диалога хакасов и русских друг с другом. Отмеченные противоречия позволили нам сформулировать цель нашего полевого исследования – изучить этническую идентичность педагогов-хакасов на примере жителей Усть-Чульского сельсовета Аскизского района республики Хакасия в аалах: Усть-Чуль, Политово, Иллимово, Нижняя Тея, Отты, Верхняя Тея. Данная местность была выбрана в связи с моноэтничностью селений. Всего в исследовании приняло участие 77 человек.

Этническая идентичность рассматривалась нами с опорой на представление об идентичности как двухкомпонентной структуре, включающей в себя аффективный и когнитивный компоненты. *Общая направленность этнической идентичности* исследовалась с помощью методики Дж. Финни, измеряющей выраженность этнической идентичности.

Аффективный компонент этнической идентичности исследовался нами с помощью методики «Приписывание качеств», выявляющей эмоционально-оценочный компонент этнической идентичности. Методика «Приписывание качеств» реализовывалась нами с опорой на идеи исследования У. Стефана, Т.Г. Стефаненко и др.. Дополнили данные опросника также анализ бытующих в повседневной коммуникации авто- и гетеро-характеристики педагогов хакасов.

Когнитивный компонент этнической идентичности измерялся нами с помощью портретного ценностного опросника – пересмотренного (Portrait Values Questionnaire – Revised PVQ-R) Ш.Шварц, Т.П.Бутенко, Д.С.Седова, А.С.Липатова. Данный опросник является результатом уточненной теории базовых индивидуальных ценностей. Основанием для применения данной методики в контексте изучения когнитивного компонента этнической идентичности хакасов, выступило предположение, что индивидуальные ценностные предпочтения могут, с одной стороны, отражать внутренние установки личности, но, с другой стороны, касаться личности в контексте именно социокультурного пространства, и отражать глубинные когнитивные слои узко-культурной, этнической идентичности.

Результатом настоящего полевого исследования выступили как описание этнической идентичности хакасов (включающий когнитивный, аффективный и ценностно-смысловой аспекты), так и намечены пути дальнейшего исследования.

Культурное измерение «Избегание неопределенности» Г.Хофстеде как способ работы с педагогами в меняющихся условиях образовательного процесса

Третьякова А.И.

Практика работы в образовательном учреждении показывает, что в последние годы происходят значительные изменения образовательного процесса, влияющие, как на условия работы, так и на восприятие и эмоциональное состояние педагогов. К ним мы относим введение ФГТ и соответствующие изменения в документации и образовательных программах, переход на новую систему оплаты труда, процесс присоединения, вхождения в новый образовательный комплекс. В ходе наблюдения, взаимодействия с педагогами и консультаций нами была замечена новая тенденция: наравне с проблемами эмоционального реагирования, усталости и раздражения появляются запросы о страхе перед изменениями, тревожные ожидания: «Все время, думаю, что опять они для нас придумают», «Вдруг уволят», «Что все придумывают, оставили бы все как есть», проявляются ситуации неприятия и раздражения новыми формами ведения документации и системой мониторинга.

В предыдущие годы нами было проведено исследование уровня эмоционального выгорания и устойчивости к стрессу у педагогов и разработана психопрофилактическая программа тренинга и семинаров. Однако в связи с получением новых запросов от педагогов мы хотим рассмотреть данную профилактическую работу под другим ракурсом и для этого выбрали культурное измерение «Избегание неопределенности», как параметр, подходящий под все новые запросы. Под избеганием неопределенности мы понимаем субъективную проницаемость границ для изменений, неопределенных и многозначных ситуаций. В исследованиях Г.Хофстеде отмечалось, что Россия является культурой с достаточно высоким уровнем избегания неопределенности. Нам кажется особенно важным, что в ситуации, которую педагоги воспринимают как стрессовую, критерии данного параметра особенно значимы, уровень избегания неопределенности растет и влияет на восприятие педагогами рабочих задач и принятие решений. Исходя из этого, нами была разработана программа тренинга на основе культурного измерения «Избегание неопределенности». Целью данного тренинга является работа с сильным эмоциональным сопротивлением переменам. Задачи: осознание причин тревожности и работа по оптимизацию эмоционального состояния, принятие изменений и поиск ресурсов в создавшейся ситуации, развитие навыков «мышления в широких категориях и положительного отношения к многообразию»(1,353). С помощью разнообразных упражнений, информирования и дискуссий мы пытаемся уйти от категорич-

ных оценок ситуации, понять, что любое событие или явление может нести в себе не только ограничения, но и ресурсы.

Литература:

1. Триандис Гарри С. Культура и социальное поведение: учебное пособие/ Пер. В.А.Соснин. – М.: ФОРУМ, 2007 – 384с.

Рефлексивная позиция личности в поиске культурного самоопределения

Троянская А.И.

В современном мире в условиях жизни в мегаполисе связь с этнокультурной традицией зачастую оказывается разорванной и в стремлении к гармонизации своего самосознания от личности требуется особая рефлексивная работа по восстановлению связи с этнической культурой.

Анализируя теоретические основания изучения рефлексии личности как способа построения метаиндивидуального этнического мира (1; 1088, 2; 1088, 3; 240, 4; 168 – 179), конкретизируется понимание рефлексии личности как процесса осознания, анализа и переосмысления личностью своей жизни – внешней и внутренней, мира – объективного и субъективного, дающего возможность создавать в отношении к нему собственную позицию.

Во взаимодействии с этнокультурным миром личность в двух своих ипостасях или качественных определенностях может представлять: 1 – как система (подсистема), входящая в систему более высокого порядка – метасистему мира; 2 – и как более широкая метасистема, включающая в себя мир, способная видоизменять и произвольно упорядочивать его (3; 240).

Специфическое свойство субъекта – удвоение качественной определенности своего мира – это сущность субъективности (и субъектности). Она раскрывается в возможности создавать и занимать определенную позицию по отношению к этнокультурному миру.

Перспективным видится переосмысление идеи о двух рождениях личности (2; 475 – 481) как идеи о двух рождениях этнокультурной личности, осознанно созидающей себя. Рефлексивная позиция, дающая возможность встать в отношении к себе и своему миру становится необходимым условием и средством определения своего места в этнической культуре. Предполагается не только физическое, но и духовное рождение человека, связанное с развитием самосознания, происходящим в условиях ответственного выбора своего жизненного пути. Самоопределение в культуре предстает в виде «второго рождения» этнокультурной личности, когда человек уже не только принимает свой этнос «по пра-

ву (и неизбежности) рождения» в нем, но осознанно идентифицирует себя с ним. Самоопределение в культуре сопровождается формированием ценностного действенного отношения к значимым сторонам этнокультурного мира и предполагает взаимосогласование значимых социальных миров во внутреннем мире человека, предполагается, что оно также способствует выработке компетентности управления проявлениями социальной идентичности.

Литература:

1. Карпов А.В. Психология сознания: Метасистемный подход. – М.: РАО, 2011.
2. Мухина В.С. Личность. Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Прометей, 2010.
3. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. – СПб.: Алетейя, 2000.
4. Хухлаев О.Е., Чибисова М.Ю. Теоретические и практические вопросы межкультурной коммуникации: современные тенденции // Психологическая наука и образование. Электронный журнал. – 2010, №5.

Психолого-педагогическое сопровождение иноязычных первоклассников, испытывающих трудности в освоении русского языка в школе с русским (родным) языком

Фомина Н.О.

В последние годы, в связи с изменением экономического положения в стране, в Развилковскую школу в первый класс стали поступать учащиеся, для которых русский язык не является родным. Многие из этих детей сравнительно недавно приехали в Россию и поэтому с трудом понимают русскую речь. Количество таких учеников по отношению к общему числу поступающих в первый класс учащихся не уменьшается и составляет от 20 до 35 %.

Как показывает практика, испытывая языковые трудности, иноязычные первоклассники с трудом осваивают учебный материал.

Кроме языкового барьера, так как эти дети не посещали дошкольные учебные заведения, они плохо подготовлены к школе, у них не сформированы элементарные умения и навыки, плохо развита моторика.

Учащиеся, сталкиваясь с учебными трудностями, становятся неуверенными в своих силах, у них заниженная самооценка, низкая познавательная мотивация, что приводит к ухудшению учебной успеваемости в целом.

Цели и задача проекта:

- 1) развить у иноязычных детей умение слушать, понимать и говорить, а в дальнейшем свободно пользоваться русским языком в различных ситуациях общения;

- 2) помочь в освоении русского языка как важнейшего средства обучения и познания окружающего мира;
- 3) сформировать общеучебные умения и навыки, необходимые для работы с текстом на русском языке;
- 4) обеспечить взаимосвязь новой системы обучения русского языка с развитием коммуникативных речевых умений и творческих способностей учащихся;
- 5) развить образное и логическое мышление учащихся, привить навыки речевой культуры общения через знакомство на начальном этапе с русской народной сказкой, которая способствует пополнению словарного запаса иноязычных первоклассников бытовой лексикой русского народа, познакомить с образами, встречающимися в русских народных сказках, а со второго полугодия сказки народов мира.
- 6) облегчить освоение фонетики: научить правильно произносить звуки, слушать звучащее слово, соотносить произношение и написание русских слов.
- 7) увеличить словарный запас русского языка, через объяснение лексического значения встречающихся в ходе занятий новых слов. Формировать понятие того, как и почему образуются новые слова, как они изменяются, сочетаются с другими словами, в чем их грамматический и коммуникативный смысл.

Модернизационный вызов российскому здравоохранению со стороны Концепции национальной безопасности в отношении трудовых мигрантов из Средней Азии

Хабибулина В.М.

Общемировой опыт реорганизации здравоохранения доказывает, что пока не будут сформированы условия для формирования новых отношений в профессиональном медицинском сообществе, все усилия могут оказаться неэффективными. Для предлагаемой в законодательстве РФ новой модели «врач-пациент» («информированного согласия» вместо патерналистской) необходим социально-психологический анализ миграционной концепции РФ, ее правоприменения и отражения в практиках повседневности лечебных учреждений.

Противоречивая Миграционная концепция РФ в отношении инфекционных заболеваний представляет в качестве опасного актора «трудовую миграцию из Средней Азии». Социологический анализ нормативных документов МЗ РФ выявляет воспроизводство известного этнофобского дискурса в массмедиа в отношении определенных этнических групп.

В данном эмпирическом исследовании с помощью психологического анализа данных наблюдения, бесед и интервью с врачами будет предпринята

попытка реконструкции складывающейся модели врач-пациент в ситуации медицинского освидетельствования для получения разрешения на работу.

Во взаимоотношении «врач-пациент» конфликт между государственно-центрическим и человеко-центрическим дискурсами и стратегиями в случае проведения медицинского тестирования трудового мигранта из Средней Азии приводит к развитию радикальной стратегии социального (медицинского) контроля (порядка). Классические модели Т. Parsons и Е. Freidson, (ответственности и эмоциональной вовлеченности) трансформируются в новую модель, где врач скорее медицинский полицейский, чем врачеватель. И становятся риторическими вопрошания о таких базовых понятиях социально-психологического взаимодействия между врачом и пациентом, как доверие, освобождение больных от социального наказания и поддержка врача в его усилиях. Однако, не все врачи принимают навязанную им подобную социальную роль и единицы, находясь под стрессом внутриличностного конфликта, проявляют гуманистические интенции и бескорыстно помогают мигрантам избежать депортации (вследствие обнаружения ВИЧ-инфекции). Другие могут свое личное неприятие существующего общественного порядка трансформировать в практики предоставления «липовых» медицинских справок в обмен на вознаграждение. Отдаленная опасность такого дискриминационного разделения пациентов по этнически-гражданскому признаку может произойти в результате переноса антигуманистических практик коммуникации на других пациентов, являющихся «нормальными» гражданами РФ.

Таким образом, для трансформации существующей Миграционной Концепции РФ и практик взаимодействия врачей с пациентами – трудовыми мигрантами из Средней Азии необходимо вмешательство и этнопсихологов с психотехнологиями, релевантными к конкретной проблеме-ситуации. Результирующая цель едина для всей страны – модернизация системы здравоохранения в соответствии с концепцией государства всеобщего благосостояния.

Специфика взаимосвязи уровня сложности социальной идентичности и отношения к неопределенности среди студенческой молодежи России и Италии

Хайм М.А.

Проблема сложности социальной идентичности развивалась в психологической науке постепенно. В течение достаточно длительного периода исследования в рамках данной тематики были построены по евроамериканской модели, то есть принимали в расчет особенности белого американца — типичного представителя западной культуры (8). Со вре-

менем необходимость кросс-культурного изучения любой, в том числе и социально-психологической проблематики стала очевидна, и вопросы социальной идентичности получили более широкое распространение (1; 3; 4; 5). В 2002 году С.Роккас и М.Брюер не только обозначили проблематику, но и выдвинули концепцию сложности социальной идентичности, затрагивающую ее множественную структуру (10).

Изучение вопроса отношения к множественности своей социальной идентичности кажется нам очевидно необходимым в кросс-культурном контексте, что и стало целью нашего исследования. Мы выбрали отношение к неопределенности (согласующееся со шкалой избегания неопределенности по Г.Хофстеде и со шкалой консерватизма-автономии по Ш.Шварцу) (6; 9) в качестве изучаемого фактора во взаимосвязи со сложностью социальной идентичности, поскольку он отвечает за отношение к внешним ситуациям неопределенности, а противоречие ценностей вызывает неопределенность внутреннюю. В качестве гипотезы исследования мы предположили наличие взаимосвязи между этими двумя параметрами, причем саму взаимосвязь мы посчитали культурно универсальной, однако для конкретной выборки мы также предположили наличие специфики в этой взаимосвязи.

Исследование проводилось на двух выборках студенческой молодежи (19–22 лет) – российской и итальянской. Для реализации поставленной цели – выявления взаимосвязи и ее специфики внутри каждой выборки – нами был составлен опросник, включающий два блока методик. Первый блок был посвящен отношению к неопределенности (2; 7), второй – отношению к множественной социальной идентичности.

В результате анализа результатов гипотеза нашего исследования подтвердилась. Во-первых, мы выявили, что в изучаемых культурах существует взаимосвязь между отношением к неопределенности и уровнем сложности социальной идентичности. Во-вторых, эта взаимосвязь является культурно специфичной и возникает вследствие разных причин (в нашем исследовании с когнитивной стороны – в российской культуре и с эмоциональной – в итальянской, причем в данном случае и те, и другие причины являлись осознанными).

Данное исследование имеет важное значение для современной социальной и кросс-культурной психологии. С помощью разработанного инструментария мы сможем вплотную подойти к изучению вопроса социальной идентичности, который является очевидным для бытовой психологии, но крайне сложен для существующих измерений научной, поскольку социальная идентичность требует одновременного осознания и ситуативной актуализации, что крайне сложно уловить в рамках привычных условий исследования. Полученные эмпирические данные позволяют нам предполагать, что с помощью выявленной взаимосвязи можно работать с повышением сложности социальной идентичности

на практике, используя особенности культуры и личное отношение к неопределенности (например, отрабатывая данную тему в тренинговом формате). Усложнение социальной идентичности может повысить адаптивность к современным постоянно меняющимся условиям и увеличивать скорости жизни в большом городе, а также способствовать расширению образа себя и окружающего мира.

Литература

1. Самсонова М.С. Межэтнические отношения и сложность социальной идентичности // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011». Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова [Электронный ресурс]. М.; 2011.
2. Солдатова Г.У. и др. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности // М.; 2003.
3. Федорова Е.В. Взаимосвязь идентичности и когнитивной сложности личности // Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.05 : Ярославль, 2004
4. Хайт М.А. Сложность социальной идентичности: особенности взаимосвязи с эго-идентичностью // Психологические исследования: Вып. 6 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.; 2012. 187 с. С. 161–172
5. Хухлаев О.Е., Хайт М.А. Сложность социальной идентичности: концепция С.Роккаса и М.Брюера // Социальная психология и общество. 2012. №3. С. 16–26
6. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. №2. С. 37–67.
7. Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // Journal of personality. 1962.
8. Ferguson A. Intersections of Identity: Navigating the Complexities // Journal of Personality and Social Psychology, 1990, pp.1–15
9. Hofstede G.H., Hofstede G. Culture's consequences. – SAGE Publications, Incorporated, 2001.
10. Roccas S., Brewer M.B. Social Identity Complexity // Personality & Social Psychology Review. 2002. Vol. 6. № 2. pp. 88–106.

Исследование старшеклассниками «Финно-угорских параллелей» как технология поликультурного образования

Хакимов Э.Р.

Решение проблем перевода теоретических моделей к практическим решениям в области миграции требует разработки социальных и педагогических технологий.

Одна из таких технологий может быть реализована в рамках проекта организации исследовательской деятельности старшеклассников раз-

ных стран – «Финно-угорские параллели». Суть проекта заключается в том, чтобы организовать взаимодействие детей из Удмуртии, Коми, Мордовии, Марий-Эл, Карелии, Финляндии и других финно-угорских территорий по поиску, фиксации и широкой презентации артефактов материальной и духовной культуры, демонстрирующих генетическое родство этих народов: в деревенской архитектуре, ткачестве, резьбе по дереву, кухне, музыке, менталитете и др. Нахождение старшеклассниками общего и особенного в нескольких культурах становится методом (само-) формирования мировоззрения, в котором культурное многообразие становится естественной нормой и непреходящей ценностью, при этом укрепляется позитивная оценка разных этнических культур и самооценка этнической идентичности.

На первом, пилотном этапе проект призван решить две взаимосвязанные проблемы: с одной стороны, в городах Удмуртии (Ижевск, Глазов, Воткинск, Сарапул) выявлены факты интолерантного отношения городских школьников-подростков к ровесникам-мигрантам из удмуртских деревень, с другой – у большого числа деревенских школьников-удмуртов проявляется «чувство национальной неполноценности». Задача первого этапа: 1) повысить межэтническую толерантность сельских и городских школьников в Удмуртии; 2) повысить этническое самосознание учащихся-удмуртов через формирование новой идентичности: «Мы – финно-угры».

В ходе реализации первого этапа проекта мы организуем конкурс «Финно-угорские параллели (Открытия похожего и совпадающего в традиционной культуре финно-угорских народов)» для групп учащихся из 7-11 классов из Удмуртии. Получив консультации ученых, эти учащиеся отправятся в удмуртские деревни, в музеи и музейные комнаты в школах, на страницы виртуальных музеев Финляндии и т.д. чтобы найти и сфотографировать похожее и совпадающее в традиционной архитектурной и декоративно-прикладной культуре и ремеслах удмуртов с культурами финнов и других финно-угорских народов. Победители конкурса получают возможность поехать в Финляндию для того, чтобы найти и сфотографировать в музеях под открытым небом предметы, «имеющие финно-угорские параллели».

По итогам конкурса будут изданы плакаты на тему «Финно-угорское родство» с рисунками и фотографиями старинных предметов, доказывающих родство удмуртов с финнами и другими народами, зафиксированных старшеклассниками. Плакаты с указанием авторства каждой находки будут размещены в каждой школе Удмуртской Республики и других публичных местах.

На втором, основном этапе проекта – старшеклассники из разных регионов России будут взаимодействовать друг с другом в поиске финно-угорских параллелей, чтобы выезжать в Финляндию для презентаций своих находок перед зарубежными ровесниками. Этот этап приведет к развитию у участников межкультурной коммуникативной компетентности.

В завершении проекта мы обобщим методические находки в педагогическую технологию – «Финно-угорские параллели». Согласно нашему пониманию, образование, которое опирается на две и более культурные традиции в их динамическом сопряжении и обеспечивает формирование у учащихся образов культуры и самих себя как результатов творческого межкультурного взаимообогащения – это поликультурное образование (2009). Таким образом поэтапная организация исследований старшеклассниками «Финно-угорских параллелей» может стать технологией поликультурного образования.

Особенности виктимизации подростков в условиях дефицитарности инкультурации

Хотинец В.Ю.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12-16-18001а).

Большинство зарубежных исследований по проблеме виктимизации ориентировано на изучение превращения в жертву преступного посягательства учащихся в системе школьного образования (Boulton, Smith, 1994; Olweus, 1978; Salmivalli, Lagerspetz, Bjorkqvist, Osterman, Kaukiainen, 1996; Veenstra et al., 2005), детей в детских дошкольных учреждениях (Alsaker, Nagele, 2008). Отечественная наука проблемы виктимизации в образовательном пространстве рассматривает в границах теоретических позиций (Руденский, 2002): “дефект социализации личности” (Е.В.Руденский, Г.Г.Шиханцев), “личность как жертва социализации” (А.В.Мудрик), “неблагоприятные результаты социализации – деперсонализация, дереализация, дезинтеграция, деиндивидуализация” (Е.Ю.Боброва), “деформация личности” (А.А. Бодалев, М.Ю.Кондратьев, А.А.Маркова, Е.И.Рогов), “технологический дефект социализации” (Е.Ю. Боброва), “дефект воспитания личности” (А.Б.Орлов) – все эти феномены отражают своего рода “издержки” (В.И.Загвязинский) современного российского образования. Так, с позиций Е.В. Руденского (2011) “дефициты субъектно-личностных и профессионально-личностных качеств учителя в совокупности с дефицитами социально-психологических потенциалов личности учащегося создают предпосылки для развития личности учащегося как жертвы дефекта социализации в образовательном процессе”.

Однако на сегодняшний день рассматриваемые процессы не включены в проблемное поле этнической и кросскультурной психологии (Хотинец, 2012). А вот по данным опросов учителей г.Ижевска Удмуртской Республики обнаружены некоторые факты повторяющегося физического или психологического насилия детей коренного народа, кавказских

диаспор со стороны одноклассников, принадлежащих к доминирующей этногруппе. По результатам эмпирических исследований выявлено, что подростки с “виктимогенной уязвимостью” отличаются дефицитарностью процессов индивидуализации, социализации, инкультурации. Особое внимание в исследовании было уделено проблемам инкультурации школьников удмуртской национальности из группы виктимов. Обнаружены рассогласования содержания стадий этнофункционального развития личности детей (Сухарев, 2008). В частности, подростки, близкие родственники которых проходили социализацию в этнокультурной среде сельской местности, не знакомы со сказочно-мифологическим миром удмуртского народа, к тому же предпочитают современные мультфильмы с роботами и трансформерами. В этой же группе детей оказались те, которые перегружены компьютерными играми с младшего школьного возраста, и тем самым миновали сказочно-мифологическую стадию развития. Согласно А.В.Сухареву, нарушение этнофункционального развития личности может обуславливать возникновение психической, психосоматической и социально-нравственной дезадаптированности личности. Можно допустить, что дефицитарность процесса инкультурации (приобщения к ценностям культурного мира) превращает социализирующуюся личность в виктимную с дефицитом культурного ресурса, необходимого для осуществления жизнедеятельности.

Реалии и перспективы кросс-культурных исследований мигрантов в Западной Сибири

Чухрова М.Г.

Исторический путь развития России характеризуется сложным комплексом взаимоотношений между большим количеством различных этносов. Этот путь противоречив и неоднозначен, в нем причудливо переплетаются прогресс и регресс, поддержка и подавление отдельных народов, наивная идеализация исторически сложившихся норм и безжалостная ломка культурных стереотипов. В итоге Россия объединила в своем составе огромное количество народов и наций. Многие из них с трудом восприняли современный стиль жизни и давление «большого брата». Многие народы находятся на грани выживания, обвиняя русских в создании жизненных условий, приводящих к полному или частичному физическому уничтожению их групп. Другие народы прекрасно адаптировались к совместной жизнедеятельности с русскими, сохранив при этом не только религиозные воззрения, привычки и ритуалы, но и умело используют русских для своего благополучия и процветания. Взаимодействие, взаимовлияние и взаимопроникновение различ-

ных культур и цивилизаций не может не накладывать отпечаток на психическое состояние представителей отдельных наций, не может не отражаться на конфликтах отдельной личности с социальными институтами, провоцируя личностные, патохарактерологические, болезненные девиации. В настоящее время в современном обществе наблюдается интенсификация миграционных процессов. Нами в содружестве с НИИ терапии и профилактики СО РАМН получено большое количество научных данных, свидетельствующих об особенностях психического статуса, физиологических функций и соматической патологии у пришлого населения – трудовых мигрантов, которые сталкиваются не только с необходимостью физиологических адаптаций, но и с социально-психологическими проблемами, возникающими при межэтнических взаимодействиях. У трудовых мигрантов наблюдается, с одной стороны, устойчивая потребность в этническом наполнении личностных смыслов, в другой – определенная дезэтнизация, как в реальном поведении, так и в самосознании. Некоторые этнокультуральные и психологические особенности мигрантов, связанные, преимущественно, с религиозными предпочтениями, могут иметь значение факторов риска нарушения социально-психологической адаптации и психической патологии в современных условиях. Соматическая патология мигрантов также имеет определенные отличия, и зачастую связана с недостаточно комфортными социально-бытовыми условиями и режимами труда и отдыха. Девиантное и делинквентное поведение, алкогольные и наркотические проблемы среди мигрантов также имеют существенные отличия, и представляют несомненный научно-практический интерес.

Алкогольные традиции алтайцев и бурят

Чухрова М.Г., Дмитриенко А.Н.

Несмотря на устоявшееся мнение, что контакты со славянами способствовали алкоголизации коренных народов Сибири и Севера, ритуальное и бытовое потребление алкоголя было присуще коренным народам задолго до контакта с русскими, и этот факт богато отражен в фольклоре. Целью исследования был анализ алкогольной тематики и представленности проблем, связанных с потреблением алкоголя, в народном эпосе некоторых коренных народов Сибири. Мы рассмотрели алтайский и бурятский эпос. Прежде всего следует отметить, что у алтайцев и бурят было несколько видов алкогольных напитков различной крепости: от чегеня (алт.) и курунги/хурунгэ (бур.) – по особому заквашенного коровьего молока – до араки/арадьяна (алт.) и архи/тарасун (бур.) – молочной водки, перегнанной из чегеня или курунги – и коро-

дьона (алт.) и хорзо (бур.) – многократно для крепости перегнанной водки, аналога русского самогона крепостью до 70 градусов.

Анализ бурятского и алтайского героического эпоса показал, что алкогольные напитки в жизнедеятельности персонажей играли далеко не последнюю роль, зачастую определяя дальнейшее развитие событий. Действующие лица сказаний прекрасно знают, как алкоголь может действовать на них, их друзей и врагов, и зачастую пользуются эффектами алкоголя с корыстными целями. Один из часто встречаемых в эпосе эпизодов – это потеря персонажем контроля за своими действиями и собственной жизнью, невозможность предвидеть последствия своих поступков в результате опьянения. Хорошо представлена субмиссивная мотивация выпивки, которая является ведущей в мотивационных профилях южносибирских коренных народов сегодня (нельзя отказаться, если угощают!). Описано, как систематическое потребление алкоголя приводило богатыря не только к потере статуса, но и, в итоге, жизни. Сведения, почерпнутые из народного эпоса, позволяют с уверенностью сказать, что традиции коренных народов Сибири, в частности, алтайцев и бурят, в отношении алкоголя достаточно древние, стойкие, и существовали задолго до прихода славянских переселенцев.

Адаптивные процессы у мигрантов-билингвов

Чухрова М.Г., Зайцева М.В.

Сибирь по степени активности международной трудовой миграции находится на ведущих позициях по стране в целом. Любая миграция является многостадийным процессом, ведущую роль в котором играют процессы аккультурации и адаптации. Аккультурация в иноязычной среде затрагивает процессы внешней и внутренней самоидентификации личности, и базовым элементом этого процесса является язык. При изучении второго языка человек сталкивается с трудностями, которые вызывают напряжение адаптивных процессов психики в связи с необходимостью изменения культурной картины мира. Билингвы сталкиваются с проблемой языковой интерференции, что также накладывает отпечаток на мышление и психическую адаптацию личности. Интерференция родной культуры осложняет коммуникацию ничуть не меньше родного языка. Проблемы изучения иностранного языка тесно связаны с формированием языковой картины мира в сознании человека. В данном исследовании затрагиваются проблемы человека, связанные с овладением иностранным языком и формированием языковой картины мира в сознании при изучении иностранного языка. Обследована азербайджанская этническая группа билингвов, обучающихся русско-

му языку, с помощью социологического опроса и биографического метода. Применялись также психологические методы, позволяющие выявить процессы психической адаптации. Рассматриваются психологические особенности билингвов, стратегии их эмоционального реагирования и фрустрационной толерантности. Описано, как под влиянием второй картины мира вследствие овладения русским языком происходит некоторое переформирование личности. Выявлены и физиологические перестройки билингвов, возникающие вследствие изменения распределения напряжения на мышцы лица, шеи, гортани, голосовых связок, новой артикуляции и темпоритмизации речи. Наблюдения показывают, что при изучении иностранного языка обучающийся проходит три фазы, в полном соответствии со стадиями общего адаптационного синдрома по Г. Селье. Языковые картины мира родного и изучаемого языков достаточно легко смешиваются в сознании человека, что позволяет ему мыслить в двух направлениях. Это состояние аналогично состоянию незавершенной адаптации, когда существует одновременное приспособление к двум и более вариантам вербального общения. По полученным данным, изучение иностранного языка сопровождается не только изменением языковой картины мира, но и психофизиологическими перестройками, а именно: перераспределением функциональной активности определенных зон головного мозга.

Принципы корейской народной медицины

Чухрова М.Г., Ким Хен Су

Принципы корейской народной медицины выдержали многовековую конкуренцию и доказали свою эффективность. Одним из принципов народной медицины, на котором мы хотим остановиться, это принцип здоровьесбережения, который включает различные методы. Эти методы в своей основе имеют различные способы воздействия на организм, но их объединяет одно общее – они стимулируют процессы саморегуляции. Человек рассматривается как открытая саморегулирующая система с полярным противовесом процессов напряжения и расслабления, которые находятся в здоровом организме в динамическом равновесии. При этом каждый человек индивидуален по функциям и требует особого подхода, основанного на комплексе диагностических признаков. В идеале и западный официальный подход призывает к этому. Но если в традиционной восточной медицине был отработан тонкий механизм определения состояния человека по сотням признаков, существовала система обучения специалиста, то официальный западный подход делает ставку на другие критерии – обследование человека с помощью

технических средств и различных по инвазивности инструментальных методов. В результате исчезает холистическое восприятие человека, исчезает искусство глубокого анализа, и утрачиваются скрытые резервы, которые и должны раскрыть целители. Восточные целительские приемы и психотехники, стимулирующие воображение, конструктивное, творческое представление того, к чему нужно стремиться, постулируют, что напряженность – это просто возможность. Человек обладает огромной энергией, и чем больше он ее использует, тем больше он ее получит. Это только часть принципов народной корейской медицины.

Роль религиозной идентичности в процессе адаптации у мигрантов¹

Шленская Т.В.

Современные исследования показывают, что некоторые группы мигрантов демонстрируют высокий уровень религиозной принадлежности. Очевидно, что особенности религиозной и этнической идентичности влияют на процесс аккультурации мигрантов.

Наиболее авторитетным автором в исследовании социокультурной адаптации является Дж. Берри, который разработал основные стратегии аккультурации мигрантов: интеграция, ассимиляция, сегрегация, исключение [Berry, 1999].

Анализ исследований [Булатов, 2007; Кириллова; Королева, 2008] показал, что общая религиозная принадлежность может быть фактором, способствующим сохранению этнической идентичности. Примером служат вайнахи, у которых ислам в форме суфизма привел к формированию во второй половине XIX – начале XX века вирдовых общностей. В годы ссылки вирдовая структура выступала объединяющим фактором, помогавшим чеченцам и ингушам сохранить свою этническую и религиозную идентичность. Второе направление наиболее четко проявляется у дагестанских народов, у которых возрождение ислама этносоциальному сепаратизму, превращению религии в средство борьбы за власть между различными группировками. Обе тенденции могут действовать не только параллельно в одно и то же время у разных этносов и в рамках одного этноса [Булатов, 2007].

Проведенные исследования в США показали, что во – первых участие в религиозной деятельности мигранты находят утешение, безопасность и общение, во – вторых участие в религиозных практиках позволяет обретать убежище, ресурсы и различные социально-экономические блага [Hirschman, 2006].

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

В настоящий момент в России находится более 10 миллионов мигрантов, большая часть которых из Средней Азии и является мусульманами [Грицюк, 2013]. В связи с этим, опираясь на проведенный теоретический анализ, нам представляется актуальным и малоизученным роль религиозной идентичности мигрантов России и принимающего общества в процессе аккультурации. Представителям этнических меньшинств отводится крайне важная роль в системе принимающего общества и требуется всестороннее изучение их мотивов, целей и внутренних установок.

Этнокультурный подход к воспитанию воли

Шляпников В.Н.

Проблема воспитания воли была и остаётся одной из самых актуальных и, вместе с этим, одной из самых сложных проблем прикладной психологии. В отечественной психологии в работах Л.И. Божович, Е.П. Ильина, А.Ц. Пуни, В.И. Селиванова сложилось представление о комплексном подходе к воспитанию воли, предполагающем всестороннее развитие личности в целом, а не формирование отдельных волевых качеств по отдельности. Воля, как высшая психическая функция, представляет собой «культурное орудие», с помощью которого человек овладевает собой, своей жизнью и своей судьбой. В связи с этим, важную роль в воспитании воли, особенно на ранних этапах онтогенеза, играет общественно-исторический образ жизни, который во многом определяет индивидуальный образ жизни субъекта (1).

Одним из существенных аспектов общественно-исторического образа жизни является его этнокультурная составляющая, которая рассматривается нами в качестве одного из ресурсов воспитания воли у подростков и молодёжи в условиях поликультурного общества.

Этническая культура предлагает субъекту определённый набор:

1. Мотивов и ценностей, определяющих направление формирования личности. Эти ценности транслируются детям родителями с самого раннего возраста, например, с помощью сказок, герои которых демонстрируют разные волевые качества. Как показывают наши исследования, в одних этнических группах, например, у русских высоко ценятся такие волевые качества, как ответственность дисциплинированность, а в других, например, у евреев. – решительность и инициатива.

2. Видов деятельности, предъявляющих различные требования к волевой регуляции. В каждой культуре есть представления о «достойных» и «недостойных» видах деятельности, например, у многих народов, исповедующих ислам, мальчики освобождены от работы по дому. В подтверждение этому при гендерном сравнении различных этнических

групп мы обнаружили, что в одних этнических группах, например, у татар и башкир, показатели волевой регуляции различны, а в других, например, у евреев и армян, они сходны.

3. Способов деятельности, в частности способов волевой регуляции и воспитания воли. Разные подходы к воспитанию ребёнка были обозначены многими исследованиями, например, Р Бенедикт разводила «культуры вины», характерные для западной цивилизации, и «культуры стыда», характерные для Востока. В частности широко распространённый у русских метод воспитания «встань в угол и подумай о своём плохом поведении», формирует у детей ориентацию на состоянии, что было показано в наших исследованиях. В культурах, где воспитательные приёмы так глубоко не затрагивают личность ребёнка, например, у евреев или у татар, мы наблюдаем более выраженную ориентацию на действие.

Таким образом, этническая культура играет важную роль в воспитании воли субъекта, а традиционные способы воспитания могут быть использованы на практике в качестве психотехнического средства формирования волевой регуляции.

Литература:

1. В.А. Иванников, В.Н. Шляпников Воля как продукт общественно-исторического развития человечества // Психологический журнал, Т. 33, №3, 2012. – С. 111-121.

Информация об авторах

Авагимян Анжела Альбертовна, ассистент кафедры педагогики и медицинской психологии, Первый МГМУ им И. М. Сеченова, соискатель кафедры психология личности МГУ, *avagimyan_anzhela@mail.ru*

Айварова Нина Геннадьевна, к. психол. н., доцент, Югорский государственный университет, *ninaajvarova@yandex.ru*

Ауан Туба Сыдыка, аспирант, МГГУ имени М. А. Шолохова, *sdktb33@hotmail.com*

Вартанова Ирина Ивановна, канд. псих. наук, доц, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, *iivart@mail.ru*

Баркова Юлия Сергеевна, кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, докторант Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, *julia.barkova@gmail.com*

Белькова Мария Родионовна, аспирант, ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», *belykova85@mail.ru*

Бокарева Мария Алексеевна, магистр психологии, junior researcher, Egon Zehnder International, *bokarevamarina@gmail.com*

Бузилова Вера Анатольевна, педагог-психолог, МБОУ «Ягульская СОШ», *buzivera@yandex.ru*

Верченова Екатерина Андреевна, аспирант, Московский городской психолого-педагогический университет, *katept@bk.ru*

Гир Марина Владимировна, соискатель, факультет психологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, *marina.geer@gmail.com*

Горнаева Светлана Васильевна, аспирант, Балашовский институт СГУ им. Н. Г. Чернышевского, *svetlana.gornaeva@yandex.ru*

Гурина Оксана Дмитриевна, аспирант, Московский городской психолого-педагогический университет, *knurik@yandex.ru*

Дмитриенко Алина Наильевна, аспирант, Институт филологии СО РАН г. Новосибирск, сектор фольклора народов Сибири

Зайцева Мария Владимировна, аспирант, НОУ ВПО «Сибирский независимый институт», *mba3@sibmail.ru*

Зинурова Раушания Ильшатовна, д. соц. н., проф., зав. каф., Казанский национальный исследовательский технологический университет, *rushazi@rambler.ru*

Ильюкевич Игорь Петрович, научный сотрудник/психолог, отдел психических и поведенческих расстройств Республиканского научно-практического центра психического здоровья, *greenstarorama@gmail.com*

Информация об авторах

- Кауненко Ирина Ивановна*, к. психол. н., старший научный сотрудник, Академия Наук Республики Молдова, caunenco@mail.ru
- Каунова Наталья Григорьевна*, к. психол. н., старший научный сотрудник, Академия Наук Республики Молдова, Институт Культурного Наследия, Центр Этнологии, ncaunova@mail.ru
- Каяшева Ольга Игоревна*, канд. псих. наук, доц., Университет Российской академии образования, idst1230@yandex.ru
- Ким Хен Су*, д. мед. н., проф., Центр Корейской традиционной медицины АМН КНДР
- Клюкина Анастасия Геннадьевна*, педагог-психолог, ГБОУ лицей № 507, nickanas@mail.ru
- Козлова Мария Андреевна*, канд. ист. н, доц., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», makozlova@yandex.ru
- Константинов Всеволод Валентинович*, канд. псих. наук, доц, зав. каф. «Общая психология», Пензенский государственный университет, konstantinov_vse@mail.ru
- Кудрявцева Екатерина Львовна*, канд. пед. наук, научный сотрудник Института иностранных языков и медиа-технологий Университета Грайфсвальда, доцент Российского Нового университета, ekoudrjavitseva@yahoo.de
- Кулебякина Ульяна Николаевна*, ассистент кафедры иностранных языков, Иркутский государственный лингвистический университет, ulyana_710@mail.ru
- Курбанова Лидия Увайсовна*, д.социол.н., проф., Грозненский государственный нефтяной технический университет им. ак. М. Д. Миллионщикова, medna59@mail.ru
- Лейбман Ирина Яковлевна*, к. псих. н., доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский городской психолого-педагогический университет, irina.leybman@gmail.com
- Лихоманов Александр Евгеньевич*, преподаватель, Волгоградский государственный медицинский университет, Natura-kunst@yandex.ru
- Мазиллов Владимир Александрович*, д. психол. н., профессор, зав. каф. ЯГПУ, v.mazilov@yspu.org
- Макарчук Анна Владимировна*, канд. псих. н., программный директор, Центр толерантности еврейского музея, anyamak@mail.ru
- Митина Ольга Валентиновна*, канд. психол. н., ведущий научный сотрудник, МГУ имени Ломоносова, omitina@inbox.ru

На перекрестке миграции: от теоретических моделей к практическим решениям

- Молчанова Екатерина Александровна*, аспирант, Удмуртский государственный университет, molch.ekat@yandex.ru
- Назранова Леля Жабраиловна*, аспирант, Московский городской психолого-педагогический университет, gingo07@mail.ru
- Накохова Рида Рашидовна*, д. психол. н., профессор, зав. каф. педагогики и психологии РГБУ «Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования», rid.r_nakoh@list.ru
- Непочатых Елена Павловна*, к. психол. н., доцент кафедры психологии и педагогики, Курский институт социального образования (филиал) РГСУ, nepochatyh83@mail.ru
- Обухов Алексей Сергеевич*, к. психол. н., доцент, заведующий кафедрой психологии образования, профессор, ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», ao@redu.ru
- Одинцова Мария Антоновна*, канд. псих. наук, доц, Московский городской психолого-педагогический университет, mari505@mail.ru
- Орленко Светлана Анатольевна*, ведущий тренер, Центр толерантности еврейского музея, svetlana.o@jewish-museum.ru
- Орлова Марина Олеговна*, аспирант, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, marina.o.orlova@gmail.com
- Павлова Ольга Сергеевна*, к.пед.н., доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский городской психолого-педагогический университет, os_pavlova@mail.ru
- Преснякова Светлана Александровна*, студент, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, presnyakova.sveta@mail.ru
- Румянцева Полина Витальевна*, к.психол.н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, polinarum@gmail.com
- Рябиченко Татьяна Анатольевна*, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», tanarimail@gmail.com
- Савицкая Ольга Викторовна*, к.психол.н., доцент, доцент кафедры психологии образования, Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, sawytska@rambler.ru
- Савушкин Александр Александрович*, менеджер проекта, Центр толерантности еврейского музея, alexander.s@jewish-museum.ru
- Смотрова Татьяна Николаевна*, к.психол. н., зав.кафедрой психологии и педагогики профессионального образования, Балашовский институт СГУ им. Н. Г. Чернышевского, tat-smotrova@yandex.ru

- Соловьева Татьяна Алексеевна*, к. психол. н., доцент, доцент кафедры психологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. В. Ломоносова, *solo.tania2011@yandex.ru*
- Старова Татьяна Анатольевна*, педагог-психолог, ЦПМСС «Поддержка», *voshogdenie2011@yandex.ru*
- Степанова Галина Семеновна*, канд. псих. наук, доц, Воронежский государственный педагогический университет, *gsstepanova@mail.ru*
- Сулейманян Андраник Грантович*, канд. псих.наук, доц, Московский городской психолого-педагогический университет, *andranikgr@mail.ru*
- Тагирова Раиса Абдуллаевна*, к. пс. н., доц, Чеченский госуниверситет, *raisa.tagirova.1971*
- Терентьев Алексей Анатольевич*, педагог-психолог, Куйбышевский Филиал ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»
- Терентьева Ольга Григорьевна*, канд.пед.наук, доцент кафедры педагогики, Куйбышевский Филиал ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»
- Ткаченко Наталья Владимировна*, к. психол. н. , докторант, Московский педагогический государственный университет, *tata_tkachenko@mail.ru*
- Третьякова Анна Владимировна*, педагог-психолог, ГБОУ детский сад № 382 комбинированного вида, *tretyakova.a@mail.ru*
- Троянская Анна Игоревна*, к. пс. н., доц. каф. психологии развития, Московский педагогический государственный университет, *atroyanskaya@mail.ru*
- Фомина Наталья Олеговна*, канд. филос. наук, педагог-психолог, МБОУ Развилковская средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов, *Magicusagi@rambler.ru*
- Хабибулина Виолетта Максудовна*, канд. биол. н., АНО «Институт социальных исследований и гражданских инициатив», *vioksu@gmail.com*
- Хайт Мария Александровна*, аспирант, Московский городской психолого-педагогический университет, *mary1415@mail.ru*
- Хакимов Эдуард Рафаилович*, канд. пед. н., доц , доцент кафедры педагогики и педагогической психологии, Удмуртский государственный университет, *eduard.khakimov@yahoo.com*
- Хотинец Вера Юрьевна*, д. психол. н., профессор, зав. кафедрой общей психологии, Удмуртский государственный университет, *khotinets@mail.ru*
- Чибисова Марина Юрьевна*, к. психол. н., доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский городской психолого-педагогический университет, *marina_jurievna@mail.ru*

На перекрестке миграции: от теоретических моделей к практическим решениям

Чухрова Марина Геннадьевна, д.мед.наук, профессор кафедры психологии личности и специальной психологии факультета психологии ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», mha3@sibmail.ru

Шленская Татьяна Вячеславовна, магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
tatjana-91-69@rambler.ru

Шляпников Владимир Николаевич, к. психол. н., декан факультета психологии, ГОУ ВПО МО «Академия социального управления»,
shlyapnikov.vladimir@gmail.com

На перекрестке миграции: от теоретических моделей к практическим решениям. Сборник материалов четвертой Всероссийской научно-практической конференция «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития»: 25–26 октября 2013 г.

Отпечатано в Отделе оперативной полиграфии МГППУ

Подписано в печать: 26.09.2013.
Формат: 60*90₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,2.
Тираж 150 экз.